

Виктор СЛАВЯНИН

г. Москва

*Моей маме,
Анне Ивановне
Касьяненко,
посвящается*

У озера

повесть

4 мая

Я проснулся от частого грубого стука в палатку. Начался дождь. Откуда-то долетали слабые раскаты грома. Но с каждым новым взрывом дождь усиливался. Вдруг сквозь оранжевую ткань палатки пробилась яркая серебряная змея молнии и с оглушительным грохотом разломила чёрное полотно неба, накрыв дождём лес, озеро и нас, шрапнель которого пыталась пробить ткань палатки.

Павел Митрофанович размеренно посапывал во сне.

«Во нервы...» — позавидовал я.

Старик заворочался, шмыгнул носом и сказал:

– Не спите тоже?

– Не получается.

Павел Митрофанович глянул на светящийся циферблат часов.

– Два часа... Через час начнётся...

– Что?

– Гром, как говорится, навеял... Налёт через час начнется...

– Не понял?

– Сколько лет ни с кем не вдавался в воспоминания, и казалось, что обо всем счастливо забыл. А сейчас само из меня прёт... Немец начнёт в три часа...

Старик встал, ушёл в предбанник, зажёл керосиновую лампу и вынырнул из палатки.

Молния рассекла небо длинным огненным кнутом, громко выстрелив, словно небесный пастух прогонял над землёй непослушное стадо.

– Приглашаю на кофе, — Павел Митрофанович заглянул в палатку. — Поливает крепко! Люблю неожиданную непогоду. В ней есть что-то необходимое для человека. Заставляет держать себя в нужных нервных рамках. Завтра щука будет жировать. После грозы особенно наглеет. Готовьтесь.

– А вы что делали в ту ночь? — спросил я. — Ни в одних мемуарах никто не описывает первой ночи...

— В какую? — Павел Митрофанович отвернул крышку термоса.

— Первую...

— Женщина не способна описать первую ночь, — рассмеялся старик, наливая кипяток в чашку. — А мужчина тем более...

Косаревский мотался по штабному автобусу, как медведь по клетке. Метр — вперёд, метр — назад. Реагировал на каждый телефонный зуммер и писк радиостанции. Выходил на двор несколько раз, слушал...

— Немца слушали по радио? — спросил я.

— Наивный народ подрастает, — хмыкнул старик, передавая мне чашку с кофе. — Это вы сейчас всякие «Голоса Америки» можете слушать. А тогда радиостанция могла соединиться только со штабом дивизии... И на выделенной частоте... Чуть отвернул ручку вправо или влево — треск и шипение. А он слушал время...

Я сидел на командирском стуле и гадал, как на ромашке: начнут — не начнут? Соврали поляки или сказали правду? Ждал... В мозгу стучало: «Когда? В три начнут?... В четыре?... В пять?» Слава Богу, Слизкий оставил протоколы допросов тех двух несчастных, которые перебежали... Если не начнут, а припрутся особы, то будет чем отбрезаться, почему сменили место дислокации...

Вышел из штабного автобуса. Часы показывали половину одиннадцатого. Запад сверкал светло-стальным закатом. С востока на нас выкатилась полная луна и повисла как фонарь. Её неяркий свет отбеливал редкие, лениво движущиеся серые облака. Ветра не было. И мелкий кустарник вокруг молчал. Умиротворённая картина...

Косаревский непрерывно связывался с командирами батальонов. Но вдруг сорвался и, запрыгивая в броневик, крикнул: «Телефону не верю! Надо поглядеть...»

Время тянулось медленно, высасывая последние силы. Было такое впечатление, что я грузну в топком болоте. Пытаюсь выдернуть из грязи ноги. А сил уже нет.

Но тяжелее было с мыслями:

«Если начнут, то как? Побегут с шашками наголо? Или как каппелевцы в «Чапаеве» — чётким строем, не опуская головы? Может, как в Белостоке на параде — начнём обниматься с бутылками шнапса в руках? А если не начнут?..»

— Получается... — сказал я, — вы себя загнали в ловушку?

— Получается... И чем дальше к утру, тем тошнотворнее...

— Единственное — молить немца начать войну, — рассмеялся я.

Павел Митрофанович глянул на меня колючими глазами, но ничего не сказал. А я почувствовал, что снова вступил во что-то вонючее. И, чтобы подсластить разговор, спросил:

— А что делал Слизкий?

— Читал газету... Я глянул на часы. Большая стрелка упёрлась в единицу, а малая подпёрла одиннадцать.

Вышел ещё раз из автобуса. Тишина. Разогретая луна на южном склоне...

Из открытой двери на улицу вылетело рычание телефонного зуммера... Выскочил телефонист.

«Товарищ командир! — крикнул он. — Начальник караула... До нас гости!»

Я взял трубку.

«Товарищ майор, тут из корпуса приехал капитан ... — он сделал паузу. — Госбезопасности. Вас требует».

«Вот и началось», — подумал я. И приказал:

«Проверь документы и проводи!»

В темноте мелькнул свет фар. Он то шарил по сторонам, подпрыгивая, то внезапно гас, исчезая под землёй. Автобус вдруг осветил яркий свет. В лучах возникла маленькая тёмная фигурка человека в военной форме с портфелем в руках.

Он подошел к вагончику и чуть слышно, точно пропел, спросил: «Кто командир?»

«Я... С кем имею честь? И выключите фары. Здесь военный объект».

Гость вернулся к машине. Свет исчез.

Капитан вошёл в автобус, положил на стол толстую полевую сумку, похожую на книгу в кожаном переплёте, раскрыл и долго в ней рылся. Достал из кармана френча очки, набросил на уши дужки, педантично укладывал стекляшки на нос, пока не нашёл им нужное место. Вынул лист бумажки, заглянул в него и спросил:

«Начальник штаба Кур-Косаревский где?»

«В батальонах, товарищ капитан...»

«Госбезопасности, — добавил гость, сосредоточенно ковыряясь взглядом в листочке. — Вызовите...»

«А вы, собственно говоря, кто?» — нервно спросил я, чувствуя недоброе.

Коротенький, щупленький человечек, больше походивший на пятнадцатилетнего недокормленного подростка, оторвался от листоч-

ка, глянул на меня из-подо лба. И родилось ощущение, что смотрит он не снизу вверх, а сверху вниз.

«Вам доложили, кажется, что приехал сотрудник Особого отдела корпуса... — Капитан снова стал разыскивать что-то в листочке. — А товарищ Слизкий? Или как вы его тут называете на иностранный манер?.. Гер...»

Комиссар сделал шаг вперёд и протянул руку капитану.

«Доложите по уставу», — чуть слышно попросил коротышка.

«Батальонный комиссар Слызкий...»

Капитан уселся на командирский стул вполоборота к столу. Выудил из полевой сумки чистый листочек, положил его перед собой. Выдернул из кожаной петли в боковине толстую авторучку, свинтил колпачок и, забросив ногу на ногу, спросил, как спрашивает старушка-язва провинившегося ребёнка: «Расстрелу захотелось?»

По уверенной наглости, с которой этот человек хозяйничал в штабном автобусе, было ясно, что приехал он с особыми полномочиями.

Я стиснул зубы и сжал губы. Отвечать мне было нечем. Но я смотрел не на капитана, а на калоши, надетые на его сапоги. Не было сил оторвать взгляд. Мне казалось в тот момент, что в них моё спасение.

«Расстреляю!» — крикнул капитан, не встретив моего виноватого взгляда.

Но я не услышал его. Мой мозг лихорадочно искал ответ: зачем в июньской жаре калоши? Они меня занимали больше, чем скорая расправа.

Капитан наклонился над столом и принялся писать, пряча сапоги под столом.

«Как называется место, где я нахожусь?» — спросил нервно он.

«Качиное болото», — опередил меня комиссар.

«Ка-чи-ное, — пропел счастливо проверяющий, — бо-ло-то... Ко-то-рый час?»

«Половина второго, товарищ капитан», — снова выскочил Слизкий.

«А вы где должны находиться по стратегическому плану командования Красной армии?» — И, не получив ответа, повернулся лицом ко мне.

А я смотрел на калоши. И вдруг ясная мысль: комиссар настроил донесение, что полк без приказа командования передислоцируется в район Качинового болота... Это его право и обязанность... А этот экзекутор, отправляясь в карательную поездку, надел калоши, чтоб не испач-

кать сапоги в болотной грязи!.. Конечно! Качиное болото!

«Вы глухой? — выпалил особист. — Отвечайте на вопрос!»

В моем сознании калоши вдруг выросли до огромных размеров и накрыли собой капитана. Я с трудом стал сдерживать себя, чтобы не рассмеяться... Мне бы морду набить своему комиссару, а из меня хохот, как пена из эпилептика... Приступ какой-то вдруг... И откуда этот дурацкий смех?.. Тут самое время рыдать...

В двери автобуса мелькнул свет фар. И через минуту долетело гудение броневика. Вошёл Косаревский и, увидев на месте командира полка незнакомого человека, заинтересованно спросил:

«Что здесь происходит, товарищи командиры?»

«Проверка из Особого отдела корпуса», — ответил я, всё ещё давясь молчаливым смехом.

«Представьте и предъявите предписание», — попросил Ку-Ка.

Капитан выдернул из сумки маленький листочек и протянул майору.

Косаревский внимательно прочёл, подошёл к телефону и потребовал приехать в штабной автобус полкового оперуполномоченного. И оставил предписание у себя.

«Цель вашего приезда?» — спросил он строго.

«Вы — враги народа, — пропел капитан мягко. — Без приказа покинули назначенное вам место обороны государства. И у меня есть полномочия... расстрелять вас на месте...»

«И после расстрела командира и начальника штаба, — Ку-Ка заглянул в предписание, — вы займёте их место... на этом же месте? Может, пока потренируетесь? Тем более что уже сидите на стуле командира полка».

Особист оторопел. Снял очки и начал перекидывать их из руки в руку. Он, должно, никогда и подумать не мог, что, убив человека, взвалит на себя самую страшную ношу в жизни — принимать ответственные решения...

«Этого в предписании нет!» — словно отталкиваясь от чего-то грязного, с брезгливостью сказал капитан.

«Так и про расстрел тоже ничего не сказано... в предписании», — грубо отрезал Косаревский...

Молния над лесом снова разорвала небо на три больших куска.

— Нет человека — нет проблемы, — сказал Павел Митрофанович, отставив пустую чашку. —

Любимое правило всех времён... А тут стрельни двух командиров, и что делать? На ускоренных курсах борьбы с врагами особисту не рассказывали, как командовать полком... Да ещё боевое охранение не выпустит без приказа командира полка... А то и пристрелит...

— И что же капитан? — не скрывая волнения, спросил я.

— Косаревский взял табуретку, придвинул к столу и сказал: «Пересядьте, пожалуйста, товарищ капитан... Вы сидите на месте командира полка... По уставу это не положено».

Я подумал, что коротышка сейчас же возмутится и обязательно напомнит, что он — госбезопасность. Но проверяющий пересел и принялся что-то писать.

Писал неспешно, откладывая в сторону исписанный лист один за другим...

Как-то вдруг я забыл о проверяющем. И калоши выветрились из сознания. Ко мне вернулся страх, который привёз с собой капитан.

Вышел из автобуса и поманил за собой Косаревского.

«Что будет? — нервно спросил я, чувствуя, что у меня дрожит голос. — Этот... сучонок с полномочиями... уже три страницы надрал... Так просто мы не отделаемся... Понимаете?.. Мы нарушили планы командования...»

«Будем молить Бога, чтобы немец пошёл», — спокойно ответил Ку-Ка.

«Как? — вырвалось у меня. — Молить о войне?!»

В кровь мне вдруг проникла ядовитая мысль, которая ждала своего времени в потаённом уголке души, как змея в засаде:

«Выходит — сам себя приговорил!.. Какая разница, где ждать войну?.. Дождались! Этот особист имеет приказ нас расстрелять! Получается... немец, если пойдёт, — он наш спаситель!.. А если не пойдёт? Мы — враги народа! И никакие статьи в журналах, кусты с танками и «сорокапятками» в кустах не спасут!..»

«Либо мы дураки... — так же спокойно ответил майор, глядя мне в глаза и улыбаясь, — либо нас таковыми делало командование Красной армии... Посмотрим. — Он глянул на часы. — Два часа сорок пять минут... Я думаю — ещё час... До полрассвета... Да, кстати... Наполеон тоже перешёл Березину двадцать второго июня...»

Появился полковой оперуполномоченный. Ку-Ка отдал ему предписание корпусного особиста со словами: «Проверь как следует!»

Когда опер ушёл, я спросил, не скрывая нервозности: «А если не начнут?!»

«Особист будет у нас харчеваться под конвоем! — ответил Ку-Ка раздражённо. — До потери пульса... пока не начнут... И попрошу вас, товарищ майор... — Он, сделав паузу, добавил уже тихо и доверительно: — Не дуйте в муку, не делайте пыли, товарищ комполка! Начнется... к сожалению... Или я полный дурак...»

Небо на востоке стало чуть светлеть, а запад ещё накрывала ночная темень. И из этой черноты вдруг долетел монотонный скребущийся гул... И, словно испугавшись его, куда-то исчезла луна...

Мы с начальником штаба посмотрели на небо, потом друг на друга... И догадались...

Нам нужно было улыбаться, радоваться и пинком пнуть капитана из штабного автобуса.

В дверной дыре появился коротышка и, стараясь быть злым, приказал: «Соедините меня со штабом корпуса! И пусть сюда прибудет ваш начальник караула! Вы оба арестованы...»

И душа вдруг взорвалась...

Я вскочил в автобус, вывернув локтем проверяльщика-расстрельщика из дверного проёма. Ку-Ка вбежал следом и, схватив трубку, крикнул: «Лебедь-один, лебедь-два! Всем! Готовность!»

Небесный гул захватил всё пространство вокруг и заполнил автобус. Он падал с неба, как назойливая дождь.

Особист, прилипший к металлическому шкафу, служившему сейфом, задыхаясь, крикнул возмущённо: «Это что?..»

«Скворцы! — огрызнулся Ку-Ка. — На вишнёвые сады летят кормиться!»

Я повернулся и, сделав шаг навстречу капитану, рывкнул, точно спущенный с цепи пёс: «Это война!..»

Павел Митрофанович взял термос и спросил:

— Ещё кофе? Я себе чуть позволю...

— Тогда и мне...

— А в три часа гаубицы начали обстрел... — сказал старик, запуская ложку в банку с кофе. — Слышим, как над головами шуршит, точно шмели огромные пролетают. И из-за спины, из далёка до нас докатывалось эхо взрывов... — Он протянул руку воде, которая стекала с тента. — Двадцать второго в три часа уже светало. Дождя не было. Но гудело и взрывалось кругом, как сейчас...

Косаревский переговорил ещё раз с батальонами.

— А особист? — спросил я.

— Исчез куда-то, — с некоторым безразличием сказал Павел Митрофанович. — За гулом гаубичного обстрела я даже не услышал, как уехал его автомобиль...

— А как же боевое охранение?

— В тот момент, наверное, было не до проверки, Юра...

— Вы испугались?

— Испугался? — переспросил старик. — Признаюсь... не помню. Было что-то... Какая-то каша... Особист, комиссар, начштаба с кустами обороны... Но не страх... Я много читал героических вояк... Без всякого стыда пишут: «Увидел немца, и тут же в душе порыв — умру, а не пропущу врага!» Тыфу! Чуть собака... Я так не думал. И за войну таких не встречал... Первая мысль, которая меня скрутила: «Боже, сделай так, чтобы всё было, как Ку-Ка рассчитал...» Что танковый полк? Ерунда. Сомнут и в грязи утопят... Ведь ни разведки у нас, ни донесений. Как слепые цуцики. Только ожидание... вчерашнего дня! Самое страшное — не знаешь, кто против тебя... Полк, дивизия, а может, целая армия?... Потом взял себя в руки и построил привычную для себя схему...

— На бумаге? — спросил я.

— В голове... Для меня всегда главное — что с людьми творится... Война — не игра детей в песочнице... Тут смерть! Куда людей отводить, если нас сомнут?... Приказал соединить меня с санбатом. Мы оставили его в старом лагере. Дал команду приготовить все автомашины и броневики.

— А страх? — донимал я. Был уверен, что старик просто выказывает бравату.

— Страх на войне... он особый. Всегда с тобой, — сказал Павел Митрофанович. — Отделаться от него нельзя и привыкнуть невозможно. Он, как гнусная бактерия, грызёт тебя изнутри.

Телефонист крутит ручку на аппарате, беспорывно вызывая санбат: «Дванадцатый, дванадцатый...» И виновато говорит: «Не отвечаю, товарищ командир...»

И вдруг за моей спиной что-то зашевелилось тяжело. Я обернулся.

В углу, в полутьме, стоял Слизкий и трясушимися руками крутил газету, как шею гусю. Меня подмывало подойти и крикнуть в лицо: «Что с тобой сделать, сука! Вот она, война!»

Но почему-то стало жаль комиссара. Взгляд его блуждал. Было такое впечатление, что он вдруг ослеп...

«Филимон Кузьмич! — кричу. А он меня не слышит. Толкаю в плечо: — Очнитесь!»

Слизкий упал на табурет. Газета выпала из рук...

Павел Митрофанович налил в чашку воду и передал мне термос.

— А в половине четвёртого что-то на нас поползло, — сказал он, отхлебнув кофе. — Ну, точно чёрные жуки. Глянули в трубу — танки.

Косаревский снял телефон: «Лебедь-один! Лебедь-два! Приготовиться! Отворот — сорок градусов. Дистанция — пятьсот!..»

Немец шёл, точно косяк журавлиный по небу. Кто-то вырывался вперёд, кто-то отставал.

Ку-Ка подошёл к стереотрубе, глянул направо, налево. Поманил жестом телефониста, требуя телефонную трубку. И вдруг громко сказал, приложив её к уху: «Сорокапятки! Обозначьте огонь».

Что-то пукнуло слева и справа. И через мгновение танки, словно по команде, разделились на четыре группы и полезли на нас, как вилы в стог.

«Лебедь-один... Лебедь-два... — говорил в трубу Ку-Ка. — Отворот сорок... Бронбойными и зажигательными. По бортам... — и вдруг как крикнет: — Огонь!»

Земля рыкнула из пятидесяти оружейных стволов справа и слева, как огрызается из подворотни напуганная собака.

После второго, ещё более злого, огрыза Косаревский прокричал в трубку: «Лебедь-три! Приготовиться к атаке!..»

— А «Лебедь-три» кто? — спросил я.

— Неполный батальон тяжёлых «кавэ»⁷⁷, — объяснил Павел Митрофанович. — Я вам скажу, Юра... — Голос старика вдруг помолодел, зазвенел. — Если бы вы видели! Это вам не кино! В кино такой песни не споют! Я забыл про комиссара, про все напасти, которые висели на мне, как ранец на спине у школяра... Всё вышло, как говорил Косаревский...

После первого залпа из чёрных вилок кто-то вырвался вперед в роли жоака. Но вторым его урыли. Пламя как будто из-под земли вырвалось струёй и охватило танк... Весёлая картинка... На фоне чистого утреннего неба в поле в километре справа и слева горят какие-то непо-

нятные чёрные предметы... В линию стоят, как будто кто копёнки поджёт. Дым застилает горизонт...

Старик глянул на дно пустой чашки.

— Но это минутная радость, Юрий Василич... Как вдруг поцеловал зазнобу... — с ненаигранной пафосностью произнёс Павел Митрофанович. И вдруг его голос угас. И он добавил ядовито: — Которая тебя не любит...

Что будет дальше? Ведь это мой первый настоящий бой. А я не могу представить, предположить, что случится через минуту, полчаса, час. А для командира — это смерть. В сознание снова вернулись те двое поляков, которых расстрелял комиссар...

А Косаревский от трубы к телефону и назад, как будто на кухне яичницу готовит. Мне показалось, что он даже насвистывает какую-то мелодию...

«Свяжитесь со штабом дивизии!» — командует Ку-Ка радисту.

Тот крутит ручку на панели радиостанции. Внутри что-то хрипит, свистит. А связи нет.

«Передайте телеграфом!.. — приказывает он. — Нас атаковали в три часа двадцать минут. Отдал приказ на уничтожение... — Взялся за телефонную трубку. — Разведка... Ау!.. Комендантскому взводу прибыть на «кап». Две бронемашин в штаб дивизии. Доложить... что мы атакованы! И две — к соседям!..» — И поглядывает на радиста...

Но в железном ящике только змеиное шипение.

Звонит «Лебедь-один». Спрашивает, что делать? Перед ним танки горят, а остальные ушли. Приказываю ждать.

Слизкий как проснулся. Стал тяжело дышать. Но двинуться с места не может. Зыркает на Косаревского испуганно и на меня с мольбой.

«Разведка! — закричал я в трубку. — Быстро к танкам. Попробуйте там что-нибудь раздобыть. Какого живчика. Хоть полуживого... Лишь бы языком ворочал...»

Ку-Ка разбирается с телефонными трубками, а комиссар как замороженный наблюдает за его движениями, точно боится что-то пропустить.

Косаревский вдруг заметил комиссара.

«Всех в ружьё... Быстро! — отдал он распоряжение Слизкому. — Всех! Зенитный дивизион и артиллерию на прямую наводку... Под командование артиллеристов поступает понтонно-мостовой батальон. Хлебозавод в нормальном режиме... Это за вами, товарищ комиссар!»

А тот точно ждал этого. Выскочил из автобуса.

И уже Косаревский ко мне: «Отправь Амвросия с командиром комендантского взвода в полк. Пусть все документы из штаба привезут. Все! И всех, кто остался, — сюда!»

Я весь покрылся испариной. Ведь злосчастный мешочек с конвертами находился в сейфе моего кабинета. Подозвал Амвросия и шепнул на ухо:

«Сейфы... Все... Сюда... Мой привинчен... к стене. Вместе с кишками... со стеной!»

Танк ушёл в Берз...

Молния разрежала небо далеко за лесом. Гром лениво покотился куда-то в сторону, продолжая нас пугать по привычке...

Старик отставил пустую чашку в сторону.

— У меня приятель воевал во Вьетнаме, — сказал он. — Зенитным полком командовал. Рассказывал, что там есть время дождей... Это когда у нас Новый год... Среди бела дня, когда солнце сияет и на небе ни единой тучки, вдруг дождь как из ведра. И через десять минут прекращается... А нас уже второй день эта напасть в палатке держит...

— Чем закончилось утро двадцать второго? — спросил я.

— Через два часа атака повторилась, — сказал старик. — Но теперь уже с огнём. Болванки рыли брустверы, как будто чирьи лопались. Но и эту атаку мы отбили... Посчитали. На поле остались тридцать две машины... Выло над головой. Это возвращались самолёты, которые на рассвете вылетели...

А потом тишина. Только справа и слева долетала редкая канонада. Но и она умолкла к полудню. Благодать. Солнце яркое. Малиновки садятся на ближние ветки укрытия. Только невесело щебечут почему-то...

В автобусе командиры батальонов докладывают о своих геройствах. Слушаю и смотрю в трубу на поле, не отрываясь. Мне казалось, что, отойди, отвернись... и вдруг из-под земли вырастет ещё атака, я её прозеваю. Ох как не хотелось!

Привезли штабной обед.

«Вот сюда б стопочку, — сказал радист, глядя на телефониста. — По случаю победы».

«Не получится, — съязвил телефонист. — Товарищ комполка и товарищ начштаба нас не очень понимают. Они токо по-немецки разговаривают... И як называется горилка по-немецки, нэ знают...»

«Разговорчики, — сказал Косаревский. — Ещё не известно, кто победил. А вам бы только выпить».

«Так сидим же без дела, — сказал радист, не спеша облизывая ложку. — Надо или вперёд, или назад...»

«А вы как думаете, товарищ сержант?» — спросил Косаревский.

«Нам думать не положено, — ответил, хрипя, радист. — В газете напысано, што за меня у Москве думают. Вчера поллитрук про это читал».

«Кто читал?» — переспросил Косаревский.

«Политрук...»

«Ты, кажется, по-иному его назвал».

«Может, у кого и политрук, а у нас — поллитрук...»

«А если бы ты был командиром?...» — хотел о чём-то спросить Ку-Ка.

«Когда буду, — резко перебил радист, — подумаю».

Примчался Амвросий. На броне привезли два сейфа. Командирский волокли тросом.

«Товарищ майор, разрешите доложить! — запыхавшись, выпалил командир комендантского взвода взволнованно. — В расположении полка нашлы две свиньи. Мы привезлы сюда. Дюже верещалы, як мы их грузили на броню... Спужалысь. Два раза пылюку смывали... А в городе никого нету...»

«Что свиньи делали?» — спросил Косаревский, не сообразив, о чём докладывает разведка.

«Верещалы... А мы германа бачылы. У биноклю. Идэ мымо нас. На роверах»⁷⁸.

Это сообщение смутило начальника штаба. Он отозвал меня и сказал:

«Дай команду разведчикам... Пусть прочешут левую и правую стороны. Только не на броневиках, а на танках».

«Мы же послали связь, — возразил я. — Должна вернуться...»

«Не вернётся, — уверенно сказал Ку-Ка. — Ни справа, ни слева не слышно боя».

Над нами снова повис рой самолётов. Он сыпал с огромной высоты на землю ноющий гул...

Павел Митрофанович поднялся.

— Я как тот пёс голодный, — сказал он. — То спать то есть. Пойду лягу. Может, засну. Если не пьёте, то гасите лампы.

Я задул пламя. Пространство под пологом заполнил запах угарного керосина.

За лесом — отблеск отдалённой молнии. А гром где-то задержался.

* * *

Старик долго укладывался.

— И что разведка? — спросил я, натягивая на себя одеяло.

— Разведка вернулась к вечеру, — сказал Павел Митрофанович. — Новости неутешительные. Машины прошли в тыл около пятидесяти километров в полосе пяти-шести. Левый маршрут умудрился заглянуть в штаб дивизии...

— И где она? — спросил я.

— Наверное, отступила, — ответил старик, ухмыльнувшись. — Я до сих пор не знаю... Разведчики сказали, что только бумага ветер по двору гонял... Косаревский тут же отдал приказ... Стали готовиться уходить...

Павел Митрофанович повернулся на бок ко мне лицом.

— Да! Голова садовая! — сказал он. — Совсем с памятью плохо... Наш комиссар ещё одну штуку упорол. Пока мы ждали двадцать второго, он на броневике проехал по батальонам и скрытно от нас запретил включать радиостанции.

— Почему? — удивился я.

— Чтоб командиры не слушали немца. Они же за год крепко выучились шпрыхать.

— Так это же вредительство какое-то...

— Глупость, а не вредительство, — рассмеялся Павел Митрофанович. — Рации только в танках командиров рот и батальонов... Настроены на одну волну... Все. Да и те не работали с самого первого дня...

— Зачем он это сделал?

— Чтобы бойцы и командиры не сорвали начало войны. Потому-то Слизкий и стрельнул так поспешно тех несчастных поляков.

— Сорвать начало? Какая-то параноя...

— Совсем даже нет. Вот вы, Юра, узнали секрет врага — двадцать второго война! Что вы будете делать?

— Во все двери ломиться, — ответил я. — Крик бы поднял!

— Абсолютно правильно. Комиссар обязан был немедленно отправить шифротелеграмму. Срочно! Совершенно секретно! По инстанции... В корпус. Из корпуса она должна улететь в округ. Оттуда — в Кремль. А потом... Через

час-другой... «ТАСС уполномочен заявить, что Германское правительство готовит вторжение на территорию Советского Союза...» Приводятся войска в полную готовность. Особенно вторые эшелоны обороны... Вторжение супостата отражается... А Слизкий возглавляет список награждённых как первый, кто спас страну от долгой и кровопролитной войны...

— А если бы немец не пошёл? — спросил я. — Ни двадцать второго, ни двадцать пятого... Ни через год...

— Это была бы еще большая катастрофа, — объяснил Павел Митрофанович. — Зачем тогда голодомор? Зачем — индустриализация? Вместо индивидуальных домов — землянки и подвалы... Вместо швейных машинок — танк. Вместо сатина и ситца — армейское сукно. Вместо модельных башмаков и туфель — только армейские сапоги. Вместо игрушек детям — дуля, и та без мака... Поэтому, Юрий Васильевич, двадцать второе июня — для народа несчастье, а для кого-то... праздник!..

Дождь усилился. Капли зло стучали по крыше палатки, стараясь разорвать ткань. Складывалось впечатление, что стихию кто-то обидел и она готова была мстительно надоедать...

— Послали меня в октябре сорок второго на Урал получать танки для корпуса, — сказал Павел Митрофанович. — Чтобы прямо с завода на платформы и к Сталинграду. Завод — громадина — за неделю не обойдёшь... Рядом с проходной — засыпные бараки... Если бы бараки, куда ни шло... Их на пальцах одной руки пересчитал. А вокруг завода, как теперь говорят, город танкостроителей: одни трубы из земли дымятся. Блиндаж, который сапёры рыли для меня, — хоромы на фоне тех землянок. Справа от заводского забора люди в земле, как кроты, а слева — лагерная зона... С собаками... Только кладбище одно на всех... А народ — в основном дети и бабы. Чёрные, чуть живые... Даже вспоминать не хочется... Спрашиваю у главного военпреда⁷⁹: «Вас откуда эвакуировали?»

«Ниоткуда, — с удивлением ответил полковник. — Мы тут с первого дня... Как котлован для фундамента рыть стали...»

Павел Митрофанович плюнул в сердцах в темноту.

— Вот вам, Юра, и вся индустриализация... Да, — радостно воскликнул он. — Помню... ДнепрогЭС построили. Газеты соплями захлёбывались от радости. «Свет в дома простых со-

ветских граждан!..» — Вдруг яркая вспышка молнии озарила небо и палатку внутри. Я увидел, что старик свернул кукиш и ткнул им в сторону озера. — А вот вам свет, граждане!

Гром рухнул на нас, подминая крышу палатки.

— Подсоединили алюминиевый завод! — сказал старик. — А люди остались под керосинкой... Каховскую ГЭС сдали в пятьдесят пятом... Сам видел. Каждый год на рыбалку к той станции ездил... А свет народу соседних деревень в дома провели только через десять лет. Паспорта выдали по сёлам и лампочку Ильича под потолок подвесили... Натё... и заткнитесь... Давайте спать, Юра...

* * *

Завтракали холодными котлетами.

— Наши окуни уже все уснули, — предположил Павел Митрофанович. — На обед заварим уху.

Дождь монотонно сыпал. Вода напитала землю и стояла мелкими лужами вокруг лагеря.

— Немец больше не атаковал? — спросил я, наливая старику и себе кофе.

— В тот день не лез, — ответил Павел Митрофанович. — Разведка видела немца справа, слева. Мы оказались как в чулке. Связи ни с кем нет. Соседей уже нет. По обочинам размоленные пушки и пахнущие гарью танковые остовы. На вторую ночь стояния Косаревский предложил сниматься.

Ушли ранним утром двадцать третьего.

Колонна длинная. Впереди пятерка «кавэ», за ними зенитки разведроты, артиллерия вперемежку с «тридцатьчетвёрками»... Сзади зенитки артдивизиона и три «кавэ». Колонна — колбаса в добрый километр.

Разведчики на «бэтэшках» как сеттеры шныряли, разнохивая дорогу...

Подошли на место нашего бывшего лагеря. Там оставался полковой тыл...

Павел Митрофанович долго пил кофе. Молчал.

— Что там?

— Ни-че-го, — сказал Павел Митрофанович и тяжело выдохнул. — Поваленные сосны, воронки метра два шириной. И уложены точно пчелиные соты... Вместо палаток серо-зелёное рваньё ветер шевелит. Развороченные машины санитарного батальона... Ремонтная база — одни обломки... Понтоны будто кто специально поставил на дыбы...

— Чтобы так точно, — сказал я, — нужен коррективщик... Знали, куда целили.

— Наверное, был... — сказал Павел Митрофанович. — Я остановил колонну. Приказал обойти весь лагерь... Собрать и похоронить... Двух раненых подняли. Медсестру с перебитой осколком ногой... как у меня... И контуженого оружейного мастера... Ведь слышал гул гаубичных снарядов над головой и эхо взрывов за спиной. Я даже и подумать не мог — мой тыл месят.

Павел Митрофанович набросил плащ и пошёл к озеру. Вернулся, радостно улыбаясь.

— Можно целый день сидеть. Окуни все живы. И ваша щука на кукане, как собака на цепи...

Он уселся. Достал из кармана пластмассовую коробочку, вынул оттуда таблетку и проглотил её. Запил глотком кофе.

— Как ваша пани Фира? — спросил я. — Что с ней?

— Только хотел о ней сказать. Повёз нас Амвросий на «эмке» в город. Улицы пусты. Хоть бы какая собака гавкнула. Молчок. А чувствуем — на нас глядит множество глаз из-за оконных стёкол. Площадь у ратуши мёл какой-то человек. Увидел нашу машину, снял кепку, принялся кланяться. Я опустил стекло в двери и спрашиваю: «Товарищ, немец был?»

Человек напялил картуз, плюнул в сторону машины и скрылся в здании ратуши.

Подъехали к дому, в котором квартировали. Нашли ключ от входной двери в условном месте.

Дом пуст. Следы скорых сборов. На полу несколько фотографий... Они скорее всего выпали и остались незамеченными.

Искали хоть какую записку от Эсфирь Григорьевны. Увы...

Старик сбросил плащ и принялся нарезать хлеб.

— Косаревский сложил в солдатский вещмешок... Да, забыл сказать, — Павел Митрофанович трогательно указал рукой в мою сторону, словно извинялся. — Мешочек с конвертами Ку-Ка из сейфа переложил в противогазную сумку. Повесил её себе через плечо. Знамя, печати и прочие бумаги сложили в вещмешок. А сейфы утопили в речушке, которую переезжали. Ключи выбросили в придорожную пыль...

Ку-Ка взял фотографии своих девочек, пару белья и несколько книг...

А у меня в этом доме ничего своего и не оказалось. Нет, снова соврал. Привезли в Берз в

книжный магазин книгу «О вкусной и здоровой пище». Я её зачем-то купил. Двенадцать рубликов отдал. Хотел, чтобы жена научилась кулинарить по высшему разряду. Повертел книжку в руках. Большущая, тяжёлая. Куда с ней? Оставил на столе...

— Так ничего о хозяйке и не знаете? — спросил я.

— Ещё раз встретились. Но об этом чуть позже...

В Берзе постояли пару часов. Связи никакой. Но нутро подмывает... Не может, чтобы немец не появился... Косаревский скомандовал трогаться...

Идём. Не быстро. Куда идём? На восток... Попадались деревушки. Разведка докладывает — немец был вчера. А сегодня утром прошла наша пехота.

Вдруг подлетает командир разведбата.

«Товарищ комполка! — Дышит и хрипит открытым ртом. Глаза навывкате. — Гроши!» — И разводит руками, точно слона обнимает.

«Какие деньги?» — недоумеваю я.

«В кувети! Машина цельная! Вся в грошах!.. Километр по дороге».

Амвросий обогнал колонну.

И точно. Лежит перевернутый «зисок». Двигатель и кабина разворочены. Два тела. Или то, что от них осталось... Шофер и какой-то интендант. Задняя дверь распахнута... Мешки... Один разорван. Из него вывалились на пыльную обочину красные пачки.

«Остановите колонну!» — приказал разведке Косаревский.

«Что будем делать?» — спросил я.

«Нада спалыть!» — тут же сказал Слизкий.

«Неделю гореть будут, — недовольно ответил Ку-Ка. — Грузовик подгоните. И взвод охраны с ним. Филимон Кузьмич, пожалуйста, организуйте. Амвросий, смотайся».

Они уехали.

«Что вы задумали, Игорь Аркадьевич?» — «Перекинем в грузовик...» — «Разворуют...» — «Каждому бойцу по пять пачек. И незачем воровать».

«А комиссар?..» — с опаской спросил я.

«А ему — шесть, — рассмеялся Косаревский. — Наш народ никогда таких денег не видел. Да и в мыслях представить не мог, что когда-либо будет держать в руках. Раздадим, и пусть хоть сейчас эти червонцы послужат людям... Почувствуют бойцы себя не нищими рабами, а свободными гражданами... Уже будет, что защищать... А остальное сдадим... Если будет кому...»

Я слушал и не принимал слов майора. Боялся даже понять, что они означают.

Подъехал грузовик. Принялись перегружать. Слизкий зачем-то срывал сургучные печати с мешков, заглядывал в каждый и делал какие-то пометки в блокнотике. На этом потеряли битый час. Но Косаревский не вмешивался.

Я отдал приказ готовиться к ночи. Разожгли костры. Стали кашеварить побатальнно.

Собрал комбатов. Объяснил ситуацию. Приказал после еды привести личный состав к грузовику...

Павел Митрофанович сходил в палатку. Принёс жестяную коробочку. Принялся точить крючки.

— Раздавали всю ночь, — сказал он. — Амвросию поручил. Как самому надёжному.

— А как комиссар? — спросил я.

— На удивление, равнодушно смотрел. Утром снялись... Несколько раз отбивали фланговые удары немецкой пехоты. Днём въехали в какое-то большое село. Козин или Гозин... Сразу наткнулись на боевое охранение. Разобрались. Остатки танкового полка нашей дивизии. Как сейчас помню... Подполковник Виноградов. Доложил как положено. Поведал — от штаба дивизии ни черта не осталось. Его смели в первые часы авианалётом. Штаб корпуса, кажется, в Шепетовке. Ждут оттуда связи...

«Много тут народу?» — спрашиваю.

«Стрелковая дивизия... что осталось... И мы... А командует дивизионный комиссар. Ты к нему слетай, майор. Для порядку доложись... Он на противоположном конце села».

Я так и сделал. Приказал полку втянуться в село. Рассредоточиться... чтоб пожрать чего... А сам к начальству на доклад на «эмке».

Уже издали у крайней хаты разглядел «кавэ». Действительно, в хате сидит дивизионный комиссар... Вспомнить бы фамилию... Какая-то немецкая...

— Каппель? — съязвил я, вспомнив почему-то фильм «Чапаев».

— Лучше скажите — Деникин⁸⁰, — недовольно ответил Павел Митрофанович. — Краус!..

Я доложил по всей форме. Комиссар порывлся в бумагах, что лежали на столе, и, подняв несколько листов, спросил:

«Это ты передислоцировал полк на Качиное болото?» — «Я». — «И чего?»

«Две атаки танков отбили... Штук тридцать

подожгли...» — «Вот и получай по заслугам, Илья Муромец! На тебя донос, дорогой майор! — Он затряс листочками в воздухе. — Ты же своим самоуправством спровоцировал войну! Ты это знаешь?»

Меня после таких слов как льдом сковало. Стою и моргать не могу.

А комиссар выскочил из-за стола и, гудя мне в ухо: «Дай я тебя обниму!» — принялся тискать и целовать. Сам огромный, ручищи, как противотанковые мины. Помял меня, точно мы с ним друзья закадычные, и давай тыкать мне в нос бумажку.

«Ты погляди сюда! Почитай! — говорит, беспрерывно улыбаясь, и нервно потирает руки. — Это донос на тебя! Вчера принесли... За такое — расстрел! А ты молодец! Немцу пенделей навешал!.. И очень вовремя, дорогой товарищ майор! — И, перехватив мой беспокойный взгляд, сказал: — Ты не гляди, что я сам из немцев. Я воюю с теми, кто против меня. А что ты немец или какой другой австрияк — мне нету разницы. Их неметчина там... — он ткнул пальцем в окно, — а моя там», — указал большим пальцем себе за спину.

Комиссар унял радость и уселся за стол.

«Мне бы карту... — говорю. — И полный грузовик денег у меня... Что с ним делать?»

«Деньги? Плюнь на них... — А сам в какую-то бумажку смотрит. — Лучше раздай людям... Тут почти дивизия собралась... — Вдруг вскочил с табурета и с грохотом ударил ладонями по столу. Как только стол не развалился. — Бегут, суки! — Стал трясти листочком в воздухе. — Как немец пошёл, все сразу стали ненавидеть советскую власть! Вон сколько доносов... — Он отшвырнул от себя листочки с презрением. Какие-то упали на пол. — До сих пор все были правильные, выскобленные, как те брёвна, что в стену сложены, припасованные. А за два дня сразу дом и развалился... И ты, наверное, тоже?! — И, не дождавшись ответа, успокоил: — Но это ничего! Не до любви теперь! Сейчас воевать надо!.. Морду этой суке немецкой сквасить, чтоб и глаз не было видно! Чтоб штаны не успел спустить! Пусть с дерьмом и бегают!.. Земля горит!.. А карт у меня нету, дорогой товарищ майор! Жрать хочешь? — И, не ожидая ответа, встал из-за стола, порывлся в кованом ящике, что стоял у стенки. Выложил на стол буханку хлеба, два стакана, сулею, на дне которой колыхалась белая жидкость. Две миски и котелок. — Я хоть выпью с

тобой по-людски. А то мне все эти трусливые заячьи рожи надоели... — Глянул на содержимое сулеи. — Нам хватит... И сало у нас с тобой есть, и огурцы...»

Я хотел отказаться, но улыбчивая свирепость, с какой дивизионный комиссар предложил с ним пообедать, остановила.

Он налил из сулеи в стаканы спирт, развёл водой.

«Во! Хозяин ср...й! — выругал он себя. — Даже ложку гостю не дал! Лейтенант!..»

В хату вбежал худощавый паренёк с петлицами старшего лейтенанта.

«Принеси нам ложки. И намешай какой запивки. Чем тут местные запивают?»

Мы выпили. Я долго кривился, пересиливая жжение в пустом желудке. Комиссар даже не поморщился. Когда выпили по второй, Краус сказал уверенно:

«Карты ты у немца захватишь. Только толку от них, майор, никакого, скажу я тебе...» — «Почему?» — «Никто ни черта не может по-немецки!.. А я за всех тоже не могу... Хоть собственную бабку с того света выписывай, царство ей небесное, чтоб она переводчиком тут... А кто чего-то кумекал — шпионы, мать их!.. Ох, мне бы сейчас сюда этих шпионов!.. — Комиссар снова развёл по полстакана. — До чего дожили! Вчерась привели мне немчика. Языка. И во всей дивизии не нашлось ни одного грамотея... Не то чтобы допросить сопливого фельдфебеля, а чтоб просто поговорить... Какой же это язык, если на пальцах вопросы поясняют? Ты — настоящий командир? Ты и допроси, и дай свои соображения, а не к дивизионному комиссару бежать, если он немец от отца с матерью... Никто по-немецки ни бэ ни мэ...»

Краус отодвинул от себя кружку. Взял со стола толстенькую книжечку в сером переплёте и положил передо мной.

«Полюбуйся. Русско-немецкий разговорник. Приказано в роты раздать. А я эту гадость видеть не могу! Месяц назад привезли... Читай и разговаривай!.. А на самом деле?! Ты только глянь! Ни черта там нету! — И вдруг заговорил по-немецки: — Was für ein Dienstrang hast du? Aus welchem Bataillon bist du? Aus welcher Division bist du? Wie heist dein Kommandant? Welche Aufgabe bekam dein Bataillon für die nächsten vierundzwanzig Stunden?»⁸¹ Вот о чём нужно писать в этом разговорнике...»

Мы снова выпили.

Комиссар вытер губы тыльной стороной ладони и, поморщившись глазами, продолжил:

«А там чёрт знает чего налепили! «В какой партии состоите?.. Где живут члены вашей партии? Сколько у тебя коров?.. Где живёт бургомистр?.. Собирайтесь все на политинформацию!..» Я тебя спрашиваю, майор... зачем мне бургомистр на войне? У нас председатель райсовета, а не бургомистр! И какие члены, какой партии?.. У нас есть другие партии?.. Филькина грамота, а не разговорник! Вот и допрашивай языка с такими вопросами...»

Краус отрезал кусок хлеба, положил на него ломоть сала и протянул мне.

«Ешь, майор. Сытому воевать сподручней. — Он переложил левой рукой несколько листочков с места на место, продолжая жевать. Проглотил и добавил по-немецки, как-то между делом, то ли жалуясь, то ли соглашаясь с собой: — Herr Major, wenn du nur wüsstest, wie schwer ist es zu kämpfen, wenn alle um dich herum nicht gegen die Deutschen kämpfen, sondern die Feinde der Sowjetischen Regierung fangen...»⁸²

«Jawohl, Herr Divisionkomissar! — ответил я, откусывая кусок от молодого огурца. — Brot und Speck sind die beste politische Information».⁸³

У комиссара во рту застряла ложка. Глаза вдруг погасли в неудержимом испуге. Взгляд упёрся в дверь, словно хотел заглянуть в сени: не подслушивают ли разговор. И через минуту молчания спросил: «Ты немец?» — «Нет». — «А откуда знаешь? — Краус плеснул на дно кружки спирт и выпил. — Правда, говорить можешь?»

«У меня все командиры могут. — Я последовал его примеру и плеснул в свою кружку. — Целый год учились. Каждый день... — Спирт мял меня изнутри. — Deutsche Soldaten und die Offizieren...»⁸⁴ — пропел я.

«А вот об этом не пой. Сейчас придут двое. С ними поосторожней. Суки. Вот для них главное — политинформация. — И добавил: — Du bist ein guter Mann, Herr Major!..»⁸⁵

Через полчаса появились артиллерийский полковник и капитан госбезопасности. Краус указал им жестом на пустую лавку у окна.

Полковник мне не был знаком.

Зато капитан... Он глянул на меня и сделал вид, что мы друг друга не знаем, хотя еще позавчера он грозил мне расстрелом за предательство... В одной руке капитан держал полевую сумку, а в другой —

солдатский вещмешок. И по контуру предмета, который прятался в нём, угадывались калоши.

Комиссар сбросил остатки еды в ящик.

«У меня приказ из штаба корпуса, — сказал он. — Утром нужно вклиниться вбок дивизии из одиннадцатой армии фон... — заглянул в листочек, — фон Клейста. Он сейчас в Дубно... И разломать её, мать её. Пополам! Майор, — Краус кивнул в мою сторону, — прибыл с боеспособным полком. Не то что ты... — он ткнул пальцем в сторону капитана-особиста, — драпал с поднятой юбкой, точно за тобой десяток насильников гнались. И чего спужался? Вшивого фашиста! Ты запомни до конца своих дней, защитничек... Баба с поднятой юбкой бежит куда быстрее, чем мужик с опущенными штанами. Понял? Надоел ты мне здесь... Пойдёшь комиссарить к майору в полк...»

«У меня свои политработники на месте», — сказал я.

«Видишь, нету тебе места на войне... Ты сколько шпионов поймал? Чего молчишь? Ты по-немецки шпыхать умеешь? Я хоть и немец, а твой язык знаю! А ты мой — шиш! — Краус озадаченно рылся в бумагах, что лежали на столе перед ним. — А вот майор — русский, а по-немецки даже песни спевать... Да, вот! — выдернул из кучи какую-то бумажку и, положив на неё сверху руки-мины, сказал: — Придаём ему ещё два батальона «тридцатьчетвёрок». Пусть считается дивизией для солидности. И в шесть утра вперёд... — И, приподняв ладонь, глянул мельком в бумажку. — В это же время на Дубно со стороны Шепетовки выдвинется дивизия пятнадцатого корпуса...»

«Товарищ комиссар, — перебил я. — Мне бы сюда моего начальника штаба...»

Краус посмотрел на меня внимательно и говорит: «Беги за ним. Только быстро».

Я выскочил из хаты и запрыгнул в «эмку». Только и успел спросить у Амвросия: «Ты ел сегодня?»

«А як же, товарищ командир. Пока вы там обсуждались, я по хатам сбежал. А вы? Я припас и для вас...»

Мы ехали по вымощенной улице села. Навстречу пара лошадей тянула «сорокапятку», обогнал броневик, истошно сигналил. Мимо нас длинной вереницей брели люди с сумками, мешками за плечами. Кто-то тянул двухколёсную тележку, нагруженную пожитками. Лица людей были обреченно-сосредоточенными. На снующих военных никто не обращал внимания.

Я заметил, что в толпе не плакали дети, хотя их было много.

«Стой!» — крикнул я Амвросию.

Увидел среди бредущих Эсфирь Григорьевну. Она медленно шагала, почти волоча по земле большую сумку и замечая длинной чёрной юбкой камень улицы. За ней, тяжело ступая, плёлся Ефрем Сабельсон. На нём был тёмно-бежевый костюм, на голове — канотье, в руке маленький саквояж. Было впечатление, что этот старый доктор возвращается после самого неутешительного визита к пациенту, которого он не смог спасти.

«Пани Фира! — крикнул я, выскочив из машины. — Вы куда?»

«Нам тут нельзя», — сказала женщина.

«Вы ели?»

Эсфирь Григорьевна улыбнулась через силу, давая понять, что моё беспокойство здесь лишнее.

«Амвросий! — крикнул я. — Принеси поесть!»

Амвросий выпрыгнул из машины с противогазной сумкой в руке. Подошёл к старикам и протянул сумку: «Тут хватить на неделю».

«Спасибо, пан командир, — сказал Ефрем, принимая еду. — Ваши гизета писал, что ви буите вонивать токо на чужой тегитогии... Так ви же на чужой... Так почему не воюите? Мы уже не можем ийти. Нету никаких сил».

«Как можем...» — ответил я и уехал.

* * *

Косаревский сидел в штабном автобусе и писал. «Как вовремя, — сказал он. — Подпишите».

Я читаю выведенное завидным писарским почерком:

*«Донесение.
Совершенно секретно.
Деревня Козі́н.
25 июня, 13 ч. 30 м.
Командиру корпуса...»*

«22 июня в 3 часа 18 мин. позиции танкового полка в двадцати пяти километрах западнее г. Берз со стороны немецкой границы были атакованы группировкой до пятидесяти танков. Атака была отбита. В 6 ч. 11 мин. атака повторилась и была снова отбита. Выведены из строя и уничтожены двадцать восемь единиц техники противника.»

Огнём гаубичной артиллерии со стороны немецкой границы был уничтожен тыл полка.

Связи со штабом дивизии установить не удалось. Было принято самостоятельное решение: отойти по направлению Каменец-Радехув.

Потери личного состава — сто тридцать два человека. Оставили расположение полка девяносто два человека.

*Командир полка майор...
Начальник штаба майор...
Батальонный комиссар...*

«Откуда сведения о сбежавших?» — спросил я.
«Пересчитали». — «Из каких подразделений?»
— «Из хлебозавода. Из артдивизиона...» — «Экипажи все на месте?»

В автобус вошел Слизкий. Косаревский протянул донесение: «Подпишите».

Комиссар долго читал, а потом, швырнув листок на стол, крикнул: «Як это? Бойцы Красной армии оставылы родную часть?! Дэээртиры! Да нас расстреляють за такое!»

«Он прав, — сказал я. — Запиши всех погибшими».

«Як это?! — возмутился Слизкий».

«Тогда напишите свое личное мнение и отправьте доносом... — нервно сказал Косаревский. И поправился: — Донесением... как вы это сделали по поводу передислокации полка в район Качино-го болота...»

«И позаботьтесь заранее, чтобы прислали кого поважнее, — добавил я, — и только без калош».

Дождь неожиданно припустил. Ветер стал рвать тент.

— Налейте, Юра, коньячку, — попросил Павел Митрофанович. — Не запаслись мы дровами на такой случай. Огонь не греет...

Мы выпили.

— С тех пор во всех донесениях я писал только об убитых и раненых.

— Почему?

— После застолья с Краусом сложилось ощущение, что вокруг меня две разных войны. У командования одна, а у бойцов другая. Оно приказывает бежать умирать, а люди делают что-то своё и остаются живы. А живой человек на этой войне — злейший враг командования.

— А если человек раненый, контуженый? — сказал я. — Попал в плен... Как с ним быть?

— Я всё равно писал — погиб.

— Почему?

— Погибшему... Детям и жёнам хоть какая пенсия... А пропавший без вести — предатель. Один из моих комиссаров, когда на Дону стояли в сорок втором, так мне и заявил: «Все специально под пули лезут, чтоб к немцу в плен не попасть. А мы их детей в тылу кормить обязаны!»

Переписал Косаревский донесение. И поехали к Краусу.

— По документам — мёртвый, — сказал я. — И вдруг оказался живой?

— Так это же хорошо, — ответил старик. — Живой — писарь ошибся. В суматохе перепутали... И боец в строю... А для детишек большая польза. Пока бумага, что мёртвый воскрес, до тыловиков дойдёт... Пока суть да дело... Глядишь — в полугодный дом лишние денежки... В добавку к аттестату⁸⁶ лишний кусок хлеба... А радости дома сколько! Живой!

Павел Митрофанович нервничал. Безделье его угнетало. Оставил коробочку. Потом снова взялся за неё.

— Люди спиваются от безделья. Налейте, Юра, ещё...

Он выпил, заел кусочком котлеты.

— Полковники в штабе Крауса требовали выступить немедленно.

Косаревский возразил: «До Дубно двадцать километров. Примчмся и по тёмным улицам будем кататься. Вроде как в мешок сами полезем».

Но дивизионный комиссар принял решение — заправить нас, организовать тыл. Выступить так, чтобы на рассвете быть в Дубно.

«Они нас в три часа, — хрипя, сказал он, — и мы их!»

* * *

— К моему полку добавили остатки полка Виноградова, — сказал Павел Митрофанович, — и ошмётки какой-то танковой дивизии, которые выскочили со стороны... Горохова... кажется. Там было десять или пятнадцать «бэтэшек».

Договорились: я с танками впереди, а Косаревский с тылом — сзади. На расстоянии пяти-шести километров. Вышли в два часа ночи.

И с первых же минут неприятности. «Бэтэшки» из Горохова оказались без экипажей.

— Почему?

— Ушли. Взяли харчи и... в ночь... Слизкий

собрался бежать докладывать. Но Косаревский запретил: «После Дубно, — сказал он. — Сейчас некогда разбираться».

Я посадил в танк на место заряжающего Амвросия, и... двинулись. С ним мне было спокойней.

Пехота сидела на броне. Предупредили — привязываться, чтоб не потеряться и не попасть под гусеницы... Через час влетели на окраину городка...

Павел Митрофанович набросил плащ и вышел из-под тента. Медленно побрёл по лужам к озеру. Долго стоял на берегу, ворочая головой. Вернулся.

— Скоро кончится, — как-то невесело сказал он. — На западе светлеет.

Сбросил плащ, принялся разгрести золу.

— За какое дело ни возмись — всё чужое. Проклятый дождь. Давайте сварим уху... Что-то со мной творится. Был у воды, а рыбу не принёс.

Снова накинул на плечи плащ.

— Я схожу.

— Сидите, Юра. Вы при деле. Слушаете чужую исповедь. А я как медведь в клетке. От одной стенки к другой. Мне вредно сидеть...

Окуней чистили молча. Они, полусонные, даже не шевелили хвостами. Несколько раз старик ходил к озеру за водой. Мне казалось, что он это делает специально, чтобы просто двигаться.

— Как вы разделались с немцами? — спросил я.

— Никак, — ответил Павел Митрофанович. — Там не было никакого фон Клейста уже. Мы стали ломать тылы какой-то танковой дивизии или полка.

— А куда же она девалась?

— Пошла наступать на Шепетовку...

Павел Митрофанович разжёл костёр.

Сложил чищенных окуней в кастрюлю и долго мыл их на берегу. Вернулся. Взял ведро и снова ушёл к озеру.

Я принялся за картошку. Крошил неспешно лук. Старательно нарезал сало на мелкую шрапнель.

Дождь сыпал медленно и надоедливо. Старик ходил от костра к озеру и назад.

— И что же дальше? — спросил я.

— Остановились, — сказал Павел Митрофанович. — Немец драпанул. А мы пошли мародёрствовать по немецким складским машинам. — Он громко рассмеялся. — Целый день гуляли вместе с местными... Я читал в романе как-то... То ли Суворов, то ли Меншиков отдавали

города на откуп. Не верил. А тут само вышло. Ведь пошли на Дубно почти голодными. А народ жрать хочет. Ну, и натаскали себе...

— Сосиски немецкие как? — спросил я.

— Бумага туалетная, — с нескрываемым презрением сказал старик. — Вот тушёнка — класс. И кроме вкуса ещё одно достоинство у неё было. Паковали в длинные рифленые банки. Одна на троих фрицев на день. Наши танкисты их в качестве горшка использовали...

— Это как? — спросил я.

— Знаете, что главное в танке?

Я задумался. Но ответа не нашёл и сказал:

— Пушка.

— Стрёх раз, — засмеялся Павел Митрофанович.

— Двигатель.

— Ещё раз...

— Трансмиссия?

— Наши танки так устроены — врагу не пожелаешь! Я как командир давал команду, куда рулить, ногами. — И, поймав мой недоумённый взгляд, старик пояснил. — Механик-водитель сидит как раз подо мной, под командиром. Когда стоим — водитель слышит команды, а на ходу кричи не кричи... без толку. Когда нужно повернуть направо...

— Цоб, — сказал я, смеясь. — Или цобе...

— Ну, Юра, вы уж совсем механика за вола держите, — рассмеялся Павел Митрофанович. — Направо — ногой в правое плечо жму, налево — в левое. Стоп — двумя ногами сразу. Назад — два раза по плечам своими сапогами...

— А банка из-под тушёнки?

— На войне — не в санатории. Можно утром поест, а можно потом пообедать... Если успеешь...

— По расписанию ели?

— На войне одно расписание, дорогой вы мой, — деловито объяснил Павел Митрофанович. — Можешь не дожидаться. А народ ел всё, что мало-мальски съедобно. Ну и... сами понимаете... Желудку не прикажешь. А в танке очень пить хочется...

— Вы в них воду возили?

— Писали. Для этой нужды машину в бой или на марше останавливать не будешь. А на ходу сделал своё дело — передал наверх, чтобы вылили.

— А если на броне пехота?

— Не повезло, значит, пехоте, — рассмеялся старик. — Но лучше обтереться и постираться, чем с пулей повстречаться... Послушайте, Юра, я с вами

поэтом стану... А самое главное в танке — не портить воздух после калорийных харчей...

— А вентиляторы?

— Какие вентиляторы, Юра? — Он снова рассмеялся. — Для советского танкиста вентиляторы? Как говорит мой внук — много хотите, дорогой мой. Была привинчена в каждой машине крутилка. Но работала только три дня. Потом начинала дымиться... А кто хочет сгореть? Я таких среди танкистов не встречал. Выбрасывали... Оттого и глотали всякий там перегар... Так от этого никуда не денешься. Он всегда при танке. А тут своё в придачу... — Старик развел руками. И добавил деловито: — Так войну можно проиграть... Если про танк не очень думали, то про человека в нём приказано было не думать...

— Вы что имеете в виду?

— Самое больное место в танке — воздушный фильтр. Двигатель забивался пылью и клинил... Этих фильтров не хватало катастрофически. А вы говорите о человеке...

Павел Митрофанович забросил в кастрюлю рыбу. Потом сало с чесноком. Выставил миски Разлили уху. Выпили. Откат снова был нормальный.

— Вот, Юра, вы уже знаете, что главное в танке, — сказал Павел Митрофанович.

— А как фон Клейст?

— Не знаю. Родовались мы недолго. К вечеру тыл не пришёл. Я очень переживал. Что Слизкого потерял — туда ему и дорога. А вот Косаревский... Без него чувствовал себя почти калекой. Как будто без руки или без ноги. Спотыкаюсь случайно, и кажется, что это он меня в спину толкает шутя. Оборачиваюсь — пустота...

За нашей спиной к вечеру какой-то бой. Артиллерия стала работать. По звуку — противотанковая... «Сорокапятки»... Что на самом деле — можно только гадать.

Отправил разведку. Она привезла печальную весть. Нас от тыла отрезали немецкие танки... Выходило... сзади, справа, слева — немцы. А что они впереди — мы об этом сами знали. Вот и попали в мешок...

Павел Митрофанович медленно хлебал уху.

— Собрал я комбатов. Приняли решение — идти вперёд... — Он отложил ложку. Мы снова выпили. — Забили едой пустоты в танках. Бойцы нагрузили вещмешки. Кто сколько хотел. Отыскивали целых пять связок чёрных трусов. На

всех всё равно не хватило... Какой-то политрук предложил поджечь что осталось. Но местный народ встал стеной. Не дали. Амвросий нашёл какой-то безрессорный прицеп. Примотали его проволокой к моему танку. Накидали туда еды и всякой немецкой дряни.

«Зачем?» — спрашиваю.

«Кто-то устанет... А плохо ехать лучше, чем добре плестись...»

Старик подлил себе ухи.

— Да! Совсем забыл... — сказал он. — В Красной армии фляги ведь были стеклянные. Чуть неосторожное движение — вместо стекла дребезги. Попади пуля в такую флягу — и фляге, и бойцу конец. А если пуля задела — стекляшки, как шрапнель — разрывали живот на куски. И сукно не спасало. Вот я и приказал сменить наши фляги на алюминиевые немецкие... Всем! Хотя польза какая-то от нашего налёта на Дубно... И ещё... Поставили в этот прицеп пять бочек с растительным маслом. Зачем? До сих пор не знаю...

Павел Митрофанович с сытым видом отставил миску. Ушёл к озеру с чайником.

— Выехали из Дубно... — продолжил он, когда вернулся. — Нас — человек пятьсот. И танков штук семьдесят. Десяток броневигов... Двигались медленно.

— Почему? — спросил я.

— А как быстро, если в никуда? — развёл руками Павел Митрофанович. — Правда, спасала немецкая карта. Подробнейшая, скажу я вам, Юра. Все лесные тропинки, ручейки, бугорочки с точным указанием высоты. А село какое на пути, так чуть ли не количество собак в каждом дворе... Спасибо разведчикам, что пошарили в складской машине. Только заканчивалась она около Новоград-Волынска...

В первый вечер оставили все броневики на дороге. Бензин кончился. Я в душе проклинал штаб комиссара Крауса, который обещал отправить вслед за нашим рейдом тыл с горючим. Был уверен, что именно дивизионный комиссар приложил руку к нелепости, в которой мы оказались. Косаревский не мог не пойти за нами...

На следующий день бросили половину танков. Горючее слили. Клинья затворов выдернули. Прицелы выломали. Пулемётные стволы погнули. Снаряды... Что с ними делать? Так и оставили. А дисков пулемётных пропало — не сосчитать... На каждый танк по сорок шесть штук полагалось. Бросили...

Павел Митрофанович приладил чайник над костром и подбросил охапку сушняка.

Когда вода закипела, он засыпал в свою чашку щепотку чайного листа и залил кипятком.

— Горючее кончилось, — сообщил он. — Последний танк остался стоять на дороге у леса. С привязанной к нему телегой. И пять бочек с маслом...

Устроили совещание. Кто-то предлагал остаться в лесу и ждать, когда вернутся свои. Политруки всё долдонили про войну на чужой территории. Но большинством приняты решение идти в сторону старой границы.

«Дальше немца не пустят, — высказался кто-то из них. — А если пойдёт, так только до Ирпеня. Возле нашего села доты ого-го какие в берег вкопали...»

Раскидали по бойцам провизию. Хлам оставили в телеге. Старались идти кромкой леса, заглядывая в карту. Но скоро и она оказалась бесполезной.

— Ночевали в деревнях? — спросил я.

— Ночевали в лесу. Найдём низинку, разведём костры, банки вскроем... Кто-то умудрялся даже кашу перловую варить из немецких брикетов...

И спать... В шинель завернёшься и кемаришь нервно. Благо, ночи не холодные...

А утром с первыми лучами шли дальше... Каждую ночь человек десять-пятнадцать сбегало. Я делал вид, что не замечаю. Жил единственной уверенностью — уже завтра мы выйдем к своим. Не можем же мы отступить вечно...

Павел Митрофанович отхлебнул несколько глотков.

— Шли уже неделю... Вдруг подбежал Амвросий. Сбросил к моим ногам свой вещмешок.

«Постойте тут», — сказал и умёлся куда-то.

Народ присел отдохнуть. Я решил переложить мешок в сторону. Он оказался увесистым и имел странную форму. Выпирал острыми углами — казалось, туда вложили ящик.

Сержант вернулся через час.

«Там сэло... Немэць заехал. Велосипедов коло крайней хаты наставили целый гурт. Надо забирать влево. Лесом...» — выпалил он.

Долетели далёкие выстрелы. Два, три.

«Собак стреляют», — пояснил сержант.

«Ты что накидал в мешок?» — спросил я у него, когда углубились в лес.

«Деньги», — тихо ответил он.

«Зачем?!»

«Не шумить, товарищ майор. — Он осмотрелся

по сторонам. — Харчей, может, хватить на неделю. А сколько нам идти? Бог знает. А то и он не знает. В какое село зайдём... Хотя не сильно нас полюбляют, а за гроши накормят и напоют...»

«Ты как их припрятал?» — спрашиваю, соглашаясь с доводами сержанта.

«Як, як? А от так! — стал шептать Амвросий, озираясь. — Раздавал бойцам. Сами же приказали... По три пачки каждому... И себе одну. Я вроде тоже боец Красной армии».

«Так три пачки было велено...»

«Три — mine. Вам, товарищу Косаревскому. И товарища комиссара нельзя забывать».

«Где они? Косаревский и комиссар?»

«Не они, так другие будут...»

«Ну, ты жулик... Это какая тяжесть?..»

«Ничого, товарищ командир. Хлеб, конечно, носить лучше... Его быстро съедать... А скажи кому про денежки... Всякий согласится нести...»

Павел Митрофанович подлил кипяточку в кружку.

— Амвросий вроде как за главного разведчика при мне был, — сказал старик. — Вдруг прибегает... И без вещмешка.

«Товарищ командир, боевое охранение чьё-то!» — сообщил взволнованно.

«Веди!»

«Давайте обойдём, — настороженно предложил сержант. — Если б на ночь остаться, то можно... А токо утро... За день далёко отойдём...»

«Может, это наш корпус?»

«Там не танкисты... Кавалерия».

«Откуда знаешь?»

«Слушал, про чего балаболить. Про подковы и сено».

«А где твой мешок?»

«Спрятал, товарищ майор. — И попросил: — Может, не пойдём?»

«Пошли!»

Нас остановил секрет. Я назвал. Вышел сержант. Долго осматривал всех, а потом махнул кому-то. В лес убежал боец.

Через полчаса появился старший лейтенант с шашкой на боку. Проверил мои документы. Но не вернул.

«За мной!» — И повёл всех в глубину леса.

В полукилометре вокруг маленького озера был разбит большущий палаточный городок. У каждой палатки свежая, только-только поставленная коновязь. По двенадцать лошадей при-

вязаны. Бойцы сновали между палаток деловито, не обращая внимания на нас. Кто-то чистил коня. В дальнем углу дымилась кухня...

Солнце яркое. Лесная тишь. Только издали долетало монотонное позвякивание — работали кузнецы. Показалось, что кавалеристов вывели в летние лагеря и забыли и они о войне слухом не слыхивали.

Лейтенант подвёл нас к трём палаткам, стоявшим в сторонке. Вокруг, как мне показалось, часовые. Меня втокнули в одну. На сене лежали двое. Я поздоровался и представился.

«Старший лейтенант Вейцель», — ответил один из лежавших.

«Майор Гриднев», — лениво произнёс второй.

«Что это такое?» — спросил я, обводя взглядом стенки палатки.

«Александровский равелин⁸⁷», — ответил Гриднев. — А ты кто?»

«Командир танкового полка...»

«Везёт нам на танкистов. Хотя бы кто из своих попался. С ними помирать веселей».

«А вы кто?»

«Семьдесят третий противотанковый дивизион, — хмыкнул Вейцель. — Точнее... То, что от него осталось».

«Как вы оказались у кавалеристов?»

«Как и ты. Набрели».

«А палатка почему для двоих?»

«Уже для троих... — хмыкнул Гриднев. — Потому что после трибунала».

«Смертники? — спросил я с опаской, понимая, что неспроста меня отделили от моих бойцов. — А за что?»

«Лейтенант за родину воевать захотел, а ему не позволили», — просипел Гриднев.

«А майор врезал по морде батальонному комиссару, — рассмеялся Вейцель. — Кстати, комиссар из ваших, из танкистов».

Я сел на сено, ничего не понимая. И спросил: «А что кавалерия делает в этом лесу?»

«Ихний генерал уверен, что скоро наступление начнётся, — сказал лейтенант нервно, словно хотел найти у меня поддержки и защиты. — Генеральное... Вот и ждёт, когда свои подбегут».

«У тебя, майор, пожарть что есть?» — спросил Гриднев.

Я достал из вещмешка банку и протянул Вейцелю. Тот повертел её и передал Гридневу.

«Возьми назад, — лениво сказал тот. — Толку, если нечем открыть».

Я вытащил нож и вскрыл консервы. Достал ложку. Командиры ели одной ложкой по очереди. Сперва — майор, за ним — лейтенант.

Вдруг полог палатки открылся, вбросив язык яркого солнечного света внутрь. И чья-то рука поманила: «Эй, ждыра, выходи!»

Вейцель поднялся. Вытер губы, застегнул ворот гимнастёрки.

«Если доберёшься до Киева, Серёга, — сказал он Гридневу, — или вы, товарищ майор... Забегите на Фёдоровский переулок. На Лукьяновке. Дом двадцать... Вы его сразу узнаете... Перед парадным крыльцом две огромные тумбы гранитные вкопаны... Там моя мама... Передайте ей, что я всегда был честным... И что я её люблю...»

Гриднев встал. Они обнялись. Вейцель вышел. Полог упал, украв свет.

«Что всё это означает?» — спросил я.

«На расстрел повели. Чего ещё?»

«За что?!» — возмутился я.

«За антисоветскую агитацию и пропаганду. Я же говорил... Он за родину воевать решил, а с комиссаром не посоветовался. Предложил командиру этих кавалеристов партизанский отряд организовать, а не сидеть в ожидании, как на паперти... Назвал комдива предателем... Так особист и комиссар из танкистов к расстрелу приговорили. Глупый лейтенант... — Гриднев махнул рукой в отчаянии. — Я доем?»

Майор молча скрёб ложкой содержимое банки.

«Так в чём тут агитация?»

«Партизанские отряды у нас запрещены», — объяснил майор.

«Почему?»

«Если без разрешения особистов и комиссаров партизанишь... — Гриднев облизал ложку и вернулся. Улёгся на спину, — значит, против советской власти... Партизанишь — значит, как Махно, против советской власти... Это комиссар танковый объяснил».

«А комиссара за что побил?» — спросил я.

«Было за что», — нехотя ответил Гриднев.

Долетело эхо ружейного залпа. Гриднев вздрогнул, закрыл уши ладонями и отвернулся к матерчатой стене.

Прошло часа два. Сидел я и думал, что ждёт меня? Лейтенанта расстреляли, майор-артиллерист дожидается расстрела... Почему командира танкового полка посадили вместе с приговорёнными?.. Перспектива рисовалась не самая весёлая... Настроение гадкое. Попросился по

нужде. Окликнул часового. Думал, огляжусь и что-нибудь придумаю. Главное — под шинелью пистолет... Так просто я вам не дамся!

«Там скидай свою галихву!» — с явным презрением ответил часовой.

Еще через час в палатку заглянул знакомый старлей: «Эй, майор, выходи!»

Вышел я на свет божий. Огляделся — моих танкистов нет. Лейтенант толкнул в спину. Захотелось заехать в рожу... Но оставшийся в палатке Гриднев словно шептал: «Иди и не огрызайся».

Подвели к зелёному шатру. У входа — два бойца с карабинами. Лейтенант махнул рукой. Пропустили внутрь. Большой стол. Из матерчатого окна, перехваченного крестом, падал косяк столба света, в котором плавала пыль. За столом сидел круглолицый лысый генерал-майор. Нос подпирал кубик седых усов. Тень от креста перерезала столешницу пополам неодолимой чертой.

«Кто таков?»

«Командир девяносто шестого танкового полка, сорок второй дивизии двадцать седьмого танкового корпуса...»

«Где твои танки?» — с небрежением спросил генерал.

«Остались под Дубно».

«Ну, и почему ты бросил оружие?»

«Ждали, что привезут горячее. Но почему-то не привезли. А тащить на себе двадцать шесть тонн — и армии не хватит...»

«Где твои люди?»

«Пришли сюда все, кто остался, — ответил я. И хотел сказать, что народ разбегается. Но вовремя сообразил: «Ляпну — и приговорю себя к расстрелу». — В бою погибло много. Похоронили. А некоторые до сих пор в танке своей очереди ожидают...»

«Что у тебя в мешке?»

«Полковые документы».

«Знамя с тобой?»

«Так точно!»

«Сдать в особый отдел! — приказал он и спросил: — Давно командуешь?»

«С мая сорокового».

«Небось на параде вместе с фашистами маршировал? Да?!» — зло спросил генерал.

«Никак нет, товарищ генерал, — соврал я. — Был переведён в кадрированный полк в тридцать девятом...»

«Где до этого служил?»

«В танковой школе в городе Борисове».

«Сам откуда?»

Я назвал село, волость...

«Яшка! — крикнул генерал. В палатку влетел старший лейтенант. — А ну, приведи того длинного... Из шорного эскадрона».

Через пять минут полы палатки распахнулись и чей-то голос сказал: «По вашему приказанию прибыл...»

Я чуть было не присел от неожиданности. Не верил своим ушам. Но повернуться не посмел.

«Ты знаешь, майор, этого?» — спросил генерал, тыча в моё лицо короткими пальцами.

«Со спины, похоже, командир девяносто шестого танкового полка, товарищ генерал», — сказал Косаревский.

«А ты в каком служил?» — всё с тем же небрежением спросил генерал.

«В девяносто шестом, товарищ комдив».

«Это твой командир?»

«Так точно!»

Генерал встал. Он оказался маленького роста, гнул крутую спину. Вышел из-за стола. За ним тянулся чуть слышный малиновый перезвон шпор.

«По всем нашим сведениям, — сказал он, заложив руки за постромки портупей, — наступление Красной армии должно начаться через несколько дней. Я про это знаю. Потому что много раз принимал участие в совещаниях высшего командного состава в округе. И самое главное сейчас, скажу я вам, — сохранить личный состав перед решительным наступлением Красной армии. Нами принято решение — оставаться в этом лесу... Будем дожидаться главных сил. Поэтому... ты, майор, — он ткнул пальцем в мою грудь, — назначаешься командиром шорно-седельной мастерской. Твоим заместителем будет твой майор. Ты мужик деревенский. В конях должен понимать... Следить — чтоб кони накормленные, кованые... Чтоб уздечки и подпруги надёжно держали кавалеристов... Можете идти... Всех ваших командиров я уже поставил на должности...»

Павел Митрофанович вышел из-под тента. Задрагал голову, глядя в небо.

— Теперь так не встречаются, — сказал он, возвращаясь и садясь к столу. — Сейчас сразу за бутылку хватаются. Лишь бы выпить... А мы неспешно отошли от генеральского шатра. Шли вальяжно, словно прогуливались.

За озером Косаревский положил мне руку на плечо и сказал, радостно задыхаясь: «Счастливые мы с тобой, Паша. Не потерялись по дороге... Я уже решил бежать... А тебя, если честно, похоронил...»

«Что здесь творится?» — спросил я.

«Людей стреляют. Вчера двоих. Сегодня уже одного убили, сволочи!» — «За что?» — «Что думают по-своему. И не молчат...»

«Как вы тут оказались?» — спросил я, стараясь жаться к Ку-Ке, точно боялся, что он вдруг исчезнет. — «Давно в этом лесу?»

«Вы ушли на Дубно, — Косаревский заговорил торопливо, нервно глядя по сторонам. — А мы за вами. Как уговаривались. Прошли километров десять. Вдруг налетела кавалерия. Кричат, что за нами немец на танках... Я генералу объясняю — горючее для своих танков везу. А этот гриб: «Следовать за мной!» Под угрозой расстрела...»

«А машины наши где? Штаб весь?»

«Где? — Косаревский скосил на меня свой колючий взгляд. — Бросали на дороге, товарищ комполка. Бензин кончился... Мы же вам соляр везли...»

«Генерал — командир дивизии?» — «Командир — да. Только от дивизии осталось не больше полка». — «Давно здесь?» — «Уже неделю в этом лесу торчим. И, кажется, никуда не собираемся двигаться... Посылали искать штабы... Никто не вернулся... Генерал указаний только из округа ждёт. Остальное не для него... Скоро только особистом и прокурорами командовать будет. Ну, и нами за компанию...» — «У него своих командиров не осталось?» — «Каждую ночь уходят... — сказал Ку-Ка, оглянувшись. — Я уже выучил закономерность... Если приводят перековать коня — ночью сбегут».

«Меня с двумя расстрельными держали, — сказал я. — Там майор-артиллерист... Его за что?»

«Генерал всех командиров на должности поставил. Меня уздечками и сёдлами командовать... Теперь — тебя... А артиллериста назначили командиром эскадрона. Утром стали пересчитывать его кавалеристов. У него двадцать человек сбежало. И десяток коней увели... Здесь народ, как и у нас... в основном из местных. Особист и комиссар обвинили артиллериста в сговоре с фашистами... чем способствовал передаче конского состава врагу... Майор вышел из строя и прилюдно заехал в рожу Слизкому...»

«Он тут?» — «Комиссарит. В дивизии свой комиссар погиб. Так наш вовремя под руку под-

вернулся. Дивизионным замполитом здесь. Правят вместе с главным особистом...» — «Где наши пакеты? Мы с вами, Игорь Аркадьевич, подписку давали». — «Приказали сдать». — «У особистов?»

Косаревский молчал.

«Мне генерал тоже приказал полковое знамя и документы сдать, — сказал я, понимая, что Косаревский выполнял приказ, который не мог не выполнить. — Вы Амвросия видели?» — «Нет... А он с тобой?» — «Сейчас найдём... Где кухня?»

5 мая

Вприоткрытый полог палатки пробивался утренний свет. Ткань уже напиталась солнцем и ярко горела зелёным огнем. Из леса прилетала непрерывная соловьиная дробь, переходившая в заливистый непрерывный перебор.

Я выскочил из палатки. Следов двухдневного дождя не было. Лужи исчезли, а лес, умытый и свежий, ловил солнечное тепло...

Павел Митрофанович в броднях стоял по колено в воде и держал в руке длинную телескопическую удочку.

— На обед варим рыбный борщ, — сказал он, услышав мои шаги. — Я поймал десяток плотвичек. Сегодня ничего, кроме этого сора, ловиться не будет... Умывайтесь и кипятите чай... А я постою ещё...

Я быстро организовал завтрак. Сделал гренки.

— Вы будете кофе?

— Наверное, чай... — сказал Павел Митрофанович, подходя к костру. — Надо сегодня сбегать в деревню. Хлеб закончился.

— Лучше завтра. Сегодня поджарим который остался.

Старик хрустел поджаристой корочкой и с причмокиванием отхлёбывал воду из кружки.

— Мой внук, — сказал он, — заставил меня читать ему Джека Лондона...

— И вы читали?

— Молодёжь — лентяи. Читать не любят. А вот слушать все мастаки... Так вот, я читал и не мог взять в толк, как эти золотоискатели на привалах пекли лепёшки в тридцатиградусный мороз?

— На фронте не доводилось?

— Там кухня была. По крайней мере, для командира всегда...

— Я всё хотел спросить... Почему вы на этом озере, а не на реке?

— Сейчас запрет. Инспекция по Днепру мотается вверх-вниз... Местные не боятся... Один другому — сватья да кумовья... А я хоть и не первый год здесь и меня все знают, а для рыбинспекции — чужак. Не хочется скандалить. В конце июня сын приедет, перевезёт на Днепр со столом и очагом. Тут недалеко. Километров пятнадцать. В середине сентября снова сюда. Я люблю весенний и осенний лес...

— Так всё-таки вы воевали танкистом или кавалеристом? — спросил я.

— Не сбеги мы, — ответил Павел Митрофанович, — может, и шашкой махал... И, кстати, побег организовал Слизкий...

— Как? — удивленно спросил я, точно сам был непосредственным участником истории.

— Нашёл я Амвросия. Только не на кухне, а в санитарном эскадроне... Уже лечился с двумя санитарками...

«Куда определили?» — спрашиваю.

«В комендантский взвод, товарищ командир».

«Что дальше?» — говорю с намёком.

«Што придумаете». — Смотрит на меня и на Косаревского. А по глазам вижу — не до нас ему.

«Может, здесь останешься?»

«Тут хорошо. — Улыбается. — Скоро война кончится... Говорят... Правда, девочки?»

Те смеются в ответ.

«Вы ему чего-нибудь перевяжите, — попросил Косаревский. — Чтобы никуда отсюда не сбежал... — И спросил у санинструкторов: — Барышни, где особый отдел?»

Одна из девиц покраснела. А вторая толкнула подругу в плечо и, смеясь ей в лицо, сказала:

«За озером. Где нет коновязей... Она вас может проводить. Правда, Поля?»

Мы вышли из медицинской палатки. Пошли искать Слизкого.

Когда подошли к озеру, я предложил Косаревскому подождать в сторонке.

В палатке обстановка была похожа на генеральскую. Стол, из окна — столб серого света, круто перемешанного с самосадным дымом.

«Добрый день, товарищи командиры!» — сказал я и протянул руку.

«Добрый день, Паша...Товарищ...» — ответил Слизкий растерянно.

«Кто такой?» — настороженно спросил второй, глядя на комиссара и сгребая в кучу разложенные бумаги.

«Командир полка...»

«Вы из новых? — спросил особист строго. — Дожилились комдиву?»

«Только что от него. Назначен командиром шорно-седельной мастерской, — бодро отрапортовал я. — Филимон Кузьмич, выйди на минуточку. Давно не виделись...»

«Я щас», — словно извиняясь, сказал Слизкий особисту.

«Где пакеты?» — спросил я тихо, когда вышли из палатки.

Комиссар оглянулся и приложил к губам палец. Мы отошли в сторону.

«Я припрятав», — шепнул он.

«Чтоб через час они были у меня. В шорной мастерской. Я за них несу ответственность».

«Я тэж», — попробовал огрызнуться зачем-то Слизкий.

«Это приказ... И зачем вы приговорили к расстрелу майора-артиллериста?»

«То комдив», — спрятав глаза, ответил комиссар.

Я хотел съездить ему по морде, но рука не поднялась. Весь его вид просил защиты...

Старик отвлёкся, увидев двух соек, которые уселись на берегу у самой кромки воды. Одна принялась пить, а другая разглядывала окрестности, болтая хвостом. Потом поменялись местами.

— Надо ловить, — сказал Павел Митрофанович. — Раз уговорились борщ варить, десятка плотвичек будет маловато...

Натянул бродни и пошёл к озеру.

Сойки сорвались и, сделав большой круг над водой, исчезли в хвое сосен.

Старик влез по колено в воду.

Я понял, что рассказывать он ничего не станет. Взялся вымывать посуду. Закончив, пришёл на берег и начал ладить спиннинг.

— Вы уж подождите, Юра, — сказал Павел Митрофанович. — Поплавчанка не любит шума.

— Амвросия оторвали от лекарств? — спросил я, усаживаясь довольный на чурбак.

— С большим трудом. Прилип, — сказал старик. — А я ему: «Обойди всех наших. Скажи — ночью уходим». — «Усех нэ нада... Продадуть». — «Ну, тогда кому считаешь нужным».

— Много набралось? — спросил я.

— Человек двадцать. — Павел Митрофанович рассмеялся вдруг. — Наш народ всегда себе на уме... Убегаем. Надо осторожно, тихо. Под ногой треснет сушняк — боевое окружение подни-

мет стрельбу. А один пришёл с конём...

— Из танкистов?

— Кавалерист... — старик сделал паузу. — Утром на этом коне и ускакал.

— А пакеты?

— Слизкий принёс, как было приказано. Отдал Косаревскому...

До ночи шатались по лагерю. Искали подходящее место, где собраться. Уговорились — возле шорной мастерской в полночь.

— Плюнули бы на эти пакеты, — сказал я, — и пошли.

— Это сейчас лихо рассуждать так... А тогда... Завтра действительно наступление... Мы же обязаны воевать не у себя, а на чужой территории... Одни наступают, а мы в тылу бродим. И сразу к особистам попадём... Где доку́менты?.. Вот ваша расписка... Государственную тайну продали врагу... Знаем мы это...

Амвросий привёл человек двадцать.

Я нервничал... Боялся, что комиссар догадается про нашу затею и донесёт. Не хотелось угодить на расправу в Александровский равелин...

Павел Митрофанович выхватил из озера плотвичку.

— Ночь была серая, грязная, — сказал он. — Тонкий серп уходящей луны. За пять метров ничего не видать.

Двинулись. И вдруг кто-то с двух сторон...

— Слизкий заложил? — спросил я.

— В сером лунном тумане узнал фигуру комиссара. Первая мысль — привёл охрану! Я даже в кобурку руку запустил.

Подошёл и стоит молча.

— А с другой стороны кто?

— Кавалерист. Да с конём! Не станешь же его прогонять...

Когда пошли, комиссар вдруг исчез. И появился минут через пять в сопровождении кого-то.

— Неужели — генерал? — спросил я, стараясь угадать.

— Берите выше, Юра, — ответил Павел Митрофанович. — Власть собственной персоной... Главный дивизионный особист...

* * *

«Пароль! — остановил нас чей-то голос из куста. — Сейчас стрельну!»

«Подкова», — сказал Амвросий.

«Рязан... — ответила темнота. И поправилась: — Казан⁸⁸. — И вышла к нам, держа винтовку на перевес. Это был боец в короткополой шинели, невысокий, ширококостный. — Куда идёшь, товарищ?»

«На войну», — сказал Амвросий. — Ты один? Где разводящий?»

«Тут был. Туда пошёл», — ответил часовой, указывая рукой за наши спины.

«Товарищи командиры в твоём кустике постоят, — попросил сержант часового. — Ты их посторожи. Если чего — шумни... И нас не видел... — И шепчет мне: — Я кой-куда сбегаяю...»

«Хорошо, — ответил часовой, провоявая взглядом Амвросия, который растворился в темноте леса.

— Почему не остались? — спросил я. — Ведь никто ничего не знал про войну в первые месяцы. Тем более в лесу. Может, действительно от старой границы уже шло генеральное наступление?

— Не могу объяснить себе и сейчас, — сказал Павел Митрофанович. — То ли расстрел тех двух несчастных, то ли обстановка в лагере... Сложилось впечатление, что там ждали чужой победы, чтобы к ней присоседиться незаметно. Да и народ сбегал... С лошадьми... Если подумать... Неспроста ведь... Мужик уходил в другую жизнь с надеждой. А в другую жизнь ему без тягла начинать плохо...

Амвросий вынырнул из темноты с вещмешком...

«Ты стой, — сказал он часовому, — а мы пошли...»

Старик вытащил плотвичку. Бросил её в садок.

— По компасу выбрали азимут семьдесят пять градусов на северо-восток, — сказал он, забрасывая снасть.

— Почему?

— Разве сейчас упомнишь про то... Косаревский так решил.

Еще одна плотвичка оказалась в садке.

— В первых лучах солнца разобрались, — сказал Павел Митрофанович, нанизывая червя. — Кавалериста с конём не было. Но за нами плёлся коротконогий часовой. Долго шёл. Как будто боялся, что прогонят и заставят вернуться.

Старик забросил снасть и уселся на чурбак рядом со мной.

— Амвросий всегда бежал впереди, — сказал он. — В нём что-то было от лешего. Ходил бесшумно, появлялся вдруг. Докладывал. Шёл рядом. Сове-

товал. А потом глядь... и след простыл. Как сквозь землю провалился.

— А деньги куда девались?

— Я нёс, — ответил Павел Митрофанович. — Хитёр, брат... Свой вещмешок драгоценный отдал мне, а мой, лёгонький, повесил себе за спину.

И шли не по компасу, а за Амвросием, как за проводником... Одни сёла обходили. Ночевали в лесу. В другие заглядывали. Но не ночевали...

«Почему нэ можэм в хате переночувать?» — спросил как-то у него Слизкий, когда мы вышли из села на ночь глядя.

«Лучше не спать», — хитро ответил сержант.

«Люды нас накормыли... — не унимался комиссар. — Оставлялы ночувать на сеновале... Почему мы не остались?»

Но Амвросий не ответил.

«И всё же?» — спросил я у Амвросия, когда в ближайшем лесу расположились на ночлег. Хотелось понять, какими мыслями живёт этот человек? Чем руководствуется?

«Вы, товарищ командир, кино «Чапаев» бачили?» — «Видел». — «Погано смотрели. Было б у нас это самое кино, я б вам показав...» — «Я очень хорошо помню этот фильм. Десять раз смотрел». — «Наверно, вас на самом конце кина в штаб вызывали... Или вы до якой девки спешили?...» — «Не умничай...» — «Да шо тут умничать, товарищ командир? Помните, як Чапаев погыб?» — «Помню. Часовые заснули». — «Брехня то... А на самом деле всё по-другому. Чапаев с Петькой песни в хате пели... А хозяин — на коня и до белых...»

«Мастер ты сочинять», — сказал я недовольно.

«То самая правда. Просто у кинщиков ленты не хватило, шоб нам показать. Вот потому комдив Чапай и погиб... А если б он у лесочке где прилэг... Буркой накрылся... Может, зараз за место Кирпюноса⁸⁹ командовал...»

«Выходит, что нас принимают из боязни?» — спросил я.

«По-разному... А я щас соседского хлопца перехватил за селом...» — «И что?» — «А то, шо он бежал докладать... До утра б мы и не дожили...» — «Может, он домой бежал. Был в гостях...» — «Про то я и спросил... Его в соседнее село родной дядько послал... сказать, шо мы тут. А там уже немец бургомистра поставил...»

«А как ты знаешь, — спросил я, — заходить в село или обойти?»

«Як собаки гавкають... немца ще не було. Он, зараза, как приходит, всех собак стреляет».

* * *

Принялись чистить плотву для борща.

— Вы, Юра, лук и картошку готовьте, а я рыбу поджарю, — сказал Павел Митрофанович. — Для борща только жареная должна быть. Так вот... Амвросий прибежал взволнованный. Тяжело дышал, нервно сучил руками, указывая в сторону, откуда появился.

«Там!.. Там... товарищ майор!.. Пленных вёдут. Человек двести!»

«Чьи?» — спросил я, решив, что вышли к какой-то нашей части, которая захватила немецких пленных.

«Нашие. И охраны человек дэсять... Нэ больше...»

«К бою!» — крикнул Слизкий и выхватил из кобуры пистолет.

«Объясните толком, сержант», — попросил Косаревский.

«Колонна — человек двести. И охрана... Тут от нас метров пятьсот... Як неожиданно вдарыть!..»

«Собаки есть?» — спросил я.

«Якие собаки? Просто так идуць!»

Все — в ружьё!

Лес стал редеть. Сквозь прогалины увидели дорогу, желтеющее поле.

Колонна медленнее брела. Я навел на лица бинокль. Люди о чём-то разговаривали между собой. Кто-то даже смеялся. Казалось — вовсе и не пленные, а просто так бредут куда-то...

«Я стрельну с поля, — сказал Амвросий. — А вы уже потом...»

Взял с собой троих бойцов и побежал по кромке леса, минуя сосны. Я увидел, как четыре тёмные фигуры выскочили далеко впереди на дорогу, исчезли во ржи.

Когда колонна изогнулась по форме дороги, с поля прогремели четыре выстрела. Охранники, что были ближе к нам, пригнулись и бросились в лес. Прямо на нас... Ещё пять выстрелов... И на дороге остался один часовой с поднятыми руками.

Мы выбежали радостные... Но ответной радости не увидели. Бойцы смотрели на нас почему-то равнодушно. Один спросил:

«Куриць есть?»

«Нет», — ответил кто-то.

На этом любопытство колонны к освободителям иссякло.

Немца обыскали. Отобрали автомат. Нашли ме-

таллический портсигар и пачку сигарет. Обшарили убитых. Сняли с них часы.

Колонна курила...

Павел Митрофанович принялся жарить лук. Поставили вариться картошку.

— Курево досталось и моим, — сказал он, перемешивая лук на сковородке. — И так смешно. Смотрят на сигареты и не могут понять, какой стороной в рот сунуть. К папиросам привыкли... Один достал из кармана кусок газеты. Скрутил козью ножку⁹⁰, разорвал сигарету, табак высыпал в газетную чашку.

— Что сделали с пленным? — спросил я.

— Если бы в мобилизационном порядке — сдал бы особистам. А в лесу что с ним делать? Не гнать же его перед собой до самой Москвы... Шлёпнули, как теперь в кино говорят...

Правда, Косаревский успел допросить. Слизкий все вопросы и ответы чернильным карандашом записывал в свой блокнот... Весь рот обслюнявил синькой.

— А почему допрашивал Косаревский, а не особист. Это ж его дело?

— Потому что только Косаревский умел быстро разговаривать, — сказал старик. — Потом объяснил, что немец тот на южнобаварском диалекте разговаривал...

— А особист что? Который с вами от кавалеристов ушёл?

— Да он на второй день и от нас сбежал... — заметил Павел Митрофанович. — Комиссар приказал построиться всем. Спросил старшего. Вышел здоровенный малый. Представился.

«Як сталось, шо вы сдались у плен?» — спросил Слизкий сурово.

«Мы нэ сдались, товарищ... — здоровяк стал угадывать звёзды на рукавах комиссара. — Батальонный комиссар... Мы пошли в атаку, товарищ батальонный комиссар. Половина убилась. А мы остались». — Здоровяк говорил и улыбался.

«Чего влыбаешься?» — грубо крикнул Слизкий.

«Я не влыбаюсь... Измальства такой...»

Тут вмешался Косаревский:

«Оружие взять. Организовать похоронную команду. Солдат противника похоронить. Остальным привал».

Через часа два снова всех построил.

«Кто знает здешние места?» — спросил он.

Бойцы молчали.

«Дозвольте, товарищ майор... — детина сделал

шаг вперёд. — Вы спросить... кто хочет из вами идтить? Хай идуть. А мы тут из людямы поразмыслылы... И воювать за совдепы не будэм. Так вы идить без нас».

Я успел перехватить руку комиссара, которая ринулась в кобуру.

Здоровяк опустил на траву немецкий автомат. Повернулся к строю. Кто-то передал ему винтовку. Он положил её перед собой на землю. Рядом выложил ручные часы, которые сняли с убитых немцев. Из строя вынесли еще три винтовки и сложили в кучку.

«Мы пошлы», — сказал здоровяк и двинулся по дороге. За ним потянулись другие.

Возле трофеев остались восемь человек...

Павел Митрофанович снял с огня казанок. Поставил на стол тарелки. Насыпал борща.

— Это должно быть вкусно...

* * *

— Шли три дня еще, — сказал старик, когда мы улеглись в палатке после обеда. — Косаревский то шагал рядом со мной, напевая какую-то мелодию, не разжимая губ, то уходил вперёд, то отставал. Слизкий же всё время плёлся за ним на расстоянии, будто преследовал, как росамаха. Не приближался, но и не отставал.

Амвросий, как всегда, успел сбегать на пяток километров вперед и вернуться.

«Куда мы идем?» — спросил я.

«До моей мамы».

«Это же не к Киеву!» — возмутился я. Меня переполняла уверенность, что Киевский укрепрайон — бетонные доты в крутых берегах ирпеньской поймы — неприступная стена...

«Якая разница? — сказал Амвросий деловито. — Немец сейчас кругом. А дома всё узнаем. Мать не сбрешет. И пройдем... Чи в Киев, чи аж в самую Москву».

Я подошёл к Косаревскому. Рассказал, что удумал Амвросий.

Ку-Ка подозвал Амвросия: «Долго идти к твоим?»

«Думаю... — Амвросий помолчал. — Утром попадем».

И действительно, на следующее утро после двух часов перехода вышли к широкому лугу с болотцем, за которым в лучах августовского солнца из зелени садов вырывались струи дыма.

«Вы ждите тут», — сказал Амвросий.

Сбросил на землю вещмешок. Из противогазной сумки достал серую косоворотку и фуражку-восьмиклинку. Снял гимнастерку. Переоделся.

Все с удивлением стали переглядываться. Штатская одежда у сержанта среди войны?.. Даже комиссар, шедший последнее время молча и со стороны казавшийся побитой собакой, не выдержал и с возмущением выкрикнул: «Это што значыть, сэржант Туркот?!»

Амвросий не реагировал. Долго прилаживал одежку, точно собирался на свидание.

«Сэржант Красной армии!..» — продолжал возмущаться Слизкий.

«А вы с ним вместе ходите, — неожиданно перебил его Ку-Ка, ехидно ухмыльнувшись. — Только звезды⁹¹ с рукавов не срывайте, чтоб вас уже издали узнали...»

«Як махну чем от крайней хаты... — перебил Амвросий, — ходить мимо... А як всё нормально — хлопцам самосада принесу свежего...»

Напялил картуз и выбежал на луг.

Я следил сквозь стёкла бинокля за серой рубашкой, но скоро она растворилась в высоких стеблях болотной травы. Механически вынул из кармана своей «Мозер»⁹². Стрелки застыли на седьмом часу. Забыл завести.

«Сколько времени?» — спросил у Косаревского.

«Сейчас глянем, который час... — Он выбросил левую руку вперёд и обнажил запястье, на котором, как глаз циклопа, блестела серебряная таблетка часов. — Половина девятого».

«Вы як думаетэ, товариш майор, — спросил из-за спины Слизкий, — есть фашист у селе?»

От неожиданности я даже вздрогнул. Понял, что сейчас всеми владело только одно желание — попасть в живой дом к людям. И каждый молил своего Бога, чтоб он услышал мольбы...

«Давайте помолчим, — предложил я. — Послушаем собак».

«Думаетэ, он вернётся?» — спросил комиссар, не понимая моего беспокойства.

«Кто? Немец?»

«Сержант. Может, просто сбежал?»

«Какая уж разница? — раздраженно сказал я. — Подождём ... и пойдём».

«Давайтэ пойдём, товариш майор!.. — нервно сказал Слизкий. — Передавать, як курчат!»

«Подождём, товариш командир, — сказал кто-то из бойцов. — Обещал махорки свежей принести».

Я смотрел на далекие крыши хат, а сам думал:

«Молодец Ку-Ка... Не приказал бросить курить, не укорял... А просто: «Просить у подчиненных командир не имеет права... А я бы попросил, наверное...» — Меня подсасывало желание закурить. Но я держался. А Слизкий просил.

Бойцы стали раздеваться, греясь на солнце. Чесались. Косаревский последовал их примеру.

«Товарищ майор, — предложил коротконогий часовой, — давай тебя харашо чесать... Я умею».

«Своя Коробочка⁹³ отыскалась, — засмеялся Ку-Ка. — Спасибо. Я уж сам. — Он прислонился к стволу сосны и принялся ерзать по ней спиной. Его лицо улыбалось от сладостного блаженства. — А тебя как зовут?»

«Хамзя, — и, глядя на счастливое лицо Косаревского, сказал: — Харашо тебе, товарищ майор... На войне чего ни делай, всё харашо».

«А что плохо?» — Чесание развеселило Ку-Ку. Было видно — он готов говорить о чём угодно, лишь бы не прекращался процесс.

«На война?»

«Да».

«На война всё плохо».

«Ты же только что сказал — хорошо».

«Я говорил, што любой дело на война харашо. Плохо только, когда человек больной».

«А ты знаешь, какая самая приятная болезнь? — спросил Косаревский. — И какая — самая неприятная?»

«Самый приятный болезинь?» — Хамзя задумался, продолжая скрести себя ногтями по груди под нательной рубашкой.

«Самая приятная — чесотка, — сказал серьезно Ку-Ка, отходя от сосны. — Чешешь... и ещё хочется. А самая неприятная — геморрой. Сам не посмотришь и другому не покажешь».

Кто-то из бойцов рассмеялся.

Я молчал. Тоже не знал, что это за болячка такая.

«Где такой кемарой у тебя, товарищ майор, я не знаю, — сказал Хамзя серьезно, — а у меня такой болезинь нет. На война самый плахой болезинь — про дом думать. Про жена, про мама».

Бойцы зашевелились: слова Хамзи заделали всех за живое. Было понятно, что каждый нёс в себе, как святой груз, беспокойство о доме, оставленных без мужской крепкой руки жён, детей и стариков родителей.

Только я не очень утруждал себя этим. Дома у меня не было. Жена была, но счастливо сбежала

ла. Чуть живая мысль взблѣскивалась вдруг — мать, отец, братья и сестра где-то живы... Но она, ничего не осветив и не согрев, угасала...

«Товарищ командир! — раздался окрик. — Глядите!»

Я приставил к глазам бинокль.

По лугу среди густой осоки и рогозы мелькала белая рубашка.

«Шагом марш!» — скомандовал я. И бросил за спину вещмешки.

«Это кто?» — подозрительно спросил Слизкий.

«Толя», — ответил я, узнав брата Амвросия.

«А если в болото утопнем? — настороженно спросил Хамзя. — Болото... как жена. Иё знать надо. Щупать...» — Снял гимнастерку и принялся ею размахивать, привлекая бегущего.

Гонец легко взбежал по угору и, тяжело дыша, крикнул:

«Арьска приказал!.. Шоб уси шлы до села!»

«А ты кто?» — спросил комиссар.

«Толя, здравствуй. — Я протянул руку пареньку. — Немец где?»

«Нэ знаю. Позавчера приезжали на мотоциклетах. А перед тым — на той неделе...»

«Что делали?» — спросил Косаревский.

«Приказалы, шоб старосту выбрали... — Парень тяжело дышал и непрерывно озирался на село. — Двух свиной взяли. И корову увелы... Идёмтэ уже. А то там мама на огонь казан поставили...»

Павел Митрофанович начал крутиться на постели.

— Завтра в магазин схожу...

6 мая

Старик разбудил меня. — Давайте попьём кофе, — сказал он, — и я пойду.

Я достал двадцатипятирублёвую купюру и передал Павлу Митрофановичу.

— Купите что считаете нужным, — сказал я.

— А для вас задание — поймать несколько штук... Ну, хоть одну.

Он оделся. Забросил за спину рюкзак и ушёл на просеку.

Я остался пить кофе. Долго сидел у стола в безделье.

Достал радиоприёмник. Ушёл на берег рыбачить.

Тягал блесну и слушал радио. Московский диктор говорил, что в Политбюро новые люди и что в Архангельской области готовятся сеять пшеницу... Попробовал поймать «Свободу». Но весь диапазон коротких волн трещал. Слышны были только голоса на арабском и китайском. Я поймал «Маяк».

Из глубины леса долетел испуганный крик соек. И вскоре на поляне появился Павел Митрофанович.

— Как рыбалка? — крикнул он мне.

— Хорошо!

— Что поймали?

— Трёх щучек.

— Тогда бросайте это грязное дело... Идите сюда... Я тут кое-что принёс...

Я оставил спиннинг. И выключил радио.

Старик выложил на стол несколько газет.

— Это для вас. Два последних номера «литературы»⁹⁴.

— В магазине?

— Что вы, на почте. У заведующей взял... Пробовал позвонить жене. Не смогли связаться... Вы не проголодались? А я шёл и думал... сейчас приду и борщечка...

— Если пригласите...

— Приглашаю...

Мы присели у стола. Я достал коньяк. Мы выпили. И снова с хорошим откатом.

— Так на чём мы вчера с вами остановились? — спросил Павел Митрофанович как-то весело.

— Вас нашёл брат Амвросия, — напомнил я.

— Точно... В знакомом дворе на трёх камнях стоял огромный чугунный чан, накрытый деревянной крышкой. Под ним горело большое пламя, облизывая чёрные стенки до самого верха... Почти как у нас с вами...

Амвросий по пояс голый колот дрова. Увидев нас, он позвал: «Борис!»

Из хаты вышел младший брат.

«Отведи народ по дворам, — приказал Амвросий. — Товарищ командир, а вы у клуню идите».

Борис поманил бойцов на улицу.

«Товарищ сержант, вы обещали махорочки...» — напомнил кто-то из бойцов.

Амвросий исчез в клуне и вынырнул, держа в руке небольшой мешочек.

«И газетку якую...» — попросил боец.

Борис вернулся в хату и вынес несколько газет. Протянул их бойцу. Тот деловито развернул одну, пробежался по страницам взглядом и

отложил в сторону. Принялся разглядывать другую.

«Давай уже! — недовольно позвали его. — Нашёл время читать!»

«Надо такую бумагу, — деловито объяснил боец, разворачивая ещё одну газету, — чтоб без Сталина...»

Слизкого передёрнуло. Он резко обернулся. Но боец положил газеты на лавку и пошёл со двора.

На крыльце вдруг появилась хозяйка. В чёрной длинной юбке, синей в жёлтый цветочек ситцевой блузке и белой косынке.

«Борысёнок! — сказала, глядя в спины уходившим. — Шоб все помылись! И бабам накажи — шоб всех выстирала. Передай — я сказала».

И снова скрылась в хате.

Борис и бойцы ушли. Газеты остались лежать на лавке у стены.

Амвросий заставил нас раздеться. Залез на чердак клуни. Постелил большую полсть и позвал наверх.

«Токо нэ курить тут! — приказал он. — Сено полыхнёт».

Сидим голые. Что ты командир полка, что начальник штаба, что комиссар... Да хоть сам господь Бог. Голые — все одинаковые. И если бы что случилось в этот момент — налетели бы вдруг немцы, — командовать не получится. Никто слушать не будет голого, хоть ты генералиссимус Суворов или главнокомандующий Кутузов... Да хоть и сам Наполеон.

Сено пахло странно. Свежевысохшая горечь смешивалась с давно забытым, но таким манящим запахом. Я повертел головой по сторонам. На стропила под стрехой были повешены пучки табачного листа, источавшие дурманящий аромат.

По лестнице поднялся Толя с миской в руках.

«Мама сказали, шоб с голоду не померли, пока голые...» — Он протянул нам миску. В ней лежали три больших куса чёрного хлеба, жменя зелёного лука и дюжина ломтиков сала.

Мы принялись есть. Лук был сладким. Хлеб ароматный, мягкий. Сало приходилось рвать зубами. Молчаливость и сосредоточенность делали нашу трапезу языческим священнодействием, словно мы не жевали, а клялись неведомому идолу.

Просидели на сене часа два.

«Слазэтэ! — крикнул Амвросий со двора. — Будём бриться...»

Он стоял тоже голый. В руках держал опасную бритву и кожаный пояс.

Последним скоблил себя Слизкий, долго всматриваясь в маленькое зеркальце. Но всё равно оставил щетину на желваках.

Амвросий принёс большое деревянное корыто. Налил в него три ведра кипятка из чана. Толя поднял на журавле ведро воды из колодца и вылил в корыто. За ним — второе.

«Становись! — скомандовал Амвросий. Подхватил меня под локоть, поставил рядом с корытом. Окатил горячей водой. Принялся вымазывать чем-то синевато-чёрным. — Намажемся глиной. Она лучше всякого мыла... А вы, товарищ комполка, и голову вымазуйте. — Шлепнул на макушку грязь. — Толька, а ну помоги товарищу комиссару!»

Вода лилась. Тела стали чёрными. Толя куда-то сбежал и вернулся с толстым дубовым веником. Долго парил его в кипящем чане. Потом разделил на две части. Одну половину отдал брату, вторую вставил в руки Косаревскому.

Стегались дубовыми прутьями. Комиссар мутузил начальника штаба. Ку-Ка следом батожил Слизкого.

Смыли глину.

Толя вынул из колодца ведро воды и неожиданно вылил на меня. Я, как перепуганная молодуха, нервно завизжал, точно меня какой-то охальник бросил в крапиву. Досталось и остальным.

«Ще полчаса, — сказал Толя, — пока походите голыми. Девоч у нас нету...»

На жердочках тына висело наше бельё и мундиры.

Через час мы уже ходили в сухом. Правда, босые. Портянки оставили досыхать.

«А где матушка?» — спросил я.

«В хате. Книгу читать», — ответил Толя.

«Какую?»

«А у неё одна книжка».

Мы сидели в тени тына, наслаждаясь сладким ощущением чистого тела и легким ветерком...

Слизкий взял оставленные газеты и принялся читать.

«В Советском Союзе военное положение, товарищи, — серьезно сказал он. — Товарищ Калинин подписав указ... С двадцать второго июня... Товарищ Молотов по радио выступав. — Комиссар показал нам «Комсомольскую правду», где в четверть полосы был вляпан полупро-

филь Сталина. — «Выступление по радио заместителя... «Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление...» Эх! — с тяжелым сожалением выдохнул Слизкий. — Надо было красноармейцев оставить и прочитать! Никто ничего не знает».

«И мыла не надо, — заметил серьезно Косаревский, — вши после политинформации сами бы подошли...»

«Это як?» — недоуменно спросил комиссар.

«Читайте про себя, Филимон Кузьмич, — сказал Ку-Ка. — А мы потом прочтём».

Слизкий молча уткнулся в газету. Долго читал и отложил её. Принялся за другую.

Косаревский взял отложенную. Пересмотрел все заметки.

«Что вы ищите?» — спросил я. Газеты меня почему-то не интересовали.

«Сообщения из Киева, — ответил он и с радостной артистической восторженностью, пропуская звуки сквозь зубы, прочёл: — «Свершилось неслыханное злодеяние...» — Замолчал и после долгой паузы добавил, хихикнув себе под нос, косясь на читающего комиссара: — Ура! Свершилось! — И вдруг прогудел, выдавив облегчённый вздох: — Фу!.. Наконец-то на нас напали!»

Поднялся и принялся одеваться. Сложил газету, сунул в карман галифе.

Мы тоже стали натягивать на себя одежду.

На крыльце появилась хозяйка.

Она скоро проплыла по двору мимо нас, легонько опустила голову, здороваясь, и, открыв дверь погреба, скрылась в подземелье. Вышла с двумя кринками, закрытыми беленькими лоскутами материи.

«Толя, — сказала она тихим голосом, — копани картопли люд'ям. И дров до печи принеси».

Толя молча схватил лопату и убежал в огород. Принёс ведро картошки. Амвросий перехватил ручку ведра и ушёл в хату. Толя взялся за топор. Принялся колоть дрова.

Борис несколько раз уходил со двора, возвращался...

Слушая старика, я монотонно готовил кофе.

— Вот я подумал, — сказал Павел Митрофанович, принимая чашку. — К вечеру схожу в лес за дубовыми ветками. Тут дуба не много, но есть. И к празднику устроим себе баню...

— Решили вспомнить? — спросил я. — Я с удовольствием. Вот только париться негде.

— Вы правы, вспомнил, — сказал Павел Митрофанович. — За всю войну я никогда не был столь беспечным, как в тот день. Жгучее солнце, ветерок. И никакой тебе войны, никаких немцев. Рай божий.

— И что же дальше? — спросил я, беспардонно подгоняя старика.

— А дальше?.. Будем готовить фарш из ваших шук.

— Павел Митрофанович, при чём тут фарш? — сказал я обиженно. — Пока мы будем месить, отпуск у меня кончится.

— Пустое, Юра. Сколько о войне ни рассказывай... Да хоть по сто раз об одном и том же... Каждый раз всё будет по-новому... И конца и края не будет... Приносите рыбу...

Мы уселись разделять шук.

— Может, просто пожарим?.. Без всяких котлет.

— Как хотите, — согласился старик.

— Вы как счастливый ребёнок... — напомнил я. — В раю...

— Наконец Амвросий позвал нас в дом... В хате пахло свежеспечённым хлебом.

На дощатом столе — глиняные миски. Рядом — деревянные ложки. Посредине — чёрный чугунок, прикрытый полотенцем. Рядом — миска с хлебом и хвостами зелёного лука.

Мы сели. Я рядом с Косаревским. Напротив нас — комиссар и Борис. У дальнего конца — Амвросий и Толя.

Хозяйка возилась у печи.

В доме за год ничего не изменилось. Только к портрету молодой женщины, что висел в простенке между окнами, прибавился портрет молодого улана в парадном мундире. Оба эти портрета укрывал большой белый рушник. В красном углу появились три иконы. И под киотом чуть багровела лампадка.

Хозяйка прикрыла печь заслонкой. Подошла к столу и, крестясь на образа, зашевелила губами. Я смотрел на неё, и мне казалось, что сам читаю молитву, которую выучил, повторяя за бабушкой, и без которой за стол не садилась: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, благослови нам пищу и питие... Аминь».

Сыновья шептали что-то.

Косаревский шевелил губами. Нервно перекрестился.

Слизкий мучительно шарил взглядом по сте-

нам и потолку, борясь с неловкостью.

Женщина осенила крестным знаменем стол и нас. Сыновья в ответ перекрестились.

Хозяйка уселась, взяла ложку.

И только после этого Амвросий сдёрнул с чугуна полотенце и набросал себе парящую картошку. Мы последовали его примеру...

Павел Митрофанович бросил на сковородку несколько кусочков щуки.

— Свои харчи, хоть и полупустые, всё равно смачнее... Молодая картошка, приправленная свиным жиром, смешанная с жареным луком... Во! — Старик вознёс большой палец к небу. — Амвросий нервничал почему-то. Цеплял взглядом из-под лба то Бориса, то меня, ища поддержки и понимания. И не выдержал: «Борис, чего сидим и молчим?»

«Не время», — ответил Борис, равнодушно жуя.

«Мать, товарищам командирам бы чуть...» — не унимался Амвросий. И было видно, что старается он не для себя, а для нас.

В сенях зашумело. Дверь отворилась, пропуская в хату высокого человека лет шестидесяти. На круглом лице между маленькими глазками лепился нос, напомилавший начавшее зреть яблоко. Его подпирал столбик седых усов. Он поздоровался, повесил картуз на гвоздь у косяка, обнажив большую загорелую лысину, напомилавшую прорубь на белом зимнем льду.

«Дядя Евсей, ходи до нас», — позвал Амвросий и подвинулся на лавке, освобождая место.

Гость присел. Глянул на стол и, проведя по лысой голове ладонью, выказал удивление:

«Ой, як немец нас испужал... Ой, испужал... Анкэведыстов так не боялысь...»

«Борысёнок, — сказала хозяйка, — сходи».

Борис вышел в сени и вернулся с сулеей, в которой плескалась зеленоватая прозрачная жидкость. Водрузил на стол. С мысника⁹⁵ достал глиняную миску, ложку. Поставил перед гостем. Лафетниками⁹⁶, как стражей, окружил сулею.

Амвросий принялся тамадить. Наполнил рюмки.

«За нас!» — Он поднял рюмку и протянул её в центр стола.

Звон стекла разлетелся по сторонам.

Выпили.

«Это чего?» — спросил я, не имея сил разжать зубы. Напиток оказался мягким, со вкусом знакомой травы, но очень крепкий.

«Бимбер, товарищ командир».

«Зелёный откуда?» — я продолжал судорожно хватать воздух губами.

«Зубровка», — с гордостью объяснил Амвросий.

«И сколько градусов?»

«Та хто б её мерил когда? Горить... и хорошо».

Слизкий выпил и не поморщился. Косаревский пригубил несколько раз, а потом залпом опрокинул содержимое в рот.

После второй в чугун стали лазить активней. Шёпот вдруг загудел и даже вдруг заматерел.

У комиссара задергались желваки и морщины на лбу, уши стали жаться к волосам. Не выскобленная на желваках рыжая щетина, перемешанная с сединой, делала его еще больше похожим на зазданного мухортового⁹⁷. Казалось, кто-то невидимый за спиной дергает коня за вожжи.

Когда выпили по третьей, Слизкий поднялся и вышел в сени. Вернулся через несколько минут, поправляя галифе.

Амвросий громко попросил: «А ну, Толька, сбегай».

Парень выскочил из-за стола, юркнул в дверь соседней комнаты и вынес на груди гармонь. Все шумели, не замечая его суеты. Но умолкли, как только пальцы пробежали по пуговицам, выпускающая из мехов на свободу весёлые звуки.

«А ну, давай, которую Борисёнок придумал!» — приказал Евсей.

Толя перебрал лады и с гиканьем:

Сидит Сталин на лугу,

Грызёт конскую ногу...

Ой, какая гадина

Советская говядина!..

Мы нервно переглянулись с Косаревским, а потом громко рассмеялись.

Борис сидел молча, словно ничего не слышал и не видел.

Толя, пробежав по кнопкам пальцами, с гордостью запел:

Ох, огурчики, помидорчики...

Сталин Кирова убил в коридорчике.

И, перехватив воздух широко раскрытым ртом, он снова зазвенел:

Самолёт летит,

Под ним проталина.

*Порешили Кирова,
Надо бы и Сталина...*

Ку-Ка громко смеялся, обнажая ровные зубы. Амвросий гордо улыбался.

Борис же запустил ложку в чугунок, насыпал в миску картошку и принялся равнодушно есть.

Слизкий нервничал. Его ноздри раздувало частое дыхание, а взгляд то стрелял в музыканта, то искал в пространстве опору. Рука переключала ложку с места на место.

Я с опаской покосился на вешалку у двери. Там висели наши портупеи с пистолетами.

Толя снова растянул меха и запел:

*Ни коровы, ни свиньи,
Только Сталин на стенах...*

И комиссар не выдержал. Вскочил и закричал: «Против советской власти?!»

Гармонь екнула, срывая голос.

Косаревский перестал улыбаться и схватился за зажимы помочей галифе, точно удерживал себя от падения. Крик комиссара отшатнул его от стола.

«Ты, мил человек, зачем в чужом доме гадишь? — вдруг сказала хозяйка. — Тебя от вши обмылы, накормылы, а ты, як той боров, на стол из ногами зразу».

«Вы!.. Вы!.. — пробовал кричать Слизкий. — Фашиста готовы!..»

«Ты цэ немцу завтра крикнешь, — осадила его хозяйка. — А мы уже твоего крика не боимся. Як тебя кормять, так думаешь, мы забыли, шо вы людоловы?.. Мы двадцать лет молчали... Як человек молчить, значить, дуже не хочеть, шоб про его думу власть знала. И молчать больше не будем. А если народ не хочеть, то вас уже не будет. А дальше поглядим... хто из вас лучшее... Ты в тридцать третьем до нас с лопатой и пистолем пришов... Половину люда голодом в землю зарыв, а я тебя хлебом кормлю...»

«Я у вас тут нэ був!» — зачем-то крикнул Слизкий, оправдываясь.

«А яка у том разница?» — сказал звонко Толя.

Хозяйка недобро глянула на сына, и он скукожился виновато.

«Ты куда зараз ходил? — спросила она с любопытством. — До ветру? Под тын или в хлев?.. А немец, твой дружок, из своими нужниками приехал... шоб не гадить где ни попада... як ты...»

Павел Митрофанович отёр руки от рыбьей чешуи и, вздохнув, попросил:

— Налейте, Юра.

Я вспомнил первый день нашего знакомства. И стала понятна его недобрая реакция на моё нежелание организовывать в лесу туалет.

Мы выпили.

— Я думаю так, — сказал старик. — Сейчас положим чуток. Потом ходим в лес за дубом. А вечером поджарим шуку и сварим рис... Да, мне начальница почты банку помидоров квашеных подарила...

— А что комиссар? — не очень интересуясь помидорами, спросил я.

— Комиссар попробовал выйти из-за стола. Перешагнул через лавку. И это вышло у него неуклюже. Он выругался матом со злостью...

И я не выдержал, вскочил и крикнул, не контролируя себя: «Не заткнёшься, падла, — расстреляю! Я приказ ещё не отменил!»

«И мне вы, товарищ батальонный комиссар, кое-что должны, — тихо, но твёрдо сказал Косаревский. — Не забыли?»

Слизкий покорно уселся за стол.

Хозяйка перевела взгляд на Амвросия и приказным тоном сказала:

«Ты, Аросий, гоны этих, — она ткнула рукой в нашу сторону, — до самых японцев. А из немцем мы сами справимся».

Женщина встала и вышла из хаты. И мы её больше не видели.

Лысый Евсей оставил ложку, поблагодарил всех, неспешно подошёл к двери, напялил картуз и, повернувшись к нам, сказал:

«Завтра немэць до нас ставить своих битюгов... шоб мы их кормылы. Так вам раненько надо иттить. И не дразните гусёв... Ты, Аросий, из ними чи останёшься?»

«Пойду, дядя Евсей. Вы ж слышали, чего мать приказали».

«Тогда иди по дальней балке. Там брод немец насыпав через Ирпень. И никого нету. Зараз воды мало. Посуху переберётесь... На Брагин и Гомель нэ ходы. Припать не пустить... И немец там уже крепко засеял... И храни вас усех Господь!»

Пнул дверь и растворился в сених.

«Это кто?» — спросил я у Амвросия.

«Народная власть, — сказал он. — Старостой выбрали... Мама говорили, шо старый драпанул двадцать четвёртого. А жену и детей кинул...»

Павел Митрофанович поднялся.
— Пойду полежу, — сказал он. — Усталость насе-
ла. А потом — за вениками.

* * *

Солнца уже давно не было. Даже за лесом. Над озером висела жидкая тьма. И совы почему-то не летали.

Только костёр выдавал присутствие жизни. Невысокое пламя освещало малое пространство вокруг.

Я сходил в палатку, принёс керосиновую лампу. Повесил на шесток. Зажёг фитиль.

Павел Митрофанович разбирал дубовые веточки, готовя веники.

— Чем закончился вечер у Амвросия? — спросил я, уже не отыскивая никаких удобных причин для разговора.

— Амвросий оставил ночевать комиссара в хате, — сказал Павел Митрофанович, усаживаясь у стола. — А нас подальше отправил. Загнал меня и Ку-Ку на сеновал в клуне...

— Начнём жарить щуку? — спросил я.

— Нужно?

— Так ведь помидоры... прокиснут.

— Уговорили.

На берегу я вымыл рис, наполнил чайник.

— И дальше? — спросил я, подходя к костру.

— Дальше... Ставьте на огонь рис. — Павел Митрофанович перевернул на сковородке кусочки. — Дальше?.. Лежали на сене. Темень крепкая. Лежим, молчим. Я спрашиваю:

«А что вам должен комиссар?» — Слова о долге не шли из головы.

«То же, что и тебе», — ответил Косаревский.

«Мне он ничего не должен...»

«Приказ подписал?»

«Да... — нехотя ответил я. — Было вроде как на словах».

«На словах приказа по полку не бывает. А особенно в военное время».

Я молчал. Никакого приказа я нигде не регистрировал.

«Не писал приказа... — вздохнул понимающе начштаба. — Напрасно. Это моя ошибка... Я обязан был проследить».

«Могу написать. Все документы при мне. В противогазной сумке. И печать».

«Сейчас уже поздно. Надо было тогда... При-

людно. Если Сликий узнает — ты для него не командир. Пустое место. А командир должен свое слово держать. Другой раз не поверят...»

Ку-Ка набросил на себя шинель.

«А может, это и к лучшему... Я вот подумал... Хорошо, что ты не подписывал приказ. Как только выберемся к своим, разлюбезный комиссар тебе этот приказ на шею привяжет, как камень. И утопит...»

«За что?»

«За то, что ты, сопливый командир полка, посмел не бояться всеислия тех, кому служишь, — сказал Ку-Ка. — Бары холопам не прощают...»

«Он же людей невиноватых убил! Они правду сказали... Война! Ведь никто не разрешал!..»

«Как раз наоборот... — вздохнул Косаревский. — Именно разрешили. Даже приказали... Чтоб о двадцать втором июня никто и помыслить не смел. А кто рот раскроет — к стенке... Мы людей переодевали, а Сликий в корпус сиганул. Хочешь знать, зачем вызывали?.. Получил приказ стрелять без всяких обиняков... Потому твой приказ, товарищ комполка, ему был до самой фалды...»

Павел Митрофанович переложил кусочки щуки со сковороды в миску. На их место бросил новые.

— Я тогда не знал таких слов, — сказал он. — Обиняки... Фалды... А Косаревского точно прорвало...

«Нам такого распоряжения, слава Богу, отдавать не посмели. Знали, что солдат этого делать не будет. А комиссар выполнит... Вспомни, как бегал он двадцатого июня точно ошпаренный и требовал от тебя и от меня выставить патрули комендантской роты на дороге: «Люди убегают из города! Задержите!»

«Какая рота? Мы же всем полком капониры рыли...»

«У нас с ним разные задачи в этой жизни, Паша».

«А почему он не отходит от вас ни на шаг?»

«Потому что конверты у меня... Они совершенно секретные... А раз так — должны быть сданы в особый отдел или уничтожены... И не просто сожжены, а с составлением специального протокола, где указано, что никто их не вскрывал... И не дай бог они попадут немцу в руки...»

«Отдали бы кавалеристам. У них там особый отдел был. Протокол составили бы... И гора с плеч».

«Наивный вы телок, товарищ комполка. У кавалеристов таких конвертов нет».

«Почему?»

«Кавалерия — не танки. Она до Парижа будет два года скакать... А сейчас не восемьсот тринадцатый...»

«А что было в восемьсот тринадцатом?»

Косаревский рассмеялся тихо и сказал:

«Наполеона гнали. Вся Европа под русской конницей была... Если бы наши конверты оказались у кавалерийского начальства, они бы их вскрыли обязательно. Им за это ничего, а нам с тобой — секир башка. И комиссару...»

«А комиссару за что? Он же не подписывал...»

«Будь мы с тобой сейчас в Париже, про конверты никто бы и не вспомнил, — сказал Ку-Ка. — А мы шагаем не по Франции, а плетёмся по своей земле и совсем в другую сторону от Европы. И у комиссара только одна задача — сдать конверты наверх по начальству... Чтоб ни одна душа... Ни своя, ни чужая в эти бумажки носа не сунула...»

Старик заглянул в кипящий рис. Поставил на стол трёхлитровую банку с помидорами.

— Начальница просила обязательно вернуть банку и крышку, — сказал он. — Дефицит...

— Чего голову сушить из-за какой-то крышки? Конверты?..

— Мы долго пролежали молча. Я чувствовал себя не командиром, а безмозглым щенком... И в собственное оправдание сказал:

«Надо было мне действительно приказ в журнал занести и отправить вместе с вами в дивизию. А лучше в корпус... Вы же были там. Пожаловались бы. Тем более комкор — ваш товарищ».

Косаревский рассмеялся себе под нос.

«Признаюсь, товарищ комполка, — Ку-Ка повернулся на бок ко мне лицом. — Я ездил в штаб дивизии не жаловаться на комиссара, а вытребовать разрешение — заминировать весь участок границы перед нами...»

«Разрешили?»

«Запретили даже думать... Они пограничников не для того снимали, чтобы мы с тобой своевольничали... А я, если придём к своим, попаду сразу под трибунал...»

«За что?»

«За то, что позволил тебе отвести полк на новое место без высочайшего приказа. Капитан в калошах это не спустит на тормозах... Он не только докладную Краусу на стол положил. Обязательно настроил «своё понимание» в округ... Неизвестно, чем и когда всё это кончится, а донос не умрёт

никогда... А вдруг и правда это я и ты начали войну? — Косаревский рассмеялся. — Он на коне... Мимо ока опричника не прошло...»

«Так немец весь наш летний лагерь перемесил... — вырвалось у меня. — Все тылы... Вы же сами видели... От нас бы и мокро места не осталось... — И боязно спросил: — А кто такой опричник?»

«Какой же ты, Паша, ребёнок, хоть и командир полка... Для них не важны люди и техника... Для них — не дай бог кто-то усомнится в идее... А мы с тобой усомнились... А наш калошник на то и поставлен, чтобы наши мысли контролировать... Следить за мыслями... Вот он — опричник».

«Кадры решают всё!»⁹⁸ — выпалил я заученную на политинформациях фразу.

«Для них самое важное — беспрекословное, бездумное выполнение приказа такими, как ты... И я... Если не выполнил — полбеда. Нашлёпают по попе, как младенца... Беда в другом, славный командир полка, — ты догадался о тайном, о том, что от тебя скрывали... Мы рытьём капониров крикнули: «А король-то голый!» И сразу сделались врагами советской власти».

Заправили рис жареным луком и маслом. Я сбегал к воде, вымыл рюмки.

— Я не знал, что за король, — сказал Павел Митрофанович. Мы выпили. — Откат нормальный... И спрашивать не стал. Пусть будет голый... Только я не против советской власти... тогда был...

А Косаревский лёг на спину, поправил под головой вещмешок.

«Хочешь, товарищ комполка, скажу, что хранится за семью печатями у меня под головой? В красном и сером конвертах?»

«Что?»

«Приказ. После начала военных действий со стороны германской армии полку надлежит отразить первую атаку и всеми имеющимися средствами во взаимодействии с полками дивизии и иными подразделениями рабоче-крестьянской Красной армии нанести удар...» Или что-то подобное. — Поворочался и добавил: — Главное — чтобы первым начал немец, а не мы!..»

«Почему?»

«Разве может рабоче-крестьянское государство быть агрессором?.. На него нападают всякие там Чемберлены и Гитлеры. А мы ему отвечаем пятикратным превосходством... А вероломное нападение, — Ку-Ка выдернул из карма-

на газетку и замахал ею над головой в темноте, — чтобы у тебя в мозгах мысли лишние не возникли. Чтобы ты воевал, не задумываясь, кто эту войну организовал... И зачем».

«Так конвертов два».

«Приказ в красном. А вот направление указано на карте, которая запечатана в сером...»

«Почему — в сером?»

«Потому что толстый. А красный — тонкий».

«Помните, — сказал я, — должны были получить приказ из дивизии «Гроза?»»

«Должны. А может, его и отдали. Только выполнять его бойцы и командиры не захотели...»

«Так ведь давали присягу!»

«А ты помнишь присягу?»

«Ну...»

«И что ты должен делать?»

«Выполнять приказы правительства...»

«Ты должен защищать не отечество, а правительство. Вот Слизкий и калошник защищают... А Родина и правительство — две большущие разницы, мой дорогой командир полка. Как говорил русский ум... «У нас теперь путают отечество с ваше сиятельство»⁹⁹...»

«А двое поляков, которых расстрелял Слизкий, — тоже приказ правительства?»

«Абсолютно!»

Я вскочил от удивления и сел.

«Успокойся, товарищ командир, — сказал Косаревский. — Не стоит комиссар, чтоб из-за него так переживать...»

Я снова улегся.

«Не говорил, Игорь Аркадьевич... Когда я отдал приказ сняться с лагеря и на новом месте рыть капониры, Слизкий влетел ко мне в кабинет и стал орать: «Вы что делаете! Это провокация! А если немцы узнают?! Шпионы толпами бродят! Не имеете права без приказа командования!...»

«Да, — хмыкнул Ку-Ка. — Не повезло человеку... Под двумя расстрелами ходит...»

«Почему под двумя?»

«Перед тем как прибежать к тебе, он то же самое кричал и у меня в кабинете... А я ему ответил: «Ваше право доложить командованию... Но если что случится двадцать второго июня — пристрелю публично. Я имею на это право как начальник штаба... за открытый саботаж и предательство во время боевых действий».

«Почему вы идёте с нами, а не в Киев? — спросил я. — Убежали бы, как все...»

«Мне нельзя, Паша, оставаться под немцем, —

ответил Косаревский. — Пока неприятель передо мной, я знаю, что воюю за свою жену, двух моих девчонок... А уйду в лес... Если приду в Киев, точно уйду в лес... Буду бить немца и Слизкого. Немец мне неприятель, а комиссар — как вроде друг, товарищ и брат... Потом на меня натравят тебя с твоим полком... А ты в чём виноват?»

«Вы же в Гражданскую воевали», — с недоумением сказал я.

«Воевал до той поры, пока не оказался в полном дерьме... под началом товарища Фрунзе... Участвовал в переговорах с уральскими казаками... Уговорились... Они выходят из войны, складывают оружие... И идут пахать землю, как пахали...»

«А Фрунзе?»

«Как казаки всё сделали по уговору... он приказал всех воевавших арестовать...»

«И арестовал?»

«И расстрелял. Даже глазом не моргнул».

«Ведь был уговор!» — с негодованием выпалил я.

«О дружбе и ненападении?.. — рассмеялся Косаревский. — То же самое он потом сделал в Крыму... Но, слава Богу, меня уже там не было...»

«Если мы в Берлин... В Париж... — сказал я. — Так не только немецкий... И французский учить бы... А Слизкий на уроки не приходил... Не принимаю».

Косаревский громко рассмеялся, прикрыв рот ладонью.

«Человек не любит, когда о его пороках узнают другие... Уроки в красном уголке — для комиссара находка. Где соберёшь всех командиров сразу? К командиру полка попробуй не явись... Зато на занятия по-немецкому являться необязательно... Все шпрехают... а он бумажки в нужнике разглаживает, которые после большой нужды командиров».

«Зачем?» — вырвалось недоумение из меня.

«Не попало ли дерьмо на фамилию товарища Сталина... В перерыве между уроками командиры в туалет бегают... Это тебе не наша выгребная яма... Это всё по-польски... Тут — канализация... Отдавал приказ: бумаги только в корзинку?»

«Отдавал».

«На свою голову... И на мою... А Слизкий потом все эти бумажки просматривал и отмечал... Вот я его за таким занятием и застукал...»

Косаревский спрятал газету.

«Воевать с немцем и французом назначено нам с тобой, товарищ командир полка. А Слизкому — с нами... — Он вздохнул, натянул на себя шинель. И,

давая понять, что собирается спать, сказал: — До чего довели народ... Немец стал милее и желаннее своего барина... Наполеон об этом не мог даже мечтать». И сказал: «Когда в тоске самоубийства народ гостей немецких ждал»¹⁰⁰.

Павел Митрофанович налил в рюмку на доньшко коньяк и выпил нервно.

— Я эти слова запомнил на всю жизнь. Они меня до сих пор пугают.

— Почему?

— Народ до сих пор кого-то ждёт. Непонятно кого, но ждёт... Магазиным хлебом свиней кормит и ждёт... Ну да... Так о чём это я?

— Разговаривали на сеновале... — напомнил я.

— Да, да. Мы неприметно заснули... Разбудил шум во дворе.

Рядом слева сопел Косаревский, а справа — Амвросий. Что-то громко стукнуло. Раз, другой.

Амвросий подхватился. Слетел с лестницы. Я — за ним.

В раннем утреннем свете посреди двора темнела невысокая фигура.

«Товарищ майор...» — взволнованно зашептала фигура.

«Ты что здесь делаешь, Хамзя?» — спросил я.

«Очень жду».

«Кого?»

«Тебя, товарищ майор».

«Что случилось?»

«Идти надо быстро... Утро скоро».

«А где остальные?»

Хамзя молчал.

«Где остальные?»

«Ушёл. Совсем ушёл. Жрать забирал и ушёл».

«Вот суки!» — выкрикнул я.

«Зачем — сука? Не надо — сука, — тихо сказал Хамзя. — Домой пошёл. А дома воевать хорошо...»

7 мая

Я встал рано. Принялся за чайник. Павел Митрофанович вышел следом. Долго возился у воды, забрасывая снасти.

— Как сказал Евсей, так и пошли, — заговорил Павел Митрофанович без моей назойливой просьбы, когда сели пить чай. — Перебрались через Тетерев.

— Бог помогал? — спросил я.

— Не Бог. Скорее Амвросий был нашим Бо-

гом. Всё устраивал. Как-то лихо у него выходило отступать...

Дважды натыкались на немецкие разьезды. Слизкий, как видел немца, начинал дёргаться, требовал устроить бой... Какой бой, когда нас трое с пистолетами, Амвросий с трофейным автоматом и Хамзя с трёхлинейкой... О патронах я уже молчу. А комиссар на пули лезет.

К вечеру второго дня подошли к Днепру. От высоченного берега до воды — неширокая пойма, заросшая густым осинником.

Амвросий сбегал к воде. Вернулся озабоченным. Настороженно сообщил:

«Наших морэ по кустам. Усе ждуть вэчора. До ближнёго села, сказали, километра три... Пошли до воды».

Мы нырнули в кустарник. Шли друг за другом. Впереди мелькали чьи-то фигуры. Но никто не интересовал друг друга.

Берег у воды был высотой чуть больше двух метров. Серая река стремительно неслась мимо, крутя чуть заметные водовороты.

Мимо пробежал красноармеец без знаков в петлицах¹⁰¹. Слизкий хотел его окликнуть. Но тот зайцем скрылся в осиннике. Амвросий сорвался и побежал следом.

«Надо собрать народ, — тут же засуетился Слизкий, провояжая взглядом убежавшего красноармейца. — Организовать оборону».

«А землю зубами рыть? — спросил Косаревский. — И от кого обороняться? Где неприятель, вы знаете?»

«Я запрещаю вам говорить — неприятель! — крикнул Слизкий. — Это фашист!»

«Отчего так вдруг? — рассмеялся начштаба. — Вчера друзья не разлей вода...»

«Отставить! — приказал я, понимая, что начштаба соскочил с винтов, пока шли. — Чем препираться, лучше бы продумали, как через реку перемахнуть? Не зима. Льда нет...»

«Собрать коммунистов и комсомольцев, — сказал Слизкий требовательно. — Найты старшого по званию. Красноармейцы не имеют прав быть неорганизованными...»

«Редкий командир доплывёт до середины Днепра», — сказал Ку-Ка певуче.

«Почему? — строго спросил Слизкий. — Нам надо нэ до середины, а на тую сторону».

«Это не у меня надо спрашивать, — хмыкнул Косаревский. — У Николая Васильевича».

«В каком звании?» — спросил комиссар.

«Вы где учились, Филимон Кузьмич?» — спросил Ку-Ка, не скрывая раздражения.

«На курсах политработников», — с некоторой гордостью ответил Слизкий.

«Разве не говорили на этих курсах, что у Гоголя нет звания?..»

«Отставить! — приказал я, чтобы прекратить перебранку. И спросил: — Хамзя, ты плавать умеешь?»

«Нада, поплыву, товарищ майор».

«Так ты умеешь, чапаевец? Если надо!»

«Нет».

Вернулся Амвросий.

«Народ ждёт ночи, — сообщил он. — Тут местные мужики с лодками... Перевозят».

«Командир кто?» — спросил комиссар.

«Да какие шас командиры? — раздражённо ответил Амвросий. — Все сами себе командуют... Мужики тутошные хлеб брать не хотят. Денег хотять...»

«Какие деньги?» — крикнул Слизкий.

«Те самые, которые у нас в мешке», — сказал Ку-Ка.

«Если не дадим, — добавил Амвросий, — может, и совсем не дождемся. А за гроши нас первыми перевезут. Я договорился за десять тридцаток¹⁰²».

«Скоко?» — удивленно вскрикнул Слизкий. — Таких денег генералам нэ дают!»

«Из своего кармана будете платить?» — спросил Косаревский.

«Красноармейцев за деньги! За народные деньги!»

«Так война, товарищ комиссар, а не крамныця¹⁰³, — сказал Амвросий. — У неё свой расчёт».

«Действительно, — сказал Ку-Ка, ухмыляясь. — Зачем платить за работу? Вместо денег запишем два трудодня. А деньги под рубашку себе набьём и поплывём пузом кверху. — И потребовал: — Товарищ командир, выдайте сержанту Туркоту три тридцатки... Лучше четыре. Аванс. Чтoб другие не перехватили...»

Я выдал деньги.

«Только придумай, сержант, что-нибудь такое, чтоб не надули», — попросил Косаревский.

«Сделаем». — Амвросий скрылся в зарослях осинника.

Через полчаса он вернулся, счастливо улыбаясь и показывая рукой на запад.

На солнце, садившееся красным кровавым пятном за дальний холмистый берег, натягивало чёр-

ную тучу. Она медленно напозла на раскаленный диск и скоро вовсе поглотила его. Издалека докатился слабый раскат грома. От реки налетел холодный порыв ветра.

«Надо рыть пещеру в берегу, — сказал Косаревский. — Промокнем — нам конец».

«Рыть чем?» — спросил Слизкий.

«Руками», — нервно ответил Ку-Ка. Соскочил к урезу воды и поманил меня.

Кожа реки вздулась от ряби, и казалось, что течение стало ещё быстрее. Ветки осинника над нашими головами изгибались, как шеи серых гусей, и громко шипели.

«Товарищ сержант, поискал бы лопатку», — попросил Косаревский.

«Давайте десятку... — ответил Амвросий. — Алучше красенькую».

Сержант взял деньги и убежал. Через минуту вернулся с сапёрной лопаткой.

«Продали, — сообщил он. — Ройте, а я побегу...» — И, ничего не объясняя, нырнул в осинник.

Полотно розового неба разрежала кривая змейка молнии. Ухнуло где-то далеко.

«Давайте рыть. Через полчаса ливанёт», — сказал Косаревский и принялся долбить берег, выбрасывая песок наверх.

«Нет, — сказал Хамзя. — Только через час».

«Откуда знаешь?» — спросил я.

«Посчитал».

«Кого посчитал?»

«От молнии до грома двадцать... — деловито объяснил Хамзя. — К нам долго ещё. Час. И ветер в другой сторона».

«Откуда такие познания?» — спросил Ку-Ка.

«Конь пас, — ответил Хамзя. — Научился».

По урезу воды шёл Амвросий. Босиком. Сапоги нёс в руках. За ним — мужик в сером парусиновом плаще, резиновых броднях и в большой кепке.

«Товарищ командир, — окликнул меня сержант. — Вот человек. Он нас перевезёт».

«Как зовут?» — спросил я.

«Самусь Андрей...» — На вид ему было лет шестьдесят.

«Ты кто тут?»

«Огни ставил раньше... Бакенщик».

«Немец где?»

«Возле Асаревичей мост наплавили. Это за Припятью. Далёко».

«Почему там?»

«Луг большой. И с берега не надо прыгать, як тут».

«Не про то, — сказал Косаревский. — Почему именно у Асаревичей?»

«Там до чугунки¹⁰⁴ ближей».

«Чего?» — переспросил комиссар.

«До рельсов», — объяснил Амвросий.

«А она куда идёт?» — спросил Ку-Ка.

«Одна нитка на Минск. Другая — на Конопот-Курск».

«У вас немец был?» — спросил Слизкий.

«Бог миловал, — вздохнул Самусь. — Немца нету пока. А своих прогнали. Хлеб убрали. Зараз будем картошку копать всем селом».

«Человек денег просит, — сказал Амвросий. — Сейчас».

«Почему сейчас? — возмутился комиссар. — Перевезёт... и получит».

«А если на том берегу со мной чего станется?.. Убьют... Или перевернусь на обратном бегу... Деньги водяному не нужны. А так я до хаты отнесу... После меня польза какая останется. Если беда, то хозяйка внукам солоников¹⁰⁵ чи хлеба купить...»

«Ты и немца перевозить станешь?» — нервно заявил Слизкий.

«Як прикажуть — перевезём, — спокойно ответил Самусь. — Теперь он хозяин. И не таскается по кустам, шо та гуска нэдострэляная...»

Я выдал деньги.

«Як месяц выйде — я сразу до вас», — сказал перевозчик.

«Какой месяц? — возмутился комиссар. — Ночь чёрная кругом».

Молния вырвалась стрелой из чёрной тучи и уткнулась острием в землю. И следом покатила громовая волна.

«Гроза быстро пройдёт, — заметил Самусь, пересчитывая деньги. — А вы ховайтесь у дырку».

И ушёл.

«А если надует?» — с опаской спросил я у Амвросия.

«Не, товарищ командир! — успокоил сержант. — Село рядом. Немца нету. Придём мы...»

Косаревский выпрыгнул на берег и принялся сооружать бруствер над пещерой.

«Зачем, товарищ майор?» — спросил Хамзя.

«Чтоб вода не на нас стекала, а в сторону, — объяснил Косаревский. — А то свод рухнуть может».

Павел Митрофанович побрёл на берег. Я подхватил посуду и пошёл за ним.

— Промокли? — спросил я, стараясь не потерять нить рассказа.

— Над головой гремело, — сказал старик, мостясь на чурбак возле снастей. — Молнии то слева, то справа, то над нами резали небо на части. И в короткие ослепительные мгновения высвечивалась пустая река. Дождь хлестал. По сторонам от нашей норы двумя толстыми струями стекала вода.

Над нами ходили. Шлепающие шаги напоминали чавканье огромного животного, которое вышло на охоту...

И одна только мысль холодила сознание: «Не доведи Господь, чтобы обвалился песчаный свод...»

Молнии уплыли, словно их унесло течением. Гром еще долетал, но все слабее и слабее. Дождь незаметно прекратился. Небо просветлело. Проклюнулись звезды за рекой. С противоположного берега, из-за леса, выплыл молодой месяц.

Подошёл Хамзя и протянул мне рублёвую купюру.

«Зачем?» — спрашиваю.

«Мой мама говорил... Если увидел молодой луна, что на стриженный ногтя похож, хватайся за рубель... Тогда их много будет».

На берегу зашумел народ. На фоне серой воды показался большой чёлн, наполненный людьми. Он стремительно несся по стрежню и ушёл к противоположному берегу.

Я нервно теребил в руках денежку и смотрел вслед исчезающей лодке...

Вдруг из темноты вывернула еще одна и устремилась к нам. Брюхом она заползла на песок и остановилась. Перевозчик встал на корме, уткнув весло в дно.

«Двое на весла, — приказал он. — Считаем. Чтоб не больше дюжины. А то перевернёмся».

С берега к урезу прыгнули бойцы. Двое самых шустрых уселись на весла.

Амвросий встал у носа и пропускал людей в лодку, считая.

Он подтолкнул меня в спину. Сам запрыгнул следом. Выхватил весло из рук гребца и принялся отталкиваться от берега. Его крылья матом оставшиеся на песке.

Народ в лодке стал шуметь, устраиваясь.

«Сидеть усем тихо! — скомандовал Самусь. — Это плоскодонка. Не любить, когда крутятся. Не успеете плюнуть, як у воде все... А чоботы¹⁰⁶ на берегу менять будете. И гребти справно! В одно дышло!»

Самусь и двое на вёслах гребли споро. Лодка действительно была вёрткой. Казалось, вот-вот за-

черпнёт бортом воду, которой не было видно, но она предательски шумела рядом.

«Не боишься?» — спросил я тихо у Хамзи.

«Не знаю, товарищ командир».

Через полчаса лодка уткнулась носом в берег.

«Пришли, добродии», — сказал Самусь.

«Спасибо, дед!» — выкрикнул кто-то, выско-
чив на берег.

«Про меня вспомнишь, як до божьей смерти доживэшь... Ото самое лучшее спасибо». — Самусь оттолкнулся от берега веслом и исчез в речной темноте...

Ожил колокольчик. Павел Митрофанович под-
сёк поклёвку... Сбросил окуня в садок.

— С первыми лучами стали разбираться... — Он наживил червя и, плюнув на него, забросил в воду. — Народу набралось на пару батальонов. Я приказал построиться. Артиллеристы, кавалеристы, танкисты...

— Кто командовал? — спросил я, натирая тарелку береговой грязью.

— Как-то очень странно вышло. Командиров вроде много. Только настоящих — раз-два и обчёлся. Майор-артиллерист, капитан пехотный и Косаревский. А остальные — политруки. Человек тридцать звёздами сверкают... Я до сих пор не могу в голову взять... Как они в лодки первыми позаскакивали?.. Как убежать — они всегда первые... А командиром полка был только я.

Павел Митрофанович снова подсёк поклёвку. Но крючок оказался пустым.

— Два дня шли. Слизкий всё политруков уськал. Требовал докладывать... Я не вмешивался.

Каждую ночь народ таял...

Чтобы не заставлять людей нервничать — никаких переключек...

На третий день вышли на огромное поле, засеянное подсолнечником. Лес его подковой стягивал. Через поле пробита кем-то широкая дорога... Тихо. Солнце сияет... Оценили. Решили идти.

И чёрт меня попутал... Отправь разведчиков вперёд... Нет! Пошли гуртом... Вошли в поле... И тут нам со всех сторон пулёмётные очереди...

— Погодите рассказывать, — попросил я. — Сейчас отнесу посуду...

— Ждали нас, — продолжил старик, когда я вернулся. — Видать, мы не первые были тут... И специально дорогу протоптали, как заманку... А вы, Юра, бросайте... Не сидите.

— Как выбрались? — спросил я, взяв спиннинг.

— Остались лежать в подсолнечнике... — сказал Павел Митрофанович. — Слышали — то слева, то справа ходят.

«Sehr gut für heute! Der Hauptmann wird zufrieden sein»¹⁰⁷.

Лежим втроём. Ветер по жёлтым головам подсолнечника пролетит, а нас какая-то сила в землю вдавливают. К каждому шороху прислушиваемся. А я всё больше к тому, что от леса долетает. Думалось — это Косаревский идёт, ломая стебли. Но к вечеру пространство между лесом и полем заполнилось треском мотоциклов. Они тарыхтели до темноты.

И стало понятно, что назад нам ходу нет. Только вперёд...

Дождались ночи и как ежи... Десять шагов делаем и стоим. Луну проклинаем. Она, как назло, посреди неба. И не полная, а ты хоть плачь...

— А немец куда девался?

— Довольный ушёл спать, наверное, — сказал Павел Митрофанович. — Мы переползли поле. Потом ещё два дня шли. Теперь уже всякие заманихи обходили...

* * *

На рельсах стоял состав. Из трубы паровоза шёл чёрный дым. На платформах — гаубицы без маскировки, тягачи «Коминтерн».

«Товарищ командир, надо выяснить, куда идёт поезд», — сказал Амвросий.

«Эх, если бы в Казан», — заметил Хамзя.

Амвросий вышел из леса и медленно пошёл к насыпи. Повертелся у платформы и принялся махать рукой, призывая нас.

Мы подошли. Вдалеке под парами стоял паровоз в ожидании. Из-под передних колёс вырывался белый пар. На насыпи суетились тёмные фигуры.

«Сейчас пойдёт», — волнуясь, сказал Амвросий. — Открыл поддувало».

«А куда он?» — я стал всматриваться вдоль состава.

«Садимся! — потребовал Амвросий. — Куда-то привезёт. Охраны нету. Значит — от войны». — Запрыгнул на платформу и протянул мне руку.

Состав дёрнулся и без сигнала тихо покатил.

Мы уселись у невысокого борта платформы на доски между двумя гаубицами.

«Молодец», — подумал я о человеке, который приказал отвезти эти широкогорлые пушки в тыл.

Поначалу было приятно. Прохладный ветерок хватал за шею. Но потом холод стал пронизывать все тело. Не помогала и шинель.

«Дуба врежем», — сказал Амвросий, увидев, как я ежусь от холода.

Он поднялся и перебрался на соседнюю платформу. Вернулся минут через десять.

«Пойдём, товарищ командир, — сказал он весело. — Штабной автобус нашёл. Надо только дверь выломать... Или стекло разбить».

Прошли три платформы. Знакомый автобус. Точно такой же, как наш полковой.

Амвросий долго ковырялся у двери.

«Давайтэ стекло бить, — предложил он. — Бо змерзнэм, як ти цуцьки».

«Зачем машина ломать? — сказал недовольно Хамзя. — Нож давай, товарищ командир».

Амвросий вынул из вещмешка нож и передал Хамзе.

Тот вставил лезвие между дверью и корпусом автобуса. И резко поддернул кверху. Дверь отошла.

В автобусе было тепло. Стол. Два топчана. У стенки — радиостанция.

Пошарили по сусекам. Пусто.

А поезд набирал скорость. Мелькали какие-то полустанки, белели хаты под соломенными крышами...

«Давай кушать, товарищ Аросий, — сказал Хамзя. Вышел из автобуса. Через секунду вскочил назад и призывно закричал: — Товарищ командир! Ходи суда быстра!»

Мы выскочили на платформу.

Поезд стучал по большой рельсовой дуге.

А в километре от хвоста железную дорогу пересекала танковая колонна. Один в колонне развернул башню и выстрелил нам вдогон. Земля взорвалась у насыпи недалеко от паровоза.

Но тот только прибавил ходу...

«Хто рано встаёт, тому Бог даёть... — сказал Амвросий, отрезая кусок хлеба от буханки. — Опоздай на десять минут... и конэць нам! Правду говорил Самусь... Переправился немец через Днепр...»

«А ты, Хамзя, почему не сбежал с остальными?» — спросил я, разжевывая хлеб и заедаю луком.

Тот глянул на меня, но ничего не ответил.

«Чего молчишь?»

«До Казан ещё не дошёл мой».

«А хочется?»

«Очень хочется, товарищ командир».

«У тебя хата большая?» — спросил Амвросий.

«Большой. Двенадцать человек...»

«Я не про братьёв и сестёр... Про дом. Про крышу».

«Нет. Двор большой. А дом маленький».

«Почему маленький?»

«Нельзя большой».

«Почему?» — спросил я.

«Раис¹⁰⁸ не разрешает. Говорит — яман¹⁰⁹ нельзя быть».

«Я думал — ты в самой Казани живёшь», — сказал Амвросий.

«Нет. Ночь на лошадь едешь... И — Казан».

«Почему ночь?»

«И ещё полдня. А это у нас не считается...»

* * *

Колёса монотонно стучали на стыках. Вечерело. Солнце августовское поугасло.

Поезд замедлил ход и пополз еле-еле. Выросли плетёные изгороди, сады, из зелени которых выбивались крыши с дымоходами.

По насыпи шла женщина с корзиной за спиной. «Шо за город, тётка? — крикнул Амвросий. — Бахмач чи Конотоп?»

«Курськ...» — долетело с насыпи.

Поезд стал тормозить. Мы взялись собираться.

«У тебя документы есть?» — спросил я у Хамзи, затягивая портупею.

«Есть». — Он порылся в кармане гимнастёрки и вытащил какую-то бумажку, сложенную вчетверо. Развернул её и протянул мне.

Это была расписка.

«Выдана Хамзе Айсину одна тысяча шестьсот килограммов фаражного овса для кавдивизии...»

«Так это же расписка, — недовольно сказал я. — Кто тебе поверит, что ты... Айсин Хамзя?»

«Там написано для кавдивизии...»

Я вынул из вещмешка заветный капшучок¹¹⁰, из него бланк увольнительной и, слюнявя химический карандаш, заполнил:

«Выдана красноармейцу Айсину Хамзе ...»

«Как твоё отчество?» — спросил я.

«Нету, — удивленно сказал Хамзя. — Зачем?»

«... с правом покинуть расположение полка с 8.00 до 20.00 21 июня 1941 г.»

Долго дышал на печать и шлепнул на бумажку.

«С такой бумажкой ты теперь генерал», — засмеялся Амвросий.

«Запомни, что полк стоял в городе Берзе, — ска-

зал я. — Берз. Повтори...»

«Берз... Очень запомнил... Зачем мне твой бу-маг?»

«Ты же дезертир», — объяснил я.

Айсин сник. Втянул голову в плечи. Смял ко-жу на лбу. Мне показалось, что этот двадцати-летний парень впервые задумался над своей участью. И спросил:

«Кто я у тебя, товарищ командир?»

«А что ты умеешь делать хорошо?»

«Чего скажешь... Всё...»

«Ты кем в кавдивизии был?»

«Сено для коня ехал?»

«Фуражир... У меня в полку коней нет. А что ты в своей деревне делал?»

«На трактор ехал.»

«А почему в кавалерии?»

«Что татарин. Татарин положено с конём быть...»

«Тогда ещё... Запомни! Ты служил в комендантском взводе. Охранял штаб танкового полка. Ясно?»

«Очень ясно. — И, задумавшись, сказал, тяжело вздохнув. — На войне лучше, чем дома.»

«Почему?» — спросил Амвросий.

«Кормят хорошо, — объяснил Хамзя. — Даже два раза... А человеку всё равно умирать.»

Поезд прошёл мимо большого здания станции и заполз в какой-то тупик.

Вдоль поезда стали ходить люди, громко разговаривая.

Мы прыгнули на землю. И сразу: «Руки вверх!» Лейтенант и два красноармейца. Спесивые... Повели в комендатуру.

Комендант — худой, щуплый полковник с густыми бровями, в круглых очках на утином носу.

Я доложил. Предъявил документы. Выложил на стол перед полковником полковое знамя, печати и деньги. Написал объяснительную. Попросил расписку за сданные предметы.

«Отведите этих диверсантских гадов! — только и рявкнул комендант зло. И крутит перед глазами немецкую флягу, ухмыляясь. — А к стенке вместо расписки не хошь, гнида?»

И тут, наяву, я увидел всю глупость дутой бдительности, переполненной ненавистью к людям. Она красовалась передо мной в форме полковника. Хотелось крикнуть этому государственному филёру, что вооружить стеклянной флягой солдата можно, только ненавидя этого самого солдата.

Отобрали оружие, портупею и часы. Отвели в подвал.

Меня поместили в отдельную комнатку. Где были попутчики — не знаю.

Лампочки в камере нет. В двери дыра с решёткой. Свет из коридора... Нашупал топчан... Утром принесли еду: похлёбку из капусты и хлеб. Такое же принесли на следующее утро... И на третье... И на четвёртое...

— Как определяли время? — спросил я.

— Принесли харч — начинается новый день, — объяснил Павел Митрофанович. — Каждый раз другой солдат приходил... Комендатура. Дисциплина. Менялись... Да, забыл сказать — в нужник выводили сразу после еды. Чтобы от комендантских деликатесов не нагадил в камере.

На пятый день прибежал лейтенант. Тот самый, который сцапал нас на вокзале. Спесь где-то припрятал. Спину гнёт и руку выше козырька заламывает.

«Товарищ майор... — дрожит голосом, — к товарищу полковнику...»

Захожу. Очкарик из-за стола вскочил, будто только сел на вилы. Руку мне жмёт своими пухлыми... На столе лежат моя портупея с кобурой, аккуратной стопочкой документов... Он портупею чуть ли не сам на меня одевает, как лошадь запрягает. Телеграмму под нос тычет.

— Откуда такая любезность? — спросил я.

— Комендант донесение по инстанции отправил, — пояснил Павел Митрофанович. — «Задержал группу диверсантов с невероятным прикрытием! Полковое знамя, печать полка... При шпионах обнаружены немецкие алюминиевые фляги...» И получил полный обвал!.. Приказ из Москвы! «Немедленно в автобронетанковое управление к самому Федоренко!»¹¹¹ Срочно!

И я понял, что телеграмма из Москвы делает меня сильнее и важнее коменданта.

Я взял документы и спрашиваю: «Где у вас баня, товарищ полковник?»

Комендант смотрит на меня как на идиота. Какая баня, когда немец вот-вот нагрят? А потом как крикнет: «Иванов!» или «Сидоров!» Вбежал лейтенант. «Помыть товарища майора!»

В подвале нашлось что-то похожее на помывочную, два ведра кипятка, три — холодной воды и огромный кусок серого хозяйственного мыла...

Старик вдруг громко рассмеялся.
— Я его конфисковал для порядка... Принесли бритву, новое нижнее бельё и мундир.

— Новый? — с удивлением переспросил я.

— Абсолютно. С пустыми петлицами, правда. Я шпалы перекрутил со старого...

Захожу в кабинет. Полковник мне:

«Вот ваши проездные документы... Поезд в половине одиннадцатого вечера. Ходит только ночью. Сами понимаете». — И следом за документами протягивает вещмешок. Тоже новый. Из сейфа вынул «тэтэ». Добавил две обоймы... И «Мозер» вернул.

«Где мои товарищи?» — спрашиваю.

«Они уже далеко, — отмахнулся лениво полковник. — Да и не ваше это дело. Поезжайте в Москву...»

«Моё!» — сказал я резко. И вспомнился разговор с начальником танковой школы. Видимо, в голосе и во всем виде было что-то свирепое.

«Они на сборном пункте. У нас формируется стрелковая дивизия».

«Какая из танкиста пехота! — закричал я. И только в тот миг понял, что за какие-то три месяца я прирос к этим двум людям и без них чувствовал себя ребёнком, ставшим вдруг сиротой. Сбавил обороты и мягко, уже по-дружески, добавил: — Эти люди вывели меня из окружения. И знамя вынесли... И двое не спасут положение в стрелковой дивизии... Пошлют в какую-нибудь холеру... И загубят хороших разведчиков. А разведчиков не делают... Ими рождаются... — И кто-то с неба мне подсказал: — Как и настоящими osobистами».

Я ещё сказал, что если опоздаю в Москву не по своей воле... Правда, это было пустое сотрясение воздуха. Но оно доконало полковника.

Он написал на бумажке фамилии, поставил печать. Позвонил куда-то со словом: «Отпустить!»

«И постарайся уехать сегодня, майор, — сказал комендант, протягивая распоряжение. — Будет полупоезд, полутоварняк...»

* * *

Времени у меня было до поезда хоть отбавляй. Шёл куда-то за город. Знал, что нужно найти какое-то летное поле.

Нашёл. И меня взяла оторопь... Колючая проволока в два ряда на деревянных столбах. И столбы свеженькие, только-только ошкуренные, белым

обглоданным мослём блестят на солнце. Между рядами конвоиры с собаками. А за проволокой народу нагнано... На добрых две дивизии. Кто в военной форме, кто в гражданском... В военной больше. Курят. Равнодушно глядят по сторонам.

В комендантской будке предъявил бумажку. Долго читали, перезванивали. Проверяли мои документы. Снова перезванивали. Наконец послали лейтенанта в толпу. Минут через десять привели Амвросия и Хамзю. Еще полчаса оформляли бумаги.

«Распишись, майор, за товар», — сказал капитан с презрительным неудовольствием.

Отошли мы от лагеря далеко. И вдруг как бросимся обнимать друг друга.

Айсин даже заплакал:

«Товарищ майор, спасибо тебе, што человека не забыл. Хамзя для тебе всегда настоящим будит...» — Ловит мою руку.

«Чего делаешь?» — Со смущением и неловкостью я выдергивал ладонь из его коротких пальцев.

«Целовать надо...»

И всё у него неуклюже выходило. Он, должно, никогда не целовался даже с матерью...

Я спрашиваю:

«Как вы тут оказались?»

«Целый день допрашивали, — объяснил Амвросий. — Хамзя — завербованный! Потому шо покинул расположение полка двадцать первого июня. Вы, товарищ командир, сами ему такую бумажку написали... Бо з якого боку ни возьмись — из него шпион, як из говна пуля. Одна вонь даже в мороз. По-русски только десять слов знать?.. Ну, а я — предатель. Требовали сказать, что вы, товарищ майор, — командир диверсионной группы... И знамя полка нам у парашуте сбросили... разом с автоматом...»

— Колючая проволока зачем? — спросил я.

— А зачем приказ двести двадцать семь? Зачем заградотряды? — ответил Павел Митрофанович. — Чтобы не разбежались...

Он сходил к палатке, глотнул таблетку. Вернулся и, нанизывая червя на крючок, сказал:

— Сообщил я, что в Москву едем. Амвросий спокойно воспринял известие.

«Одежку б поменять, — сказал он. — А то до Москвы не доедем».

— Вам же новую выдали перед двадцать вторым? — удивился я.

— На вид новая, а разметалась как-то быстро. Особенно шинель. Совсем не грела...

А Хамзя скривил свою злую рожу и говорит:

«Нехорошо в Москва. На Урал нада. Жалка, акча¹¹² забрал Раис... Штаны новый купить нада...»

Пришли в комендатуру. Комендант, увидев нас, не удивился.

«Документы для бойцов...» — попросил я.

«Нельзя», — сказал полковник.

«Тогда деньги верните!» — потребовал я.

«Они казенные!» — отрубил полковник.

«Деньги! — уже грубо сказал я. — Амвросий, Хамзя... Выйдите в коридор». — Проводил их взглядом и вытащил пистолет...

Комендант, увидев, что я расстегиваю кобуру, и услышав самый знакомый для его уха щелчок взведённого бойка, понял, что с ним не шутят. Конечно, он не поверил, что я выстрелю, но сообразил — шум из-за денег ему совершенно не нужен.

«Документы и... половину», — предложил я.

Комендант поднял из-под стола мой трéпанный вещмешок, нервно развязал шлейки. Выдернул из стола ящик и стал перекладывать пачки из мешка...

— Много взял? — спросил я.

— Не знаю, — рассмеялся Павел Митрофанович.

— Не считал. Думаю — половину...

— А документы?

— Написал. Куда ему деваться? Придёт немец в Курск или не придёт — неизвестно. А денег полон стол... Он и во сне таких не видывал... И чем быстрее я уйду, тем дальше он их перепречет.

— Выходит, купили? — спросил я.

— Без выходит. Просто купил командировочное удостоверение сержанту Туркоту и красноармейцу Айсину.

Вышли во двор. Я с одним вещмешком за спиной и с другим в руке. Нам знакомый лейтенант навстречу.

«Где можно раздобыть форму бойцам? — спрашиваю. — И оружие?»

Он оглянулся на вход в комендатуру, отозвал меня в сторону и зашипел:

«За дальним тупиком склад... Скажешь — от Филькина... Договорились?»

«А оружие?»

«Сколько даёшь?» — спросил он с явным желанием узнать, вернул ли мне полковник деньги.

«Красную пачку за две винтовки», — предложил я.

«И пачку за патроны...»

«Давай».

«Пошли...»

Мы долго обходили составы, стоявшие в тупиках. Подошли к канализационному люку. Лейтенант отодвинул крышку.

«Прыгайте кто-нибудь», — приказал он.

Амвросий сиганул в дырку и выбросил на поверхность две винтовки и цинковый ящик с патронами.

«Тут автомат немецкий! — крикнул он. — Кажись, наш...»

«Не-не-не! — взмолился лейтенант. — Патруль!...»

«Нет! — сказал я. — Мы в Москву, а не в лес».

Лейтенант схватил деньги, прикрыл крышку и на ходу крикнул:

«Впиши в карточку номера на всякий случай, чтоб патрули не придирались!»

Склад мы нашли быстро. Часовые не хотели никого слушать. Но Амвросий поделился махрой. Через пять минут появился интендант третьего ранга¹¹³.

«Без разрешения коменданта нельзя, — деловито объяснил он, читая телеграмму из Москвы. — Не положено».

Я поманил его ухо к своим губам:

«Не пожалеешь. Отблагодарим...»

Интендант бодро вскинул голову, радостно сверкнув волчьим серым взглядом. Привёл в большой сарай. Хомуты, бочки, ящики... И главное — аромат. Такого воздуха я больше никогда не вдыхал... Повернёшь нос направо — карамель, патока. Налево — селёдкой разит. Чуть шаг вперёд — плохо выделанной кожей отдаёт...

«Какие размеры? — спросил интендант, когда остановились возле стеллажей с барахлом. — Вы кто?»

«Танкисты».

Павел Митрофанович долго рылся в ящике для червей.

— Кажется, наша рыбалка закончилась, — сказал он. — Червей всех поели. А копать сейчас тяжело. Будем ждать утра...

— Я попробую всё-таки что-нибудь поймать. — И метнул блесну. — А вы дальше...

— Вышли мы как новобранцы, — сказал Павел Митрофанович. — Ребята в новых гимнастерках и штанах... Шинели сменили и сапоги... Взамен — две пачки красненьких тридцаток.

Пошли искать свой поезд...

Павел Митрофанович поднялся и сказал:

— Червей нет, а сидеть без дела не могу... Что-то оладий захотелось. — И предложил: — Будете оладьи?

— Давайте, — согласился я. Отложил спиннинг и пошёл за стариком следом. Мне было всё равно, что делать и что есть, лишь бы только слушать. Я чувствовал себя частью того, что слышал.

Павел Митрофанович принялся разжигать костёр.

— В Москве в комендатуре Курского вокзала я предъявил документы. Через полчаса мы уже ехали на трамвае в сторону Арбата. Дальше — пешком. Нашли какой-то переулок.

— Сивцев Вражек, — сказал я, только потому, что это название мне нравилось своей поэтичностью.

— Может, и Вражек. Так давно всё было, что и не упомнишь. Я в это самое бронетанковое управление за новыми назначениями приезжал пять раз, а всё равно не помню.

Принимал какой-то полковник. Поблагодарил за зная. Зачитал приказ, что я теперь подполковник и назначен на должность командира полка в дивизию, которая формируется под Владимиром. Отправил в соседний кабинет оформлять документы...

«Я не один, товарищ полковник», — осторожно сказал я.

«Оставь. Им дело найдётся...»

«Я без них не поеду, — сказал я твердо, хоть и понимал, что кабинет в управлении — не место для рассуждений. Приказы не обсуждаются. Но всё равно попробовал объяснить: — Пока я буду на новом месте искать себе адьютанта, шофёра и механика-водителя... Это неудобно... А в бою всякая мелочь — спасение».

Полковник долго смотрел на меня, о чём-то думая. Потом снял трубку и сказал кому-то:

«Шофёра и охрану не надо... У него своя. — И у меня спросил: — Где твой?» — «Внизу». — «Как дела закончишь — идите в Рыбный переулок. Там будете квартировать. Там и накормят...»

Старик взялся размешивать муку в воде.

— Сидели в Москве целый месяц, — сказал он, наливая на горячую сковороду белую густую жижу. — Я в столовке харчевался по талонам, а они с базара... Как бары... Я на рынок ходил, еду покупал для них. На довольствие их не поставили. И знающий человек посоветовал — по улицам не

шастать без причины, пока документы не оформятся. Патрули загребут — не отбредутся...

Мы съели оладьи, запивая крепким чаем.

Вечером, сидя у костра и жуя рыбу, он вдруг сказал:

— Если бы не деньги, Амвросий и Хамзя с голоду бы померли... В Рыбном переулке в подвале, как в келье монастырской...

— Что было под Тулой? — спросил я, заваривая чай. Мне хотелось услышать про Гудериана. За месяц перед тем я прочёл воспоминания этого танкового бизона.

— Ничего хорошего. Как и везде, — ответил старик. — Война зимой — дело дрянное. Сталь, как клей. Случаем дотронешься к голому металлу рукой и отдираешь уже без кожи... А стрельба... Как говорят специалисты... изменение барометрического давления очень негативно влияет на баллистику... — И, поймав мой вопросительный взгляд, пояснил: — В холоде — сплошные недолёты. Времени на пристрелку уходит раза в три-четыре больше, чем летом, да и расход снарядов вдвое, а то и втрое. А подвоз — хуже некуда.

Павел Митрофанович налил чай. Долго размешивал сахар.

— От полка остались только ошмётки, — сказал он, отхлебнув из чашки. — Правда, наступление с юга на Москву сдержали... После Тулы снова в бронетанковое управление... Получил бригаду. Тяжёлую.

— А это что такое?

— Это когда танков «КВ» больше половины... И артиллерии противотанковой втрое больше штатного расписания...

— Так это же хорошо. Можно воевать...

— Можно, — с ухмылкой ответил старик. — Послали оформлять документы. В финансовом отделе выдали бумаги на получение довольствия. Заглянул в них и всё понял: мне конец.

— Почему?

— Довольствие, дорогой мой Юра, — главный показатель судьбы на войне... Не танки, пушки и снаряды, а еда для личного состава... Если отписано семьдесят процентов от штатного — вы резерв главного командования. Если половина — ещё не решили, куда вас определить. А треть — норма смертника... Вот мне эту норму и отписали.

Я посмотрел с удивлением на Павла Митрофановича.

— Зачем лишние харчи, если нас отправляют на

заклание? Главное — своей смертью прикрыть чью-то глупость... Как Тевье Райс¹⁴... Или Александр Матросов. Только они в одиночку. Каждый сам, а мы целой бригадой...

— Бывает ведь разная война, — попробовал я возразить.

— Вы тоже читаете только телевизор?

Я замолчал. Взял коньяк и предложил Павлу Митрофановичу. Но он отказался.

— Так и поехали, с одной третью харчей? — Я выпил сам.

— Разумеется, — сказал старик. — Разгрузились в Россоши. Получили приказ — выйти к реке Оскол в район Валук. Вышли. Отдал приказ зарыться в капониры, как учил Косаревский. Танки — группами по шесть. На высоте устроили наблюдательный пункт. День ждём наступления немцев. Три дня прошло — стоим...

Вбегают начальник связи перепуганный:

«Какое-то начальство прётся!»

В клубах июльской пыли, не разбирая дороги, к нашему штабу мчались три машины — два вездехода и «эмка». Остановились. Из «эмки» выскочил полковник, открыл заднюю дверь и остался стоять в позе благодарного швейцара...

Павел Митрофанович подлил себе чай.

— От таких визитов можно получить инфаркт, — сказал он, — или остаться зайкой до конца дней.

В пыль опустился лакированный сапог. А потом из чёрного нутра машины вылезли две большие маршальские звезды...

— Жуков? — спросил я.

— Жукову тогда до маршальства ... как нам до Луны, — рассмеялся старик, — Тимошенко¹⁵. За ним — генерал Гордов¹⁶. Из вездеходов, как из мешков, высыпалась куча, точно семечки, только в штабных мундирах.

— Почему вы так ехидно?

— Потому что командующий фронтом не имеет права лазить по переднему краю, — объяснил Павел Митрофанович. — Для этого есть батальонная и полковая разведки...

Я доложил. Но мой доклад мало интересовал командование. Заставили меня организовать разведку боем. Разведчики ушли на танках... Слава Богу, командир разведбата знал проходы в нашем минном поле... Генералы тыкались носами у стереотрубы, оценивая обстановку. Потом, о чём-то посоветовавшись, выругали меня за неправильную организацию обороны... Не по

уставу... И выдали директиву: «Сдать позиции пехоте дивизии какого-то Петруши, а самому сняться, уйти на Дон и организовать там оборону переправы...»

Начальство умелось, а я поехал искать штаб этого самого Петруши...

Нашёл. Полковник лет на десять старше меня. Плотный, круглолицый, с наполеоновским чубчиком на большом лбу. Он немного косил левым глазом. И эта кривизна напрягала незнакомца и заставляла уводить взгляд. Казалось, что полковник одним глазом смотрит на тебя, радостно улыбаясь, а вторым забирается внутрь души сбоку и ковыряется в том самом потайном месте... где притаилась гадливость...

— Особая порода, — сказал я.

— Мужик — ничего! Дивизия — бывшие десантники. Стридцать девятого года готовились на планерах Европу с воздуха накрывать. А тут в воронезский чернозём пришлось зарываться.

За столом сидит, что-то пишет.

«Извини, — говорит. — Стихотворение сложилось. Допишу...»

— Он долго мне читал стихи, — сказал Павел Митрофанович. — Мы с ним сдавали и принимали позиции до утра... Оказалось, он в Испании воевал...

— Разве разрешали вести дневник на войне? — спросил я.

— Это особая статья, товарищ писатель, — сказал старик. — Я не знаю, как в других армиях, а у большевиков дневник бойца или командира приравнивался к измене родине... Фотоаппарат разрешался лишь корпусному замполиту. А газетный корреспондент мог фотографировать только в присутствии специального человека из особого отдела...

Он встал.

— Пойду спать. А про Дон завтра.

8 мая

Павла Митрофановича не было в лагере. Он появился с лопатой в руках и ящиком.

— После дождя червяк на солнце ползет... Набрал десятка три.

— Когда будем делать баню? — спросил я.

— Когда угодно... Еда у нас есть... Я сейчас заброшу пару донок и начнём греть воду. Пока солнце. А то на вечер нагонит туч.

Он ушёл на берег. Я принялся разжигать костёр.

Завтракали неспешно — чай и бутерброды с кусочками жареной щуки.

Павел Митрофанович взял пустое ведро и пошёл к озеру. Вернулся с полным. Поставил на огонь. Сходил ещё за одним.

Отвлёк звон колокольчика у озера. Старик сорвался и побежал.

— Сожрал червя, — сокрушался он, когда вернулся.

— И как на Дону? — спросил я, помня обещание.

— Через три дня вышли к Дону... Берег высоченный, крутой, лобастобелый. К воде не подойдёшь. Берега — сплошные заросли камыша. Под молодыми стеблями старые коричневым настом в воду уложены... А за рекой зелёная бескрайность...

А над головами самолёты в эту даль уходят стая за стайей.

Встали у того места, где, по предположению командования, немец переправу будет устраивать. Берег действительно ломался, образуя провал. В него степь плоским языком сползала к воде.

Разобрались. Танки — в капониры, противотанковые орудия брустверами обнесли. На берегу у воды санроту и кухню обустроили...

Жара. А земля — камень. И не камень вовсе, а выкованный ракушняк какого-то миллионного моря. У сапёров и танкистов десять потов сошло...

В стороне, в трёх километрах, хутор...

Заехали на «виллисе». В один двор сунулись — пусто. В другой, третий... Остановились у большого дома под железной крышей. На крыльце сидел старик лет семидесяти в форменном картузе набекрень. Белые усы, только чуба казацкого нет.

Хамзя притормозил. И кричит: «Живой есть?»

«Пока живой», — ответил казак.

«А народ где?» — спросил я.

«На войне».

«А бабы, дети?»

«Ты, мил человек, чей буишь? Молодой ишо казаками командовать».

«Командир бригады. Тут бой завтра-послезавтра...»

«Мы привычные, — сказал равнодушно старик. — У нашего берега всегда война. В восемнадцатом кровушку пускали... В двадцать девятом мужики с чоновцами¹¹⁷ крепко бились... Тут место заколдованное. Как храм на крови. Хорошо через Дон перебираться».

«Вот и немец сюда рвется».

«Тогда тебе за реку скорей... А от меня чего надо?»

«Штаб разместить».

«Тогда ходём». — Казак встал. И, бодро хромая, засеменял по хуторской улице.

Хамзя остался, а мы с Амвросием пошли за стариком следом.

Миновали несколько куреней, на вид добрых. Зашли на какой-то двор. У куреня стены белёные, камыш на крыше толстым слоем уложен.

«Вот тут тебе, командир, само место, — сказал казак. — Не гляди, что баз пустой. И спать, и командовать самый раз. Жди. Хозяйка придёт».

«Так у меня ещё пять командиров, — сказал я, понимая, что курень много народа не вместит. — Куда всех?»

«Командир всегда должен быть один, — сказал старик. — Если командиров два — не армия».

Павел Митрофанович вдруг встал, ушёл в палатку и вернулся с пластмассовой коробочкой. Внимательно принялся копаться в ней, перебирая крючки, рассматривая оценивающе стальные поводки и грузила.

— Это что будет? — спросил я.

— Сам ещё не знаю. Думаю...

— Так вас немец в Дон сбросил?

— Вы когда уезжаете? — вдруг спросил старик.

— Десятого мая. Мне одиннадцатого надо быть в Москве.

— Билет есть уже?

— Есть, — зачем-то соврал я. — Поезд в пять вечера.

— Жаль, что так рано. Мои обещали двенадцатого подъехать. Ну, два дня я перекантуюсь...

Он отложил коробочку, подбросил в костёр дрова.

— Если бы открутить годы назад — то я за войну, — с весёлой улыбкой сказал старик. — Я бы стоял на том берегу до сих пор... Есть вещи, Юра, о которых не только хочется вспоминать, а жить с ними...

Павел Митрофанович опустил указательный палец в ведро.

— Что-то наша баня не торопится... Давайте выпьем по чуть-чуть...

Я разлил коньяк. Мы выпили.

— Ох, откат нормальный! — Глаза старика вспыхнули бенгальским огнём. — Помру я с ва-

ми, Юра. Вместо таблеток — коньяк... А на Дону крови было ой-ой-ой! Три дня нас месили со всех сторон... Особенно с неба. Немец целил в танки, как снайпер. И «ванюши»¹¹⁸ добавляли. Капониры не спасали...

— А хутор-то целый?

— Хутору повезло. Он от злосчастной переправы в стороне.... И нам с хутором повезло... Вот уж, правда, кто первый, тот и пан... Мы расквартировались штабом... А на следующее утро нагрянула стрелковая дивизия. Её мне в придачу дали. Или — меня к ней. Фамилию комдива вспомнил... Шпионская. Пеньковский... Полковник. Между своим куренём и моим связь протянул... Правда, я в этом курене, где штаб намерились организовать, только одну ночь и провёл...

— Почему?

Павел Митрофанович вдруг улыбнулся. Посмотрел на озеро, над которым чертили мёртвые петли ласточки.

— Так вышло... Старик нас во дворе оставил, а сам куда-то ушёл. Через минут десять появился в сопровождении двух молодых казачек лет восемнадцати-двадцати.

«Вот тебе, Ульяна, командир на постой, — сказал он одной из девчонок. — А тебе, Галька, другой... У них гурт большой... Бог дасть, с их помощью лихо нас минёт».

Та, которую назвали Галькой, сразу подхватила Амвросия и потащила на соседний баз.

А я стою посреди двора, как воришка, которого застукали на горячем. Ничего не соображаю, как будто меня ударили по голове. Гляжу на Ульяну и не вижу. Лицо круглое, и совсем даже нет, брови коромыслом, а то совсем как две ниточки... Только нос короткий, точёный, с горбинкой... И глаза чёрные...

Ульяна смотрит на меня, руками всё косынку поправляет. Каштановые большущие локоны со лба запихнуть норовит под ситец. Чувствую — сама оторопью опоена.

«Вы мыться будете зараз... чи?..» — спрашивает.

Какое мытьё? Я в тот момент думал, как организовать оборону... И говорю: «Вечером... — Язык у меня еле ворочается. — Если можно...»

«Тогда в курень приходьте... Может, не понравится...» — сказала и пошла босыми ногами по сбитому, как камень, глиняному двору.

Я заскочил на соседний баз. В курень... А там Амвросий с Галькой в объятиях...

Плюнул на них и бегом к Хамзе. А тот спит на жаре.

«Поехали! — Запрыгнул в «виллис». — В хозроту!»

У капитана взял три банки тушёнки, три брикета гречневой каши, в пергаментную бумагу завернул смальца или какого-то другого жира. Прихватил две буханки хлеба, оставшиеся после утренней кормёжки. Примчался к штабному автобусу, возле которого стояла моя персональная «тридцатьчетвёрка». Опустился в нутро и дрожющими руками в стальном пекле стал наливать... спирт во флягу...

Ехал в хутор сам. «Виллис» прыгает, а я как будто на коне без седла в ночное бегу.

В хате... В курене две комнатки. В первой — печь, стол, две лавки. Окошки затянуты голубеньким ситчиком. На подоконниках горшки с красной геранью... Прохладно.

Увидела меня хозяйка и сразу:

«Хотите, будете на лежанке...» — А сама неторопливо крутится с рогаком у раскрытого рта печи.

Я сел на лавку, выложил на стол приношения и молчу. Вожу глазами по сторонам.

Между окон два портрета: немолодой мужчина в белой косоворотке, фуражке. Лицо грубое, обиженное. Ульяна с толстой косой, падающей с плеча на грудь.

«Это кто с тобой?» — «Муж». — «Он где?» — «На войне.... А вас как звать?» — «Павел». — «А от батюшки?» — «Митрофанович... — Я улыбнулся её вопросу. — А тебя от батюшки?» — «Емельяновна...»

«Давно замужем, Ульяна Емельяновна?!» — ухарски вырвалось из меня. И откуда так вдруг, когда язык за зубы цеплялся, как пьяный мужик за плетень?

«Про войну гукнули... на самой свадьбе, — смущённо сказала женщина. И с детской грустью в голосе добавила: — На другой день никто и не пришёл».

Смущение и неулыбчивая строгость делали её величавой и неприступной. Когда оборачивалась в мою сторону, то глаза, встретившись с моим взглядом, вспыхивали жарким огнём долгожданной, давно забытой радости... И тут же угасали. На лицо возвращались строгость и даже равнодушие.

Я не отрываясь смотрел на женщину... И умолял всех заступников своих заставлять её почаще обращаться, чтобы обжигаться коротенькими вспышками чёрного огня...

В озеро упала пара крыжней¹¹⁹.

Утки, сделав большой круг, уселись на воду, толкнув перед собой легкую волну, и завертелись, держась боками друг за дружку. Кольцешей селезень беспрерывно норовил ухватить уточку за холку. Но та кокетливо выдергивала голову из плоских щипцов широкого клюва.

— Бедняжка, — сказал Павел Митрофанович. — Ей бы уже на гнезде сидеть, а она только-только нашла этого гуляку.

Мне хотелось слушать дальше, но подстёгивать старика рассказывать не позволяли мои заступники.

Я открыл коньяк и налил в рюмку.

— И мне, — попросил Павел Митрофанович, замороженно глядя на влюбленную пару, и выпил. — Откат нормальный... — Он поставил рюмку. — Так вот... Ульяна у печи, а я на лавке, как на еже... По спине мурашки ползают... Чесаться стесняюсь. Руки по португее — вверх-вниз. Пальцы хватаются за кобуру, что утопленник за соломинку... Как будто если вытащу браунинг, так сразу у меня ангельские крылья вырастут... Я забыл о войне...

Утки заметили нас. И смущённо скрылись за кустами прибрежного орешника.

— Вошёл Амвросий радостный, — сказал старик, провожая птиц взглядом. — Увидел на столе банки и заявил: «А я, товарищ комбриг, уже хотив Хамзю в харчроту посылать...»

Я встал и вытолкал в спину своего адъютанта. И, шагнув в сени следом, выпалил: «Мы — вечером».

* * *

— Степное солнце укатилось за горизонт. Он в степи далёко. А ночь уже рядом серой стеной из-за Дона... Оставил вместо себя начальника штаба и комиссара. Приказал проверять боевое охранение... Готовить утром разведку... И с Амвросием опять в хутор. «Виллис» поставили посреди двора: если кто сунется — уже занято... Нырнули в сени. А там корыто деревянное и два ведра воды. Явно нас дожидаются. Из куреня выглянула Галина и протянула полотенце. — Павел Митрофанович заглянул в парящие на огне ведра. — Кажись, можно... Давайте во все кастрюли наберём холодной воды.

Выставили на траву алюминиевое корытце. Развели воду. В ведро с кипятком Павел Митрофанович опустил дубовый веник.

Мы разделись.

— Давайте вы первый, Юра.

Старик окатил меня горячей водой и принялся намыливать. Потом долго охаживал горячими дубовыми листьями.

— Покраснел человек, — сказал он. — Это хорошо... До костей не достало, но ничего.

Мы поменялись местами.

Я хлестал по телу старика нещадно. Но он только подставлялся под дубовые розги...

— Облейте меня холодной водой, — попросил Павел Митрофанович.

Я поднял ведро и вылил на старика. Он одобрительно зарычал.

Растерлись полотенцами и уселись у костра.

— Как принимали девушки? — спросил я, наливая коньяк.

— Прекрасно. На столе наша каша, с тушёной перемешанная. И рыба жареная. Как у нас... Где девки судака выловили — неизвестно. Закуска не военная.

Галина суетится. А Ульяна, как засватанная, сидит, стол взглядом ковыряет...

На дворе темно, а зажигать лампу совсем не хочется.

После трёх рюмок запели.

Мы с Амвросием:

*Несе Галя воду. Коромисло гнеться,
За нею Иванко, як барвінок в'ється...*

А нам в ответ:

*Не для меня придёт пасха,
Не для меня родня вся соберётся.
«Христос воскрес!» — из уст прольётся...
Тот светлый день не для меня...*

Галина вдруг вскочила, подхватила Амвросия и поволокла из куреня...

Мы с Ульяной остались сидеть в ночной полутьме.

Двор уже забелел лунным августовским светом. За окном сиротливо темнеет остов «виллиса»...

Ульяна вышла из-за стола. Сбросила косынку и сказала:

«Вы на печь залазьте, Павел Митрофанович...»

Подняла занавеску, что закрывала проход в соседнюю комнату, и растворилась в темноте... Долетело шуршание какой-то ткани. Всё затихло.

Я сидел, не зная, как быть...

Потом сбросил гимнастёрку, сапоги... и нырнул под занавеску.

Павел Митрофанович взял наполненную рюмку и, улыбаясь, сказал:

— Эх, Юра, я бы сейчас ещё одну такую же войну организовал! — Выпил. — Плечи горячие. А губы... Как водоворот... Попал и не могу вырваться...

Старик взялся за бутылку с коньяком.

— Хоть и были у меня женщины... Но то была моя первая ночь, как говорят... Ночь влюблённого человека... И если вам кто-нибудь будет рассказывать, что это такое, — не верьте. Об этом рассказать нельзя...

Павел Митрофанович наполнил рюмки. Мы выпили.

— В стекло кто-то постучал требовательно... — сказал старик, ставя на пень рюмку. Ульяна вспорхнула с кровати, ушла в сени. Вернулась и шепнула на ухо: «Какой-то военный с телефоном. Тебя кличет».

Я быстро оделся.

Рассвет ещё только-только вылезал.

На пороге стоял боец с телефонным ящиком в руках. За ним через весь двор тянулся провод.

«Чего это среди ночи? — спрашиваю недовольно. — Ты кто?»

«Из телефонно-шестовой роты... Товарищ полковник приказали найти ваш штаб и с нашим соединить... Машину увидел...» — «Ты чей?» — «Пехотный». — «Знаешь, который час?» — «Нам без разницы время...» — «Зато мне не без разницы! — крикнул я на бойца. — Ставь свой ящик и катись!..»

Сколько ещё прошло времени, я не знаю. Но меня в «виллис» посадил Амвросий.

* * *

Окопались по всем правилам. Линию обороны построили по-косаревски. Наблюдательный пункт на курганчик вяпали. За ним радиомашину и мой штабной автобус поставили. Ковырялись в ракушечнике целый божий день. Я на «виллисе» мотаюсь между батальонами. А сам всё про вечер думаю. Солнце последними словами клянёт. Оно, как назло, висит на небе и висит.

Народ совсем убится. Приказал выдать, как тогда говорили, наркомовские. Канистра спирта разошлась.

Дождались наконец, когда стемнело. На машину... и в хутор.

Амвросий сразу к Гальке.

Я захожу в курень. И чувствую — нет для меня места. Стол пустой. Ульяна стоит у окна и во двор сквозь стёкла глядит.

Попробовал обнять, а она отгораживается.

«Идите, Павел Митрофанович, до себя. У меня муж. А грех на душу я брать больше не хочу... Мне с грехом ходить по миру трудно будет. И как я с грехом в глаза глядеть стану?..»

Я вышел из куреня. Жарко. Кузнечики сверлят ночь без умолку. И поплёлся к своему командирскому автобусу. Состояние у меня было... точно танк гусеницей переехал. Душу смял, в пыли извозил...

Наткнулся на своё боевое охранение. Пропустили.

«Лучше бы они меня не признали, — думал. — Один выстрел... и никаких мучений...»

* * *

За бортом штабного автобуса зашумел мотор автомобиля. Долетали отрывистые, маловразумительные звуки громкого голоса. Дверь открылась, и вошёл подполковник в синей фуражке. На вид ему было лет тридцать. Худой, с узким, выдвинутым вперед подбородком, напоминавшим кайло, застегнутый на все пуговицы. Пистолет в кобуре, как телок на лугу, тонким кожаным ремешком привязан.

«Здрасьте! — сказал он строго и изучающе посмотрел на меня. — Кто тут комбриг тяжёлой танковой?»

«Ну, я».

«Вы?» — с растерянной удивлённостью спросил подполковник.

Должно, вид у меня после минувшего вечера в хуторе был совсем никчемный.

«А вам, собственно, зачем тяжёлый комбриг?»

Гость вдруг ударил каблуками об пол автобуса и, подбросив к козырьку руку, радостно представился:

«Воплин! Подполковник Воплин... Командир сто восемьдесят третьего штрафного батальона фронта. — Он протянул маленькую пухлую руку. — Куда прикажешь...те мою сволоту определить?!»

«Присаживайтесь, товарищ подполковник, —

сказал я и вместо рукопожатия указал рукой на табуретку. И спросил недоумённо: — А это что за чудо в перьях — сто восемьдесят третий штрафной?»

Воплин уселся, забросив ногу на ногу, снял фуражку, отер ладонью стриженую голову. Расстегнул пуговицы на гимнастёрке, выказывая волосатую грудь.

«Ты еще не знаешь, подполковник? — с надменным удивлением спросил комбат, видимо почувствовав себя в чужом автобусе как у себя дома. — Не получил приказ «ни шагу назад?»»

«Нам харчи и приказы в последнюю очередь привозят», — огрызнулся почему-то я. Мои мысли были в хуторе, а этот дятловидный особист мне мешал и нагонял злобу.

«Звони в штаб фронта быстрее. Опоздаешь — ко мне в батальон попадёшь... — рассмеялся Воплин. Он был напитан самоуверенностью и непогрешимостью, как бочка, переполненная дождевой водой, что сливается с крыши во время грозы. Ему и в голову не приходило, должно, что гроза когда-нибудь кончится. — Куда прикажешь...те ставить?»

«Много у вас людей, товарищ подполковник?» — Я метнул на него злой взгляд. При этом, — чувствовал, — ноздри у меня раздулись и, как всегда, сверкнули хищно зубы.

«Полтыщи мразей».

«Почему так на людей?» — уже спокойно спросил я, стараясь загасить глупую злобу.

«А чего эти падлы заслуживают?»

Я промолчал и спросил:

«Где они?»

«На берегу. Мы только переправились...»

«Показывайте». — Командование фронта обещало подкрепление моим стрелкам.

Вышли в степь. Небо, как огромная раскаленно-выбеленная сковорода. Желток солнца докатился почти до зенита и сыпал на землю беспощадную жару. Слепни липли к лицу и рукам, как мухи к осеннему стеклу. Их непрерывно приходилось прихлопывать. Руки болели...

На берегу Дона стояли бойцы в выгоревших гимнастёрках и пилотках, с винтовками в руках.

«Смирно, падлы! — рявкнул подполковник. — В три шеренги становись! На командира бригады равняйся!»

«Можно без ругани», — попросил я, наклонив голову в сторону Воплина.

Шёл чуть сзади комбата и всматривался в лица бойцов. Мне казалось, что по выражению глаз я

сумею угадать причину, по которой эти люди оказались в жутком положении полумёртвых.

Первое, что бросилось в глаза, — форма на бойцах. Она была заношенной. У кого-то посвежее. Но у всех планка с пуговицами была вшита в выгоревше-застиранное полотно гимнастёрки от шеи к подолу широкой полосой и выделялась свежим цветом.

«Вид у твоих, — сказал я комбату, — как будто расстреливать привели».

«Правильно думаешь...те, товарищ комбриг... Дерьмо! А что с ним делают?»

Прошагали метров сто. Вдруг ужалило, будто увидел знакомое лицо. Отстал. Вернулся. Пригладился. Человек, который показался мне знакомым, стал прятать лицо.

Мы побрели назад к автобусу.

«Значит, так, — авторитетно начал Воплин. — Как пойдёт немец — я эту сволоту перед твоими танками поставлю...»

«Зачем? Всех помнут в полчаса».

«А чего их жалеть? Завтра новую тышу пришлют... А у меня на всех харчей всё равно нет».

«Вы кем до войны были?»

«Инструктором райкома экапэбэ...»

«О чем инструктировали?»

«Как по деревьям со всякими мироедами и кулачём расправляться».

«А воевать где учились?»

«Спецкурсы энкавэдэ», — гордо поведал подполковник.

Ухватками хозяина-барина Воплин очень напоминал Слизкого и того коротышку особиста, который приезжал расстреливать. Это будило во мне сторожкого зверя, вышедшего на охоту в незнакомом лесу.

«Интересные курсы... — сказал я. — Смертниками командовать...»

«На что ты... намекаете?» — грубо спросил Воплин.

«Я бы не смог, — выдавил я, тяжело дыша от непривычки быстро взбираться по крутому, почти отвесному, как казалось, берегу Дона. — Танкистами командовать как-то получается... А вот чтобы специально убивать...»

«Никто их специально не убивает. Они должны ответить за измену партии и народа».

«А мне никто не изменял, хоть я и член партии... Даже жена».

«Вы разве народ?» — спросил Воплин, хихикнув.

«А вы?» — вырвался из уставших легких тяжелый выдох.

«Я — да!»

В автобусе подполковник вынул из кармана гимнастерки свёрнутый вчетверо лист бумаги. Развернул его и протянул мне.

«Распишись... тесь, что приняли под свое командование».

«Отправляйтесь в штаб, — ответил я, не заглядывая в предписание, — и оформите все бумаги в соответствии с уставом».

«Вечером вы ко мне... — бодро сказал подполковник. — Или лучше я к вам?»

«И коль вы в моем подчинении... — сказал я, сделав вид, что не понимаю панибратских намеков, — устройте бойцам отдых и еду... Всем без исключения. Мой начальник штаба назначит вам позиции. А я проверю».

Подполковник ушёл. И я тут же перестал о нём думать.

Вызвал к себе Амвросия.

«Нам привели штрафников».

«Кто такие?» — заинтересованно спросил он.

«Которые чего-то нарушили... Найди у них бойца Гриднева, — попросил я, — и приведи».

Минут через двадцать в дверях появилась худая фигура.

«Здравствуй, Гриша!» — Я радостно протянул руку майору.

«Здравствуйте, товарищ подполковник», — ответил штрафник хмуро.

«Ты забыл, как меня зовут?»

«Нам по-другому нельзя».

«Тут я хозяин».

«Из-за меня завтра в одной роте окажемся», — ответил Гриднев, стоя в проеме автобусной двери.

«Садись. Не стой. Есть будешь?»

Боец молчал.

«В палатке ты смелее был». — Я выглянул из автобуса и снова кликнул Амвросия. Попросил принести командирский обед.

«В палатке — смерть завтра. А сейчас нужно попробовать дожить ещё неделю».

«Что за арифметика?»

«Через неделю у меня срок выходит. А свободному человеку умирать легче, чем рабу».

«Что за срок?»

«По приговору отправили на три месяца. Через неделю конец... Боюсь, оставят умирать... У нас много таких, как я. Срок вышел, а в нор-

мальную армию не отпускают. Говорят — какая разница, где издохнуть».

Гриднев смотрел в пол, ожидая моих вопросов. Амвросий принёс еду.

«Выпьешь, Гриша?» — спросил я.

«В моём положении... Дают — бери, бьют — беги... Стреляют — отвечай или прячься».

«Как в штрафниках оказался?»

«Вы как ушли, — Гриднев выпил и стал жадно есть кашу, — у кавалеристов, как говорил бедняга Вейцель, шухер¹²⁰ и гевулд. Лейтенанта, командира охранения, расстреляли... И с ним сержанта... Про меня в тот день забыли. Ночью подрылся и тоже сбежал... В лесу нашёл ещё десяток бродяг. Перешли по железнодорожному мосту через Днепр... Часовых побили... В октябре перебежали фронт возле Орла... и сразу на нары... Судили... что живой вернулся. На допросе так и сказал следователь: «Лучше бы погиб или застрелился. А теперь ты хуже предателя...» — Гриднев оглянулся на открытую дверь автобуса.

«Не бойся...»

«...ты советскую власть не любишь... — договорил Гриднев. — И десять лет за измену родины... — Он выпил. И, морщась от неразведенного спирта, сказал, словно спросил весь мир: — Как они собираются побеждать? Глупая война... Я воюю с немцем, а родина — со мной».

«А три месяца... это что?»

«Кто захотел вместо нар на фронт — шагай в штрафбат. Те, кому десять лет дали, — на три месяца. Кто пять отхватил — на два месяца. Если повезло и три года получил — на месяц... Не убьют — живи дальше. Мне иногда кажется, что лучше было родиться собакой...»

«Почему?»

«Можно гавкнуть и укусить... Так это собаке... Мне можно только умереть безгласно. На моё место новых переменников¹²¹ пригонят».

«Я тебя к себе заберу», — сказал я.

Гриднев оставил ложку. А потом сказал:

«Нет, товарищ подполковник. Лучше пусть убьют, чем перед товарищами глаза прятать... Скажу правду... Если бы где лесок сейчас был... В ночь сбежал бы на немецкую сторону... А тут степь. А я не суслик...»

«Это как?!» — Показалось, что я ослышался.

«Сбежал бы и партизанить начал... И таких у нас добрая половина... Кому хочется себя свиньей на бойне чувствовать?»

«У вас все бывшие?» — спросил я возмущённо, обиженный отказом.

«Половина — блатари».

«Тем более! Что ты о них печёшься?!»

«Они — тоже люди... А если захочешь отступить, так тебя заградотряд расстреляет».

«А это что такое?»

«Штрафные батальоны и заградотряды по двести двадцать седьмому приказу. Чтоб знали, как советскую власть не любить...»

«Ваш подполковник и вами, и заградниками командует?»

«У заградотряда свой подполковник на той стороне... — Гриднев нервно плеснул спирт в кружку и выпил. Морщась, добавил: — Как судьба видит своих?.. Народ недаром говорит... черт шельму метит».

«Ты о чём, Гриша?» — спросил я.

«Фамилия у командира заградотряда очень правильная... Подлюк...»

«Маленький, толстый?» — вырвалось у меня.

«Как будто за реку глядите, товарищ подполковник, — сказал Гриднев, облизывая ложку. — Только наш молодой и грубый, как пацан, которого девки не любят... А какой тот — не знаю».

«Всё время лбом мух гоняет, как конь в жару...» — Я нервно стал дергать кожу на лбу.

«Знаешь?.. — осторожно спросил Гриднев. — А за угощение спасибо. Двое суток не кормили. — Он нервно отодвинул миску и впился ногтями себе в шею. — Я пойду... А то вшей через меня нахватаетесь...»

«А что это у вас за форма такая странная?» — спросил я.

Гриднев провел ладонью по шитому на груди лоскуту и рассмеялся:

«С покойников снята. Бедняга дня три пролежал, вспух. С такого не снимешь ничего. Раздуло. Вот и срезают планку... А на ее место новую вшивают... и новобранцев-штрафников мундируют... Так что я уже, считай, трижды покойник...»

Я выскочил из автобуса и кликнул Амвросия.

«Отведи штрафника в санроту... Пусть вымоют и одежду прожарят...»

Вскочил в автобус.

«Сейчас, Гриша, в санбат пойдёшь...»

За стенками автобуса снова зашумели. Гриднев подскочил и прижался к стенке.

Вошёл Воплин. Он что-то жевал, не выпуская папиросу изо рта. Вынул соску, сплюнул себе за спину через плечо и снова воткнул бумажную

трубочку в губы. Увидев Гриднева, он надул в свирепости глаза и крикнул:

«Ты что тут, гнида поганая, делаешь?! Жрёшь!» — И схватился за кобуру.

Я повернулся спиной к подполковнику, пожал руку майору и громко сказал: «Иди».

Когда боец вышел, я повернулся к подполковнику и заглянул в его лицо. Мне показалось, что для этого вояки не было вокруг войны, где боец с винтовкой — единственный и главный. Было ощущение, что здесь с моим участием кровавые бандиты избавляются от свидетелей. Ухватил комбата за гимнастёрку. Вдавил в косяк и прохрипел, чуть ли не кусая за нос:

«Если с этим майором что-нибудь случится!.. Я тебя в капонири вместе с убитыми зарюю! Только живьём! В кармане носи его... — Чувствовал, что мои глаза вот-вот выскочат из орбит, а ноздри готовы были разорвать зубами синефуражечника в клочья. — А настрочишь донесение... достану на... Северном полюсе... Даже товарищ Отто Шмидт со своими челюскинцами не помогут. И синий картуз не спасёт!.. Пошёл вон отсюда!.. — И, толкнув в спину, крикнул: — И по первому требованию быть в моём штабе! Расстреляю если что! Понял?!»

Павел Митрофанович ушёл в палатку. Вернулся одетый в спортивный костюм.

— Одевайтесь, Юра, — сказал он. — Чего голому сидеть? Сейчас начнём стирать бельё. Принесите воду.

Я надел новое бельё и, последовав примеру Павла Митрофановича, спортивный костюм.

Поставили на огонь ведро. Забросили в него бельё.

— Я выскочил из автобуса, — сказал старик, нарезая кусочки мыла, — и влетел в радиомашину... Хотел приказать телефонисту разыскать комбата разведки.

Вовремя остановился. Вызвал снова Амвросия.

«Разыщи разведку. Срочно», — попросил.

Примчался на «виллисе» капитан.

«Вызывалы, товарищ комбриг?»

Я усадил разведчика на табурет, где только что сидел Гриднев, и прикрыл дверь автобуса.

«Ты сам откуда, Донцов?» — спросил я.

«Як и вы, товарищ комбриг, — ответил капитан, не понимая, как ему себя вести с командиром. — Шо дитэй находять в капусте — брехня».

«Перестань балагурить, Донцов».

«Я не Донцов, а Донцив».

«Где родился?»

«У Львова».

«У меня к тебе очень деликатное дело, Донцив...»

«Для вас, товарищ комбриг...»

«Надо сходить за языком».

«Так шо тут дэликатного? — взвился разведчик. — Хоть з́араз. Ушами, як колёсами, будеть пыль гнать перед собой, немчура поганая».

«Не хорохорься... На ту сторону Дона...»

«Немец уже там?! — с настороженным удивлением спросил капитан. — Так чего мы тут сидим? Второй раз из окружения выбираться?»

«Там стоит отряд энкавэдистов... Заградотряд...»

«А это шо такое?»

«Чтоб ты и я не отступили, а умерли тут».

«Кого притаранить?» — Лицо Донцова закаменело.

«Командира. Фамилия — Подлюк».

«Так, может... его там? Чего время тратить?»

«Я хочу ему в глаза посмотреть...»

Павел Митрофанович взял бутылку коньяка, налил мне и себе.

— Помянем и его? — спросил я.

— По-христиански — да. — Старик протянул в мою сторону рюмку. И мы чокнулись. — Можно и так. Он все равно без Бога...

От озера долетел звонок.

Павел Митрофанович по-молодецки подскокил и убежал на берег. Через минуту он поднял над собой огромного чёрного окуня. Вернулся, довольно улыбаясь.

— Ещё пару таких... и завтра праздничная уха, — сказал он.

— А бой?

— Бой как бой... — Старик уселся у стола. — Командный пункт поставили, казалось, в хорошем месте. Правда, в донской степи куда его ни поставь, всё равно как на сковородке.

Немец пошёл в девять. Сразу строим. Первую атаку отбили.

Во второй немец раздвоил строй, чтобы, как клещами, нас передавить на стыке двух батальонов. Понимаю, что мне нужно быть там, на стыке.

Запрыгнул в танк — Хамзя рванул как ужаленный. Включил рацию. Смотрю в перископ. Да чего из него увидишь?! Поднял люк. И такая хорошая панорама открылась. Немецкие танки пытаются обойти нас со стороны. Их поливают артил-

леристы пехотной дивизии... Вспомнился почему-то первый бой...

«Бронебойным! — кричу в шлемофон. — Отворот двадцать градусов! По бортам и бензобакам!»

«Товарищ командир! — кричит мне Амвросий и дёргает за комбинезон. — Да не вылазть вы! Через стекло краше глядеть!»

...Вокруг разрывается с треском и грохотом что-то. Меня накрыло крышкой люка. В первый миг показалось, будто башня танка раскололась, разлетелась на части, а моя голова оторвалась от тела и вместе с искрами, вырвавшимися из толстой брони, летит в чёрную пропасть. Тело обмякло и готово развалиться на куски.

В танке запахло гарью.

«Попали в башню, — механически соображаю я. И кричу: — Башню не заклинило?»

«Нет!» — отвечает Амвросий, хотя не он командует поворотом, а я.

Припадаю к перископу и вижу перед собой чёрную голову танка. Она медленно поворачивается, лоя мой танк в прицел. Протягиваю кулак к глазам Амвросия — знак: заряжай бронебойный. И по характерному лязгу клинового затвора понимаю — бронебойный в стволе... Этот лязг и Хамзя слышит. Выворачивает машину и на мгновение останавливает на ровном месте...

Удар! Откат... Смерд от выброшенной гильзы удушающий... Глянул в перископ. Перед глазами чёрное тело немецкого танка, из-под башни сочится лёгкая струя, а затем всю её охватывает пламя. Понемногу прихожу в себя и понимаю, что именно эта зараза выпустила в меня подкалиберный снаряд¹²². Но, к счастью, болванка только скользнула по башне...

Снова кулак, как приказ — даёшь бронебойный. Выстрел. Со звоном вываливается гильза... Струя газов заполняет весь внутренний объём.

Опять дым, звон...

Навожу перископ на свои танки. Три тяжелых горят. Пламя и чёрные клубы дыма поглотили их... Понимаю, что экипажи погибли. Сквозь приборное стекло хочу разглядеть бортовой номер. Но огонь уже сожрал его...

Вдруг перед глазами десятков новых танков...

Танк командира роты выстрелил трассирующим снарядом. Светящийся след разрезал серо-чёрный воздух и, чиркнув по немецкой броне, взмыл высоко в небо...

Снова поманил колокольчик.

Павел Митрофанович вернулся довольный.

— Еще один окунище...

— У танков тоже есть трассирующие снаряды? — спросил я.

— Специальный манёвр — приказ остальным экипажам: «указываю цель»...

А бой приутих. И как-то и вовсе прекратился. Начали выяснять, где немец. Боялись — прорвётся к Дону с флангов. Приказал заминировать фланги. На передний край ушли машины подвижного отряда заграждения. Немец увидел и давай мины кидать...

Под миномётным огнём начали минировать фронт перед собой... Ремонтникам — вытаскивать подбитые машины в тыл.

— Больше не атаковали?

— А новая атака была только на следующий день вечером. Но застряла перед минным заграждением. Открыли огонь по нам с места. Но мы в капонирах. А они как на ладони... Мы их пошерстили...

— Давайте подогреем борщ, — предложил я.

Старик согласился.

Я налил коньяк. Мы выпили. Откат снова был нормальным.

— Но на следующий день немец отыгрался, — сказал Павел Митрофанович. — В десять утра налетели «юнкерсы»¹²³. С рёвом проносились над головой, так, что казалось, заденут колёсами башню танка. И сыпали бомбы...

— А зенитки?

— Их разметало при первом же налёте.

Старик налил коньяк. Мы выпили.

— Месили два дня. С перерывами на обед и на вечерний ланч, как теперь модно говорить. Всё вокруг в пыли, в дыму. Сплошное пекло от разрывов снарядов, бомб и равнодушного солнца. Пули свистят... Санбат не справлялся... Хоронить не успевали... Через неделю от восьмидесяти танков и бригады осталось человек пятьдесят и семь машин.

— А маневрировать? — спросил я. — Зачем сидеть в капонирах?

— В те дни невыполнение приказа — верная смерть. Поставят к стенке без разговоров... Двести двадцать семь начал действовать... А приказали из капониров не вылезать.

— А как штрафники? Как ваш Гриднев? — спросил я.

— Не знаю... Мне было не до них тогда...

Павел Митрофанович снял с огня кастрюлю с борщом.

— За Доном стал кружиться двукрылый «кукурузник». — Старик налил в тарелку мне и себе. — Два раза крутанулся и скрылся за вербами. Через полчаса на реке появилась лодка. Она уткнулась в камышовый припой берега. С лодки на него выпрыгнул военный и провалился по пояс. Он долго выбирался на глину берега по-лягушачьи.

От немцев полетели через реку мины. Над вербами поднялся чёрный дым.

Человек с противоположного берега задержался у санбата и пошёл в гору к нашему штабу.

«Кто тут тяжёлая бригада?» — спросил капитан. С его штанов в сапоги стекала вода.

«Вы кто?»

«Приказ из штаба фронта», — он вынул из-за пазухи серый конверт и протянул мне.

«Так это твой самолёт горит?» — спросил начальник штаба офицера связи.

Капитан оглянулся на реку и громко выругался. «Хорошо, что самолёт миной накрыло», — со знанием дела заметил Амвросий.

«Чего тут хорошего?» — недовольно огрызнулся капитан. Он был сейчас похож на курицу, у которой выщипали на ногах перья.

«Так могли сбить, пока летел, — объяснил Амвросий. — А так — живой».

Я прочёл приказ и спросил у капитана:

«Будете с нами переправляться или сейчас назад?»

«Сейчас...»

«Валяйте».

Когда капитан уплыл, я отдал приказ готовиться к отходу.

Из пустых бочек соорудили плоты. Натянули телефонные провода между берегами и, как на паромах, ночью перевезли раненых, радиомашину, «виллисы», имущество штабов и батальонов.

С утра немец постреливал лениво. А к обеду всё утихло.

«Что будем делать, товарищ командир? — спросил Амвросий. — Наш паром танки не выдержит...»

Павел Митрофанович подлил себе борща.

— В приказе было сказано: отойти. Я должен был сам принимать решение, что делать с танками. Взорвать? Сжечь? Не оставлять же их немцу.

«Будем топить! — приказал я. — Выбросить клинья затворов и снять пулемёты!»

Вечерело. Солнце красным хвостом цеплялось за воду...

Огромная чёрная громадина, не доехав метра три до уреза воды, остановилась. Из люка механика-водителя торчала голова в шлеме. Взревел мотор. Машина, дрогнув, медленно тронулась. Механик выбрался на башню через люк и остался стоять. Под тяжестью стали берег просел. Танк, оставляя широкий след, пополз в реку. Забравшись в воду на метр, он вдруг остановился, будто почувствовал, что идёт на смерть. И как ни в чём не повинное существо, инстинктивно чувствующее близкий конец, в последний раз попытался защитить самого себя, отодвинуть гибель...

Но внутри что-то зарычало, в воздух вырвался клочок чёрного дыма, и, будто доведённый до отчаяния загнанный зверь, не наученный природой жить в неволе, танк рванулся и с яростью ринулся в воду.

Механик-водитель спрыгнул с борта, намочив сапоги.

Расталкивая воду стальной грудью, машина двигалась по дну. Сначала исчезли гусеницы, затем скрылся борт. Башня долго ещё плыла над водой. И вдруг точно у неё подломились ноги, она нырнула в глубину...

Вторая машина буквально влетела в воду, словно решила выкупаться...

Когда пришла очередь командирского танка, Хамзя вылез из своего люка, взобрался на борт, ладонью протёр на башне квадратик поверхности от пыли и поцеловал железный колпак, словно покойника в лоб. Потом влез в машину и повёл к воде... «Тридцатьчетверка» рванулась с места и на полном ходу упала в обрыв. Над ней сошлись пенные круги...

Хамзя снял шлем, наблюдая, как течение уносит следы беды...

«Татары тоже целуют в лоб?» — спросил Амвросий.

«Жалка. Много хороший железо пропал...»

А мы в ночь на плотках стали переправляться.

Луна висела над Доном, высвечивая множество чёрных точек на серебре ночной воды. Переправлялась пехота.

«Товарищ подполковник, — немного подавленно сказал военврач, стоявший рядом со мной, — жалко вот так умереть...

«С чего ты взял, что сейчас надо умирать?»

«Я... плавать не умею».

Я посмотрел на Хамзю. Тот спокойно спал, свернувшись котёнком у кромки плота...

Павла Митрофановича позвал к озеру колокольчик.

Он вернулся и недовольно сообщил:

— Сорвался... — И ушёл в палатку.

Снова долетел призывный звонок от озера.

Я убежал на берег и поднял большого окуня.

* * *

Вечер оказался прохладным. Я надел свитер. Разжёл костёр.

Павел Митрофанович вышел из палатки, присел к столу.

— Что вам предложить? — спросил я.

— Что поймали?

— Трёх окуней.

— Ну вот. Завтра будет знатный праздник... Давайте попьём чего-нибудь.

Закипятили чайник. Я приготовил кофе.

— Я гляжу, Юра, что вы меня подкупаете...

— Конечно. Я хочу, чтобы вы мне побольше рассказали, пока я здесь.

— А я не сопьюсь?

— Намёк понял, — ответил я. И достал коньяк. — Что было после Дона?

— Попал к Ерёмченко¹²⁴. От него — в Москву. Полковником стал. Дали бригаду. Ездил за ней на Урал. Оттуда — прямо в Саратов... Из Саратова, где штаб корпуса был, в Сталинград.

Павел Митрофанович взял чашку.

— Потянулись куда-то по железнодорожной ветке, которую проложили наспех в степи. Того и гляди платформы сыграют набок. Разгрузились в Ахтубинске, кажется. Сейчас уже не вспомню. Там этих Ахтуб, что ручьёв по весне. Со всех сторон куда-то текут.

Быстро своим ходом вышли к Волге.

Сталинград в дыму. Отовсюду стреляют, бомбят. Канонада, как туча висит...

Стоим. Бомбардировщики немецкие воют — подходят на бомбометание над переправами. На них шквал зенитного огня. Истребители гоняются. Только видишь — кто-то горит. Сразу и не поймёшь, кого сбили.

Приказали — танки в капониры. Зачем?.. Зары-

ли. Сверху ветками забросали. Хуже с тылами. Машина связи и ремонтники на виду. Начало ноября. Днём как будто тепло, а ночью — до костей.

Примчался офицер связи от Ерёменко. Приказ: переправиться на правый берег и с ходу выйти на южный фланг в калмыцкую степь. Привёз карту. Правда, как переправляться, не сказал. Поведал, что тут где-то есть два буксира и баржи. Найти самому.

Пока искал, познакомился с соседом слева. Ба! Снова повезло. Петруша. Дивизию переформировали. Уже — генерал!

— Тот самый? Поэт? — спросил я. — Или однофамилец?

— Тот самый. Десантник. Он тоже как лошадь в мыле. Один полк уже переправился через Волгу и зацепился за кусок берега у тракторного завода. Его люди тоже искали буксир. Днём немец бомбит всё, что по реке движется. Переправляться можно только ночью. А на темной переправе можно потерять половину личного состава...

Спустился в блиндаж к генералу. Брёвна над головой крепкие. Две лампы горят. Телефоны. Командный пункт — что надо.

Вид у генерала совсем убитый. Он меня увидел и давай обнимать, словно мы родные братья с ним. Налил спиртика полстакана. Я пригубил. Генерал хлестанул и упал на нары. Дышит тяжело. Чувствую — с ним беда.

«Что такое?» — спрашиваю.

«Жуков у меня вчера был, сука! — хрипит, аж задыхается. — Почему не переправляетесь?!»

«Уже один полк зацепился, товарищ генерал».

«Сколько погигло?!» — кричит.

«Двести человек при переправе».

«Мало!»

Выскочил из землянки и двух офицеров, которые попались под руку, приказал расстрелять...

Петруша лежит на нарах, дышит, как собака после долгого бега. А я чувствую — он тело без души.

Не стал его вопросами донимать. Понял, что генерал мне ничем помочь не может и я ему тоже.

Иду к себе в бригаду и думаю:

«Не приведи Господь, чтобы ко мне хозяйский холуй заявился...»

— А почему вы Жукова называете хозяйским холуём? — спросил я.

— Его все за глаза так называли... — сказал Павел Митрофанович. — Если прилетал Жуков, будет

крови немерено... Но на войне эмоции — дело последнее. Надо что-то делать. Душа чувствовала неладное и приказывала искать буксиры... Если с генералом не посчитались — двух командиров поставили к стенке, то с полковником холуи считаться тем более не станут. Меня возьмут за шиворот и пулю в затылок... Нужно искать баржи.

Поделился своими опасениями с начальником штаба. Тот стал размахивать руками, прыгать вокруг стола, уверяя, что готов хоть сейчас переправляться... Но я-то знал, что кроме хриплоголосои болтовни от него никакого толку. Будет посылать офицеров связи в штаб корпуса, требовать, чтобы предоставили средства для переправы, звонить даже в штаб фронта...

Этот — не Ку-Ка, который видел всё наперед.

— А где вы его взяли? — засмеялся я.

— Их не выбирают. Их тебе назначают. Приезжаешь бригаду получать, а они уже на местах, как квочки на яйцах... Как блохи на собаке, только и ждт...

После Косаревского я стал сторониться назначенных политруков и начальников штаба... Блиндаж сапёры для меня рыли отдельный. Только Амвросий был всегда рядом и Хамзя. Персональный танк, автобус и их двое. С ними я был спокоен, как счастливый ребёнок.

Вечером сел у буржуйки... Амвросий дрова подбрасывает...

— А дрова откуда в степи?

— Ящики из-под снарядов. Воруем у соседей артиллеристов. У них этого добра много. Меняем на спирт... Сидим... Я поделился с Амвросием своими мыслями. Про убитых командиров рассказал... Что на всей Волге только два буксира на две армии, а приказ переправляться никто не отменял. Хамзя слушает и, сокрушаясь, качает головой.

Входит боец из роты охраны и докладывает:

«Товарищ полковник, к вам капитан из штаба. Говорит — контрразведка фронта».

«Вот и первая овчарка по мою душу...» — решил я. И спрашиваю: — «Один или трое?»

«Один».

«Пропусти».

Входит человек в шинели. В полумраке зенитной гильзы¹²⁵ не разгляжу петлиц.

«Здравия желаю, товарищ полковник!» — приветствует и берёт под козырёк.

Амвросий как ужаленный вскочил и на шее у капитана повис.

«Борысёнок! Живой! — кричит. — Ты яким ветром, Борысёнок?»

Ну, мы сразу стол организовали.

Сидим. Две банки тушёнки открыли. Спирт развели.

Выпили. Даже Хамзя глоток сделал.

Пошумели.

«Ты давно из дома?» — спросил Амвросий.

«Как вы ушли... и я подался, — ответил Борис. — И месяц назад был. Мать просила, чтоб ты на немца не сильно кидался».

«Как месяц?...» — с удивлением спросил Амвросий.

Но Борис не ответил. Жевал и ерзал на топчане — точно сидеть было неудобно. Несколько раз смотрел нервно на часы. Сверялся со временем.

Я заметил — ловит момент. Сказать что-то брату один на один хочет. Но Амвросий не выходил из землянки.

И я в лоб говорю:

«Капитан, если пришёл с делом — говори. Всё равно Амвросий мне расскажет. У нас уговор такой».

Борис посмотрел с вопросом на брата.

«С чем прибёг?» — спросил Амвросий.

«Немец пришёл и колхозы оставил. И убивает. Своего по уши нахлебались. Чужой такой же не нужен. Мать приказала, — капитан оглянулся на выход из блиндажа, — чтобы немца гнать назад...»

Он выпил, зажевал. Надел фуражку и вышел...

Павел Митрофанович попросил ещё кофе.

— Амвросия после того как подменили. Утром он куда-то сбежал. В середине дня привёл в штаб старика во флотской фуражке и чёрном бушлате. Худое обветренное лицо изрыто оврагами морщин, поросшими седой щетиной. На дворе минус пять, а бушлат нараспашку.

«Командир буксира, — представился флотский. — Какие танки?»

«Сто две «тридцатьчетвёрки». Десять «кавэ» и десяток «бэтэшек». Ну и тыл», — объяснил я.

«Многовато, — озадаченно ответил шкипер. — Но если б не твой старшина, загорал бы ты тут ещё месяц... Когда?»

«Завтра с самого утра... А ты, отец, откуда будешь?»

«С Тумакской переправы... На берегу две вербы вывороченные лежат. Туда и подгоняй. Буду на

две баржи сразу грузить... — объяснил шкипер. — Ну, будь здоров, командир-капитан. — Пожал мне руку. — На морозец налей спиртику...»

Слушая Павла Митрофановича, я налил коньяк. Но старик пить отказался.

— Готовиться начали сразу, — сказал он. — Я заставил крутиться всех в штабе. Командиры батальонов получили мой личный приказ...

Утром выкатились на берег. Замерзшую глину перемесили в фарш.

От калмыков — леденящий ветер. Над головой серые тучи прут нахрапом — подними ствол... и башню с мясом вырвет. Пальцы костенели в перчатках. Рана моя меня доконала... Левую ногу хоть отрезай или костёр вокруг раскладывай. Лыдины медленно ползут по течению. Над одной пяток ворон. Чьё-то тело клюют. На другой — человеческие ошметки и деревянный ящик...

Стали грузиться. Буксир колёсный. Чёрный дым из трубы низко стелется, от глаз лыдины прикрывает... Баржи — две большие камбалы, чуть державшиеся на воде.

Первым пошёл «Металлург Урала».

Когда стали заводить его, показалось, что посудина захлебнётся и, выпустив прощальный вздох, уйдёт на дно. Но ржавая и обшарпанная железка даже не дала осадки.

Погрузили «Феликса Дзержинского», «Уральца», «Гастелло»...

— Это откуда? — спросил я удивлённо.

— Мода патриотическая. Все танки с завода уходили с именами на борту, — объяснил Павел Митрофанович.

— В Москве теперь электричка с Савёловского вокзала под названием «Гастелло» бегаёт.

— Мельчает патриотизм... — ухмыльнулся старик. — Электричку спишут, и о Гастелло можно уже и не вспоминать...

«Моли Бога, командир-капитан, чтоб ветер тучи не разогнал! — крикнул мне на берег шкипер. — Налетят «юнкеры»¹²⁶ — не дойдём... Отдать кормовой!»

Я стоял на берегу, слушая, как от меня отдаляются шлепки колёс, и волновался, не веря, что конвой переберётся на правый берег.

После третьей погрузки ушёл в штабную землянку...

Павел Митрофанович поднял полную рюмку и взглянул на чёрный тент сквозь неё.

— Лучше бы я туда не ходил...

Вдруг толпа начальников...

Хамзя влетел, хватая воздух, как окунь, выброшенный на берег. Ничего вразумительного не может из себя выдать. Руками размахивает, как крыльями недорезанный петух, только не бегаёт, а стоит, точно в землю врытый.

Входит подполковник. Поскрёб взглядом по бревенчатым стенам блиндажа, ощупал глазами стол и выскочил. Вместо него в двери появился плотный генерал с пятью звездами в петлицах мундира. В сером энкавэдистском реглане.

Я под козырек. Попробовал доложить...

«Почему медленно переправляетесь?» — закричал генерал, не слушая доклад.

«Заканчиваем, товарищ генерал. Уже шесть барж переправили. Сейчас за четвёртой ходкой буксир придёт. Начальник штаба на правом берегу...»

А генерал не слышит. Прёт на меня. Росту мы одного, только он крепкий, коротконогий... Лицо — серый бульжник. Вместо глаз две дырки белёсые...

Я отшатнулся на шаг, хотел ещё сделать один... но упёрся во что-то. И смертная догадка ужалила меня. Чувствую, как из свиного пятачка автоматного ствола в меня горячая пуля пролазит. Рвёт комбинезон и кожу...

«Господи! — подумал. — Сейчас генерал увидит автомат... и мне конец. И молю: «Опусти, Амвросий, эту проклятую стрелялку...»

Крутанулся генерал на каблуках и обшлагом реглана сбросил со стола мою полевую сумку. Я наклонился, чтобы поднять. И тут меня словно паралич разбил... Стою согнувшись, а распрямиться нет сил... Чувствую... Не вижу, а чувствую, что прямо в грудь генералу смотрит дырка «веша-пеша»¹²⁷. Кинул я косой взгляд на Амвросия... и понимаю, что седею... Палец моего старшины обхватил спусковую скобу, как девку на танцах. И оторвать его можно только с рукой.

Выпрямился я. Стараюсь смотреть на генерала, чтобы и мои глаза были бешеными.

«Научить вас!» — крикнул генерал.

И тут меня прорвало...

«Расстреливать своих командиров не дам!» — прорывал я, понимая: если Жукову позволено стрелять кого ни попадая, то этот прыщ в энкавэдэшном реглане не будет церемониться.

Сделал шаг в сторону.

Лицо генерала смялось. Вдруг — из бульжника кисель. Того и жди, потечёт серая водичка по щекам. Он захолопал растерянно глазами, стал искать кого-то из свиты...

Я глянул на Амвросия. Стоит истуканом. Локтем автомат к боку прижимает. Левая рука обхватила колесо диска, как буханочку чёрствого хлеба... Палец!.. Палец на спусковом крючке только подрагивает...

Павел Митрофанович опрокинул коньяк в рот.

— Струхнул генерал...

— А дальше? — спросил я, почему-то радуясь в душе рассказу старика и улыбаясь.

— Спас меня шестиствольный немецкий миномёт... Его бой узнаешь сразу... Над головой рвануло. С потолка посыпался песок. Через секунду ухнуло с грохотом рядом. Весь начальствующий народ как в штаны наложил. Головы, что чистые стервятники, в живот втянули, к стенкам липнут. Полковник из свиты смотрит на меня и тычет в потолок пальцем: «Выдержит?» Я ему обнадеживающе киваю. Я-то своих саперов знаю. Они брёвна для блиндажа командира бригады возят с собой на отдельном «студере». А брёвна — во, — Павел Митрофанович развёл руки и кивнул в сторону ближней сосны. — Как в той песне поется: «В три наката...»

— И чего?

— Ничего... Миномёт стал класть мины куда-то в сторону. Генерал со свитой убежал... Потом мне сказали, кто это был...

— Кто-то из штаба фронта? — спросил я. — Или особист какой особенный?

— Я тоже так думал.

— И кто же?

— Сам холуй хозяйский... — рассмеялся Павел Митрофанович.

— Жуков?

— Собственной персоной... — растягивая слова, сказал старик. — А не дурак... Смекнул мигом.

— О чём?

— Что не только он — верный пёс. И не только у него свита вооружённая.

— Вы думаете... — растерянно спросил я, — Амвросий выстрелил бы?

— Ха-ха-ха, — рассмеялся старик. — Уверен? — И, сделав паузу, твердо добавил: — Не задумываясь.

Павел Митрофанович поднял фитиль в лампе. Свет выхватил из темноты часть поляны.

— Я неделю ждал, что за мной особысты придут. Амвросию приказал... Если что — пристрелить...

— Себя?

— До маршала старшине не добраться... Позже понял: маршал мне своего позора не простил... Я ведь освобождал Ростов-на-Дону первый раз... Мои ребята взяли его с ходу... Так он самолично направил в наградной отдел наркомата запрещение присвоить мне Звезду Героя. Правда, Ростов потом опять сдали немцу...

Но меня уже там не было...

— Жаль, — сказал я. — А то я бы хвастался, что пил коньяк с Героем Советского Союза.

— Это тогда было жаль. А сейчас даже хорошо, что я не Герой.

— Почему?

— По всяким пионерским собраниям не тягают. Маршал Жуков спас меня от должности свадебного генерала.

— А льготы?

— Да пусть они подавятся своими льготами, — сказал Павел Митрофанович с искренним равнодушием. — На передовой сколько дней был? Значит, воевал. А если на переформировании — про войну забудь. Ты на курорте!.. Лучше бы они на эти льготы детям и вдовам невинно загубленных солдат конфет да одежонку купили... Кому крышу, кому забор изладили... Из новгородских болот кости Второй Ударной армии достали, которую на смерть послали специально... Да похоронили по-христиански или по-мусульмански...

— И вы больше не встречались с маршалом?

— Бог миловал... А вот его великие приказы выполнял... И в Сталинграде, и на Курской дуге...

Переправились через Волгу уже к вечеру. Утром следующего дня были на южном фланге фронта. Оттуда с боем на Мышкову. На внешнее кольцо окружения армии Паулюса... Против Готта...

Лёжа в палатке, я спросил:

— Как вы боролись со страхом? Ведь без него не бывает?

— Не знаю, как у других, а меня страх донимал после... Лежишь в ночи... Вот как сейчас... И думаешь, как это мимо меня пролетело... Кажется, что видел глаза летчика, который на голову бомбу сбросил... И вот тогда трясти всего

начинало, точно температура у тебя за сорок... Был у меня друг ещё с орловской школы. Танасьшин Петя... Командовал бригадой, а потом корпусом... Бомба его не миновала... Весь штаб накрыла...

9 мая

Солнце, умытое, обрамлённое птичьим хором с соловьиным сольным перебором, висело над лесом в чистом белёсом небе.

Павел Митрофанович брился у стола.

— Поздравляю! — выкрикнул я, выйдя из палатки.

— Спасибо... Идите умывайтесь... Будем завтракать...

— Давайте я сегодня похозяйничаю по случаю праздника.

— За два дня всё равно вы не успеете себя переделать, — сказал старик, выскабывая намыленные щёки.

Я ушёл умываться.

— Надо было вчера, после бани... — сказал Павел Митрофанович, подойдя ко мне. — Это я от вас заразился...

— Чем?

— Ленью, батенька.

Он шагнул в озеро и облил водой лицо.

Я принялся хлопотать над завтраком.

Нарезал хлеб, обмакнул в яичной болтушке и бросил на сковородку... Вспомнил, что на дне моего рюкзака завалилась банка немецкой ветчины. Пошёл за ней в палатку...

Полог открылся, и на поляну шагнул военный в кремовой форменной рубашке с погонами генерала. На левой груди выше кармана был прикреплен прямоугольник высотой с ладонь с калейдоскопическим узором орденских планок. На левой груди — три отметины ранений: две красных и одна золотистая планки.

— Поздравляю... вас... товарищ генерал-лейтенант, — вырвалось у меня из раскрытого от удивления рта, — с Днём Победы!..

— Служу... — Павел Митрофанович задумался, — Отечеству.

Я налил коньяк.

— Помянем всех. — Старик медленно поднял рюмку и, глядя сквозь неё в небо, добавил: — Всех... И умных, и глупых... Виноватых и невинных...

Он выпил. Поставил рюмку. Наполнил её снова.

– А теперь можно и за Победу.

Мы чокнулись и выпили.

Старик сходил в палатку и вернулся с металлической банкой.

– Ветчина, – сообщил он и воткнул в железный нож.

Нарезал кусочки мяса и выложил на тарелку.

– Давайте помянем нашего генералиссимуса... – Павел Митрофанович налил коньяк.

– Мне казалось, что вы не очень расположены к нему, – сказал я.

– Совершенно наоборот! – возразил генерал. – Сегодня как раз его хоронили. Девятого мая...

– А ведь признайтесь, Павел Митрофанович... – я радостно подхватил мысль старика. – Как бы мы ни ругали все нелепости войны, а пьем все равно за главнокомандующего. Ведь с ним связаны все победы!..

И вдруг меня обдало жаром.

«Перепутал старик?» – подумал я. И спросил:

– А разве не восьмого марта хоронили?

Я снова получил болезненный удар генеральского взгляда. У старика действительно ноздри раздулись, верхняя губа вздернулась и обнажила крепкие передние зубы. И было ощущение, что меня готовы разорвать.

– Девятого мая, дорогой московский журналист, хоронили первейшего российского генералиссимуса... Александра Васильевича ... Суворова...

Он выпил.

В глубине леса заголосили сойки.

– Кто-то идёт, – сказал Павел Митрофанович.

– Конкуренты, наверное...

– Вряд ли. Здесь только я бываю. Местные на Днепре ошиваются...

На поляну вышли двое. Старик лет шестидесяти в сером пиджаке и фуражке-восьмиклинке. На плече у него, как винтовка, висела пачка метровых тесин. С ним – молодой парень с рюкзаком за спиной, опирающийся на костыли. Левая штанина спортивного костюма была подшита чуть ниже колена.

– Чтой-то вы, товарищ генерал, раненько в этом-то годе, – старик говорил с оканьем.

– Не знал, что ты, Савелий Александрович, за могилой ходишь, – ответил Павел Митрофанович.

– А кому ишо?

– Мало ли... Кто с тобой?

– Внук...

– Подходите к столу...

– Вы уж без нас маленько гуляйте... Мы по делу-то...

Савелий сбросил на землю тесинки, помог внуку снять рюкзак.

На траву выложили топор, молоток, две лопатки.

– Ты, Алеша, отдохни, – сказал дед внуку и взялся выкорчёвывать прогнившие доски пирамидки.

Внук опустился на колени, отбросил костыли и взялся рубить лопатой траву вокруг могильного холмика.

– Вы знаете этих людей? – спросил я генерала тихо.

– Его здесь знают все. Живёт в деревне, куда я хожу в магазин... Местный активист... Когда-то председательствовал в местном колхозе, пока не сделали совхозом, командовал в сельсовете... Начальником почты был...

– Местная номенклатура...

– Удивительно, что он не на реке сейчас, – сказал Павел Митрофанович. – Когда нерест – он при рыбинспекции... На дороге рейд местного ГАИ – он с жезлом за кустом. Командирская закуска. Всегда на лихом коне... В прошлом году моего сына с товарищем задержал. Как раз в это время. Они хлам всякий для нашего с женой отпуска привезли... Обрато ехали – придрался... Почему на государственной «буханке»¹²⁸ в личных целях разъезжают? Хорошо, что приятель был при документах... Он главный конструктор «почтового ящика»¹²⁹... в Киеве. Сам за рулём сидел... Иначе до суда дотащил бы...

– Сейчас рыбу увидит, – предположил я, – и нас с вами в суд...

– Поглядим, – засмеялся Павел Митрофанович. – Не без этого.

* * *

Гости возились у могилы. Потянуло сигаретным дымом.

Пока старик обихаживал землю, внук, стоя на коленях, сколачивал новую пирамиду. Закончив, он установил её на место старой. Достал из рюкзака банку красно-жёлтой краски и взялся красить. Яркий цвет сурика спорил с солнечными лучами.

Когда закончили, гости ушли к озеру мыть руки.

— Присаживайтесь, Савелий Александрович, — позвал Павел Митрофанович гостей. — По случаю праздника.

— Теперь можно, — сказал старик. Подставил внуку чурбак и уселся на свободный сам. Достал из своего рюкзака бутылку, закрытую пластиковой пробкой. Выложил на стол газетный свёрток.

— Кто здесь похоронен? — спросил я.

— Хороший человек, — ответил Савелий. Достал из кармана пиджака мятую пачку «Памира»¹³⁰ и закурил.

— Ты же говорил, что двое, — сказал внук.

— В могиле двое. — Савелий открыл принесённую бутылку и налил в четыре рюмки. — Своя. Крепкая. Помянем хорошего человека... — Он выпил. Налил снова и опрокинул в рот. — Вы такими неприличными рюмками пьёте... За такой праздничек должно стаканáми...

— Если ты сюда каждый год ходишь, — сказал Павел Митрофанович, — человек тебе дорог?

— Один хороший человек, — ответил старик и снова налил себе рюмку. Выпил. — Батальонный комиссар... А другой совсем даже нет... Ну! С праздничком всех!

— А второй? — спросил я.

— Вражина недобита!

— Здесь был бой?

— Боя не было. Они сами себя перестреляли...

— Ты, Савелий, на каком фронте воевал? — спросил Павел Митрофанович.

— На каком начинал — не знаю. А вот закончил в Ростове...

— Ростов-Дон брал? — с интересом спросил генерал.

— Нет. Я на Турецком фронте войну закончил. В сорок пятом.

Мы переглянулись с Павлом Митрофановичем удивлённо.

Савелий снова налил себе. И предложил водку внуку. Но тот отказался.

— Вот те молодёжь нынешняя-то. Не пьёт вина... Не то что мы...

— А что это за Турецкий фронт такой? — спросил я.

— Это я для себя так называю, — гордо сказал Савелий. — А начинал, как все. Нам объявили в тот же день, как из Архангельска прислали уполномоченного... Он по газете прочитал, что война... Потом на Двину мужиков повёл... От моря на буксире три баржи тянули. С берегов подбирали. А в Перми одели, ружья выдали и

повезли... В большущем городе неделю стояли. Река возле него широченна. По мосту, как сейчас помню, чуть ли не полдня ехали. Больша́ река. Больша́... Двина так себе. А Днепр совсем мелок... Всё хотел как-нить съездить, поглядеть ишо разок... Дела всё не пускают. — Савелий налил себе самогона. — Высадили через месяц в Овруче... Это на том берегу за Днпром... — Он поднял рюмку. — Ну, с праздничком!

— Кто командовал? — спросил Павел Митрофанович.

— Я тогда не знал. А сейчас и не вспомню-то. Больно давно было. Говорили... генерал какой-то... Да и нам како дело, кто командует?..

Приехали. Стоим на станции. А тут с неба самолёты... Сыпуть и сыпуть... Все в стороны... Кто куда. Больше половины осталось под вагонами... догорать. А после бомбёжки немец на танках попёр. Ну, мы и побежали... До Днепра дошли. А народу на берегу — не сосчитаешь. Артиллеристы — те себя знают. Танкисты — себя... Две ночи пробегали. Переправиться никак не выходит. Не на чем. К мужикам в деревню ходили... Не хотят. Мы бы лодки конфисковали... Так нет ни у кого. Они, сволочи, их куда-то попрытали. Я уж после войны с одним разбирался. Хорошо его запомнил, который перевозил... Он бакенщиком работал... Припомнил я ему, как он за деньги красноармейцев перевозил. Не признавался на суде. А я-то знаю...

— И что с ним сделали? — спросил я.

— В тюрьму посадили, как положено. Десять лет за пособничество фашистам.

— И много денег? — спросил Павел Митрофанович.

— Товарищ батальонный комиссар говорил, что какой-то генерал на «виллисе» отступал. У них денег много было. Думаю, кассу сберегательную ограбили как, пока бежали... чтобы, если попадут в плен, откупиться.

Савелий отрезал кусок сала и принялся есть, зажёвывая луком.

— Адьютант в деревне мужикам посулил, — сказал он. И зло добавил: — А за деньги нашли лодки, сволочи...

— Сам того генерала видел? — спросил Павел Митрофанович.

— Видал, — сказал Савелий. — В темноте. Он на первой лодке переправился. Говорили, к немцу потом перебежал под Москвой...

— А на озеро как попал? — спросил генерал.

— Меня товарищ батальонный комиссар в лодку посадил, — ответил Савелий. — Раз десять лодки подходили с солдатами. Народу собралось много. Может, даже полк... На берегу ждали рассвета. Нашёлся один майор. С ним товарищ батальонный комиссар. Приказали по старшинству разобраться... И повели всех...

— А генерал куда девался? — спросил Павел Митрофанович.

— Он, как переправился, — сразу в лес. Зачем мы ему? С деньгами воевать хорошо. — Савелий налил себе самогона и выпил. Эта рюмка оживила его. Достал снова пачку сигарет и закурил. — День шли. Ночью у какой-то деревни ночевали. Солдат... кто в деревню пошёл ночевать, немец пострелял.

— А ты почему не пошёл? — спросил Павел Митрофанович.

— Хотел. Да товарищ батальонный комиссар отговорил, — с нескрываемой хитрецей в голосе ответил Савелий. — А наутро вышли из леса. Подсолнухи. Поле — не видно конца. Стали переходить. А тут немец откуда и взялся? Как ждал нас. Палит и из пулемётов косит. Тот майор, который командовал, и ещё десяток с ним успели в поле спрятаться. А мы в лес обратно ушли... Несколько раз пробовали перебежать... Погибло много.

Савелий затягивался жадно, заволакивая всё пространство под тентом ядовитым дымом.

— Помянем товарища комиссара, — сказал он. Налил самогон. — Земля ему пухом...

Павел Митрофанович налил себе и мне коньяка. Все выпили.

— С нами майор ишо один был. Тот, который в могиле здесь, — сказал Савелий. — Очень сокрушался, что в окружение попали. Приказал идти назад к реке...

— И сколько же было вас? — спросил я.

— Сразу было много. А каждую ночь народ куда-то сбегал... Пошли. Под дождь попали. Вымокли...

— У озера сколько было? — спросил я.

— Пятеро.

— До реки дошли? — спросил Павел Митрофанович.

— Нет. Только до озера этого. Вот тут развели костёр, — Савелий указал на берег озера. — Сухиться стали... Как сейчас помню... У майора форма нова. Сапоги яловы... А у нас выгоревша. И обмотки... Мы — што нишша гольтыба...

— И чего здесь случилось? — спросил я.

— Майор всё время ругался с товарищем батальонным комиссаром. Ой как крепко ругался...

— О чём спорили? — спросил Павел Митрофанович.

— Майор в Киев спускаться предлагал... Говорил, что он там всё знает и устроит. Что переберёмся через фронт...

— И почему не пошли? — спросил я.

— Товарищ комиссар говорил, что в Красной армии много войск... И она через неделю уже вернётся...

— Вернулась? — спросил внук.

Савелий не ответил. Взял ломтик шуки и принялся жевать.

— И что дальше? — спросил Павел Митрофанович.

— Товарищ комиссар потребовал отдать ему документы... И пусть катится...

— А майор? — спросил я.

— Майор сказал, что пойдёт сам. Без нас. А документов не отдаст. А товарищ комиссар крикнул, что документы — государственная тайна и у него приказ следить за ними... Чтоб не попали к немцу...

— А майор? — спросил я.

— Этот майор сказал: «Я за них расписывался!» Оделся. Предложил нам идти с ним. Но мы отказались. Решили ждать Красную армию.

Савелий снова налил самогона и выпил.

— Ты бы, дед, не сильно... — сказал Алексей.

— Сегодня праздник, — уже захмелев, ответил Савелий. — Правильно, товарищ генерал?

— И кто же убил майора? — спросил Павел Митрофанович.

— Товарищ комиссар, — гордо ответил Савелий.

— Ничего не путаешь, Савелий Александрович? — спросил генерал.

— Чё путат-то? Как сейчас с вами. Одежку просушили... Майор оделся. «Вы оставайтесь, товарищ комиссар, и ждите, — сказал. — С вами война всё равно никогда не кончится...»

— Так и сказал? — переспросил Павел Митрофанович.

— Так и сказал. «Не кончится!..» Взял свой мешок, противогазную сумку и пошёл. — Савелий налил себе самогона. — С праздником! — Выпил. Но заедать не стал. Поставил рюмку на стол. — А товарищ комиссар вынул пистолет и выстрелил... Два раза... в спину. Государственный документ спасал.

— Дальше, дальше! — нервно попросил генерал.

— Майор повернулся. Вынул пистолет. «Я тебе обещал...» И выстрелил... И прямо в голову товарищу комиссару. Чего обещал, я не знаю...

— И куда же вы девали пакеты? — спросил я.

— Забрал всё с собой.

— И мундиры? — не удержался я.

— Нет. Только сапоги майорские, — сказал Савелий. — Один боец... Который с нами был... Как раз ему впору...

— С покойника? — удивлённо спросил внук.

— А чего добру пропадать вражескому? Не фашисту же оставлять. — Савелий снова налил себе и выпил. — У майора лопатка сапёрна была. Вырыли могилу и положили... Товарища комиссара вниз. Засыпали маленько землёй. А сверху — этого майора... Я его положил не по закону... Головой на восток...

— А это зачем? — не удержался я. — Он же христианин, а не китаец какой?

— Чтоб ему всегда на том свете помнилось, што против власти не сметь!

— Ты про какую власть? — спросил внук.

— Что товарища комиссара застрелил, — сказал Савелий. — А государственную тайну фашисту хотел продать...

— Кофе или чай? — спросил я, стараясь не дать Савелию захмелеть окончательно.

— Кофе давайте, — радостно попросил он. — Ковды в Чернигов езжу, всегда пью... А моя старуха не любит. Мяту всё пьёт...

Я развёл костёр и поставил на мангал чайник.

Савелий полез в карман пиджака. Достал пачку «Памира». Заглянул в неё и, смяв, с остервенением швырнул в костёр.

— Вот, Алёша, не взяли мы с тобой курева.

Я поднялся и убежал в палатку. У меня было правило — всегда возить с собой сигареты и конфеты... для дам. Вывернул рюкзак наизнанку. На моё счастье, нашёл в кармане завалывшуюся пачку «Космоса» в твёрдой упаковке.

— Курите, — предложил я.

Савелий закурил.

— Слабоваты, — оценил он.

— Похоронили и пошли? — спросил я, стараясь продолжить разговор.

— Дошли мы до деревни. В одну избу постучали. Нам не открыли. В другую... Только в четвёртой приветили... Правда, не в дом. А в поветь. Это тут называется хлев. Дали поесть... Вот его бабка приносила. — Савелий указал на внука. — Двое ночью сбежали... А я вот и до сей поры живу.

— А пакеты где? — спросил генерал.

— Оставил их при себе. Государственная тайна... Пригодились. Как наши пришли в сорок третьем... Проверять стали — кто и как при немцах себя вёл... Я пакет сразу отдал... Отметили, что государственную тайну от фашиста сберёг.

— А второй где? — перебил Павел Митрофанович.

Савелий даже поперхнулся дымом.

— Откуда знашь, товарищ генерал, про второй-то?

— Потому и генерал, что знаю.

— Моя старуха-то... Тогда она ещё молода была... У нас только-только дочь родилась. Вот его мать... — Савелий кивнул в сторону внука. — Кудась его упрячала... Да про него и не спрашивали... В благодарность, что сохранил документ, меня в специальны войска определили. Поперву немецких пленных охранял. Потом возил из немецких лагерей всяку сволочь, котора в плен сдавалась в сорок первом и сорок втором...

Савелий сбросил пиджак, вышел из-под тента, расстегнул пуговицы на рубашке и подставил под горячие лучи седовласую грудь.

— Все уж дома, а я всё воюю... — пожаловался он. — Только в сорок пятом демобилизовали... В августе. Как сейчас помню... прямо на станции в Ростове-на-Дону. Оружие отобрали и всех по домам...

— С кем же воевали? — спросил я.

— В апреле сорок пятого назначили в Новочеркасск. В спецчасть. Я уж тогда был старшиной... Стали приходиться составы из Германии, Австрии... Привозили предателей, которы в сорок первом-то году в плен сбежали. Их ой как много было. За каждым глаз да глаз...

— Лагерь специальный? — уточнил я.

— Вроде. Утром для всех строева подготовка. Днём — стрелят. Окопы роют. Вечером зарывают... Чтоб завтра снова рыть. Учили, как родину любить, — рассмеялся Савелий. — А третьего августа полковник Клятый на плацу прочитал приказ перед строем: «Вы, как предатели родины, должны искупить свою вину кровью!» Вечером погрузили всех в вагоны. Раздали винтовки и повезли Армению от турок освободить...

— Кого? — вырвалось из меня удивление.

— Пособников Гитлера. Турков... Россия всегда воевала эту нечисть! — заявил Савелий.

Он вернулся за стол. Закурил.

— Жаль, не доехали до турок. Шестого августа

нас остановили в Ростове. Отобрали винтовки и всех по домам отправили... И меня. Даже денег на билет не дали, сволочи!.. Как хошь, так и добирайся... Но у меня кой-каки консервы были. Бельшико припасено... Маленько пришлось побаловаться на вокзале... чтоб денежек-то добыть... До жены и дочери добраться.

Савелий снова выпил...

— Вот я и хожу каждый год сюда... Могилку товарища комиссара поправляю... Кто другой знат, что хороший человек тут лежит?.. Вона Алексей после меня будет ходить... В Афганистане воевал... Герой!

— Пойдём, дед, — сказал внук. Надел на себя рюкзак, подхватил с земли костыли и, далеко забрасывая вперёд правую ногу, зашагал в сторону просеки.

* * *

Мы уселись у стола и принялись хлебать уху.

У меня осталось странное впечатление, что с уходом старика и внука ушла какая-то недосказанность. Мне почему-то не хотелось говорить о могиле.

— А Берлин не брали? — спросил я Павла Митрофановича, считая, что в День Победы лучше говорить о победе.

— После Киева меня в академию отозвали на основной курс...

— Учиться — это хорошо...

— ...делать из меня молодые генеральские кадры для будущих завоеваний во имя мира во всём мире, — со злой иронией сказал старик. Он перехватил мой удивлённый взгляд. — Это теперь я так говорю. А тогда... Учиться в Академии Генерального штаба мне с тремя классами и танковым училищем — великая честь... Ведь уже был генералом... А свой Берлин я взял девятого мая сорок пятого. Сел в поезд и помчался на Дальний Восток... На должность заместителя командующего танковыми войсками Первого Дальневосточного фронта.

— А как же ваши верные соратники?

— Взять с собой в академию я никого из них не мог, — с сожалением сказал Павел Митрофанович.

— Сделали бы из Амвросия офицера, — сказал я. — Всё легче, чем рядовому.

— Сделал бы. Да он сам не хотел. Старшину, солдата я куда хочу, туда и определяю. А офицерами

уже не командую. Штаб распоряжается. И не твой, а чужой, который от тебя за сто километров, а то и далее. А Хамзя, думаю, выжил. Очень пуля его не жаловала. Всё обходила... Была бы моя воля — забрал бы с собой. Как получил назначение после академии, попробовал разыскать. Но что можно сделать за две недели?..

— А как с японцами?

— После трёх лет мясорубки — японцы тьфу! Я даже не запомнил ничего, кроме корейца-хозяина, у которого нас с женой расквартировали...

— Так вы уже были женаты?

— Пока академничал, успел, — нехотя ответил Павел Митрофанович. — Очень мне нравился старик. Неспешный, рассудительный. Учил мою жену по разрезу глаз национальности различать... Мне все китайцы, японцы, корейцы на одно лицо. А он говорил: «Это не китаица. Это — манджурица...» Там у меня и первый сын родился. Хозяин был повивальной бабкой. До госпиталя не добежали...

— А сколько детей?

— Два сына... И четыре внука.

— Что входило в обязанности бронетанкового заместителя?

— Готовил вместе с оперативным отделом операции по захвату островов Курильской гряды и высадке на Хоккайдо и Хонсю...

— А как же договорённости о ненападении?

— Да какие там договорённости? — засмеялся Павел Митрофанович. — Пятнадцать миллионов штыков с танками, «катюшами» и пасекой бомбардировщиков любую армию под себя готовы были подмять. Ведь людей никто никогда не считал...

А в конце июня вызывает меня к себе командующий...

— Малиновский?

— Он самый... «Сходите в особый отдел. Там для вас приказ...» Отправился... Хозяин кабинета достал из сейфа папку и прочел: «Вам к 1 августа необходимо подготовить высадку танкового корпуса с морским десантом...» На Кунашир, Итуруп, Хоккайдо... и так далее. И чем масштабнее и стремительнее будет высадка, тем лучше. Средств не жалеть». Как сейчас перед глазами искрящиеся глаза счастливого человека, делящегося со мной куском этого счастья: «Третий фронт, так сказать! Все уточнения уже в оперативном отделе. Распишитесь!» И подсовывает мне чистый листок бумаги. Я взял его и

вспомнил, как расписывался при получении двух пакетов в штабе корпуса в сорок первом году. Перевернул бумажку... Как говорят, «знакомые всё цифры»... Сто десять двенадцать девяносто восемь. Это только во время лицемерных встреч с командованием у тебя имя, фамилия, звание. А на самом деле ты у власти только человек под номером...

– Выходит – инвентарный номер...

– Совершенно верно. Учётные цифры в особом отделе. С этим номером я, как конь с тавром, хожу по жизни. Думаю, что и сейчас в госбезопасности под этими цифрами числюсь...

– Зачем всё это? – спросил я.

– Вон проклятые империалисты кричат по «Голосу Америки», что Советский Союз готовил захват Японии. Расчленение по принципу Кореи на две части. А мы с пеной у рта говорим: «Ложь наглая! Докажите...» И действительно, крыть нечем. Где написан приказ о высадке на Хоккайдо? Нет! Ни одной бумажки... Ничего нет. Есть только белый листочек с моей или чьей другой подписью да цифры. А что за цифры? Скорее всего размер сапог, количество штанов, истертых за время службы... Съеденное количество банок американской тушёнки... А вы о каком-то ненападении...

– А вы?

– Приказ надо выполнять. Связался со штабом Тихоокеанского флота... С капитаном первого ранга... Фамилию запомнил... Ему за высадку потом Героя присвоили... Подготовил десантные баржи. Погрузил танки, десантников... И второго августа высадились на два острова... Четвертого и пятого – передышка... Седьмого – массивная высадка на Хоккайдо и Хонсю... А шестого приказ: «Операция отменяется. Половину техники и десанта вернуть на материк...» И всё без объяснения.

Я налил коньяка.

– Приказ не обсуждается, товарищ Юра, – сказал Павел Митрофанович, отказываясь от выпивки.

Он набросал шишек на кострище. Обложил бумажками и поджег.

– Вот и вся моя японская кампания, – сказал старик. – Через неделю получил приказ отбыть в город Львов командовать тамошними танками... Первый сын родился в Хабаровске, а второй – во Львове... Отправляли спешно, словно поганой метлой выметали как нагадившего щенка. Жена успела впопыхах двухмесячного

ребёнка собрать. Чемодан с пелёнками да еду на полдороги...

Во Львове служил до августа пятьдесят шестого. Оттуда получил назначение в Киевский округ. Уже семью перевёз. Собрался сдавать дела... Как вдруг приказ: «Шагом марш в Венгрию!»

– Опять приказ, – рассмеялся я.

– Время весёлое было. Только культ объявили, народ из лагерей стал возвращаться. А в газетах и на радио переполох: «В Венгрии бунтуют империалисты!» Ну, конечно, бывшие недобитые хортисты¹³¹, скрывавшиеся от возмездия гитлеровцы... Но идти на них танками – в голову не приходило. Сами разберутся...

– И опять приказ! – радостно улыбаясь, сказал я.

– Быстрым марш-броском захватить Будапешт!

Павел Митрофанович ушёл в палатку и вернулся с коробочкой. Достал таблетку и проглотил.

– Как в сорок первом... сначала переодели в парадное... Пришли. Никто нам не рад. Ничего, кроме мата русского, не услышишь. В лицо плюют. Пусть бы только плевали. Машины поджигают. Пехота в парадной форме. Бляхцацки блестят – цель хорошая. Не промахнёшься. Танки горят. Один, другой... десятый. А откырывать огонь в ответ пока приказа не получал. Зато другой пришел: «Окружить Оперный театр». Окружил. Как в Сталинграде. Внешнее кольцо и внутреннее. Стволы внутреннего направлены на здание театра, а внешнего – на толпу, что облепила нас.

– Не пускали публику слушать оперу?

– Да... Слушать! – рассмеялся Павел Митрофанович. – Люди входят в театр, выходят. А мы стоим и репы чешем...

– Опять приказ? – теперь рассмеялся я.

– А как же. Без этого нельзя. «Отойти за пределы города!» Отошли. На выходе: «Стоп!»

– Детская игра какая-то.

– Далеко не детская, – ответил старик. – Уже потом я узнал... В штабе Киевского округа один летун поведал по пьянке... В Венгрии было такое положение – ещё день и от большевиков камня на камне не останется. В Оперном был штаб восстания... Как в Смольном... Заседало новое правительство. Вот только запомнил фамилию их главного министра...

– Имре Надь¹³², – напомнил я.

– Точно...

– Вот в Москве и решили с восстанием покон-

чить одним махом. Из Узина подняли стратегические бомбардировщики. Те пошли на Румынию. Над Темишоарой отворот на девяносто градусов... и легли на курс. Час лёту... и Будапешт. Шесть эскадрилий с полным боекомплектом... А из Узина другие эскадрильи уже взлетают. Как говорят, бомб под самую завязку... В сорок пятом не разнесли вдребезги, так сейчас получай! Будешь знать, как советскую власть не любить...

А нас, чтобы не попали под свои бомбы, отвели...

Павел Митрофанович снял с огня чайник и принялся заваривать чай.

— Что вы смотрите на меня так удивлённо? — спросил он.

— И бомбили? — с ужасом спросил я.

— Слава Богу, у кого-то хватило ума... Отменили налёт. Самолеты ушли назад на Умань. А мне новый приказ...

Павел Митрофанович отхлебнул несколько глотков.

— А как только приехал в Киев, принял дела в штабе и тут же подал в отставку.

— Почему?

— Надоело быть дрессированным псом. Был у этой власти быдлом... и остался. Партия приказала!

— Комсомол ответил: «Есть!» — подхватив, рассмеялся я.

— Вот, вот... Я вспомнил, как Косаревский про присягу на сеновале спрашивал. Там про правительство, рабочий класс... А про Родину ни одного слова...

Сначала не хотели отпускать. Командующий округом мне песни стал петь: «Молодой. Сорок семь лет. В маршалы выйдешь». Но спасибо Никите Сергеевичу¹³³. Армию стал сокращать. Вот под шумок я и вылетел в запас. И с того дня, как стал штатским человеком, никаких штабов, райкомов, собраний и парадов... Неправда. Несколько раз внуки просили их на первомайский парад сводить... Надевал форму, вешал иконостас и вёл. Мне без спецпропуска позволялось у трибуны постоять...

— И не ходили за вами? — усомнился я.

— Нет. Но в покое не оставляли... Гонцы забегали. Один из обкома приезжал. Звал праздновать годовщину высадки на Лютежском плацдарме¹³⁴. Расписывал, как всё хорошо и торжественно будет организовано... Привезут штурмовавших... кто выжил. Я не выдержал и сказал этому партхолому:

«Вы бы лучше за эти деньги вдов и сирот из подвалов в квартиры переселили!..»

Больше не приглашали. В дом дорогу забыли... И я к ним тоже...

— А партвзносы? — спросил я. — Это же строго.

— Приходил райкомовский. Жена сказала, что я пропал без вести... Как-то легко поверили и обо мне забыли. Найти до сих пор не могут... И я счастлив. Отобрать у меня нечего. Дачи персональной нет, машины нет... Вот это озеро и берег Днепра — все мои владения... Потом стали партбилеты менять. Но я не пошёл...

— Так это невозможно у нас... — сказал я.

— Почему?

— Но ведь детей никуда не пустят... Ни учиться, ни работать... Гноить будут...

— А никто из них про меня в анкетах ничего не пишет. Папа — пенсионер, мама — домохозяйка... Они взрослые люди. Выучились. Один — музыкант... Музыку сочиняет. Второй — художник. Работают... И никакие партии им не нужны.

Павел Митрофанович замолчал. Подбросил в огонь сушняк.

— Я для власти, Юра, страшнее всяких вражеских разведок. Когда человек делает что-то плохо, для власти это знак. Она знает, что есть такой... А я ничего не делаю. На выборы не хожу... Даже телевизор не смотрю, особенно после того, как нам показали большую фигуру...

— Это вы о чём?

— О высадке человека на Луну... Весь мир смотрел, а мы дулю облизывали... Видите, у меня даже радиоприемника нет, как у вас... Равнодушные — хуже предательства. Никто не знает, что в моей душе творится. И вообще, скажу я вам, дорогой вы мой... Если такие верные псы, как я, отказываются служить в опричнине — власти хана... И очень скоро... А я не один такой, будьте уверены.

С неба стал падать громкий рокот. Над лесом, чуть не цепляясь за макушки сосен, пронеслось звено тяжелых боевых вертолётов.

— И тем более после теперешней войны, — прокомментировал полёт Павел Митрофанович, провожая взглядом вертушки. — Видать, перед начальством выпендриваются, если девятого мая летают.

— А я был в Будапеште, — сказал я. — С комсомольской делегацией. В Оперном тоже был... А вы не ездили в Будапешт потом?

— Мне нельзя в Венгрию... — Павел Митрофанович поставил чашку с чаем на стол.

— Почему?

Старик расправил спину и сказал с сожалением:

— Я же сказал, что получил приказ командования вернуться к Оперному... — И добавил, точно упрекая себя: — Руки по локти в крови...

Мы долго сидели молча.

— Всякая война в России заканчивается революцией... — сказал он. Пододвинул рюмку, налил коньяка и выпил. Искривил губы и недовольно заявил: — Кто заряжал?

Он ещё раз выпил, не приглашая меня.

Вечер заканчивался в молчании.

— Давайте ложиться спать... — тяжело предложил старик.

Когда улеглись, Павел Митрофанович вдруг сказал:

— Помните, я говорил о мальчонке, которого Амвросий из-под торосов выхватил... Так его расстреляли...

— Ребёнка! — вырвалось у меня. — За что?!

— Чтобы не выдал государственную тайну.

— Какую ещё?..

— Нас с позиций сняли и на Гудериана послали... А немцу дорогу преградили ледяным валом... Отец народов¹³⁵ ничего умнее не придумал... Приказал взорвать все плотины водохранилищ... Один из тех, кто должен был взрывать, заявил, что этого делать нельзя, не предупредив местное население. А лучший друг физкультурников ответил: «Придупридим, — Павел Митрофанович стал коверкать речь, изображая грузинский акцент. — Сразу аб этым узнайт нэмэцкае камандывание...» Знала кошка, чьим мясом отъедалась... Вы спрашивали про Зою Космодемьянскую? Так я вам скажу... Схватили её не немцы. Русские бабы сами немцу сдали.

— Что вы говорите?! — выдавил я из себя — Почему?

— Жечь дома и палить стога — не детей кормить... А она решила поджечь избу, где немецкие офицеры квартировали. Правда, в этой избе было шестеро малых детей, отец которых защищал Москву... Ну, шестеро детей — суший пустяк... Теперь спросите, почему из Освенцима сразу в ГУЛАГ? Без остановки...

— За что? — спросил я несколько подавленно.

— Что за Сталина воевать не захотели.

— А мальчик?

— А что мальчик?.. Пятьдесят деревень ледя-

ной вал снёс вместе со стариками и детьми... Одним мальчиком больше, одним меньше... «А был ли мальчик? Может, мальчика и не было?»¹³⁶

Старик стал вертеться на постели.

— Вы, Юра, лежите рядом с предателем... Сейчас я изменил родине... Я давал подписку о неразглашении факта подрыва плотин и шлюзов... под страхом смертной казни... Вызвали особисты и на пустом листочке с моими любимыми цифрами сто десять двенадцать девяносто восемь заставили расписаться, что никогда и никому об этом не расскажу... А мальчику расписаться не предложили... Не хватило бумаги и номеров...

10 мая

Нас разбудил стук топора...

Мы вышли испуганные.

У могильного холма лежали рюкзак и пиджак.

— Савелий чего-то недостроил? — предположил я. — Или кто другой сюда ходит?

Стук прекратился.

Из леса вышел Алексей. Он по-бурлацки тащил толстый сосновый хлыст толщиной сантиметров пятнадцать, с трудом переставляя костыли.

— Ты чего удумал, сынок? — крикнул Павел Митрофанович и побежал парню навстречу.

Мы подхватили сырую сосну и понесли.

— Что это будет? — спросил старик.

— Крест поставлю, — ответил парень. Опустился на колени, достал из рюкзака пилу и лопату. Он на руках, прыгая, подскочил к сосновому хлысту и принялся пилить.

— Вы, Юра, умеете плотничать? — спросил Павел Митрофанович.

— Руки не из одного места растут пока...

— Тогда помогите, а я завтрак приготовлю.

Я ушёл к палатке за топором.

— Ведь пирамида есть? — спросил я, взявшись коровать длинный кусок ствола.

— Тут два человека лежат, — ответил Алексей и начал коровать короткий.

— Где ногу потерял?

— В Афгане.

— Долго был там?

— Две недели.

— Офицер?

— Нет. Призвали.

— И сразу в Афган?

– Полгода в учебке в Оренбурге. Потом самолётом в Кабул.

– Где воевал?

– Нигде...

– Как?

– Везли куда-то на грузовике из аэропорта. Только помню какой-то кишлак возле дороги. Минарет... Вопль: «Шурави, таслим!»¹³⁷ И взрыв... Очнулся в госпитале... Почти как в кино. Упал, гипс... Только бриллиантов под гипсом не оказалось...

От палатки раздался голос Павла Митрофановича:

– Юра, берите гостя и – к столу.

– Я не пойду, – сказал Алексей.

– Неудобно. Генерал приглашает.

– Я потом. Когда всё сделаю.

– Потом мы поможем. Пошли.

Павел Митрофанович успел испечь полную миску оладий.

– Сметаны нет, – извиняясь, сказал он.

– У меня есть молоко... В рюкзаке... Я сейчас...

– Посиди, – попросил я. Принёс рюкзак.

Мы разлили молоко по кружкам.

– Утрешнее, – сказал Алексей. – Бабка доила...

– А дед где? – спросил я.

– Наверное, на реке. Инспектора изображает. Его хлебом не корми, дай с властью в руках меж людей потолкаться.

– А почему я тебя никогда раньше не видел? – спросил Павел Митрофанович. – Я вроде всех парней местных знаю...

– Я с отцом живу... А у матери своя семья здесь. Так, на неделю приезжаю иногда...

– Ты про эту могилу знал?

– Знал. «Я государственну тайну от немца спас!» Это у него любимое, когда выпьет.

– И чего про могилу? – спросил я.

– Он пьяный много чего болтает... Они, эти двое, – парень кивнул в сторону могилы, – ненавидели друг друга... А мой дед убил майора.

Мы с генералом переглянулись настороженно.

– Откуда ты это взял? – спросил я осторожно.

– Дед когда-то поругался с директором совхоза и прилюдно крикнул: «Я в том лесу не таких, как ты, решал!» А когда освобождали... бабушка говорила... дед сразу побежал с пакетом в СМЕРШ¹³⁸.

– А про второй пакет дед не рассказывал? – спросил Павел Митрофанович между прочим, пряча взгляд в траву.

– Он бы и два отнёс, да бабка припрятала...

– Зачем? – спросил я.

– Потому что толстый, – сказал парень. – Это надо мою бабку знать. На всякий случай. Как она всегда говорит, когда что-нибудь прячет: «Хай будэ. Ёсти нэ просыть»¹³⁹.

– Сколько лет твоей бабке? – спросил генерал.

– Как и деду... Шестьдесят пять...

– А почему толстый спрятали? – спросил я.

– Бумаг больше, – резонно заметил парень. – Значит, важнее. Я, когда маленьким был, любил по ящикам лазить. Нашёл этот пакет. Вскрыл. Ничего для меня интересного не было. Я показал бабке.

«Зачем по комоду лазишь?» – Она мне уши накрутила.

И перепрятала. Но я его всё равно нашёл. Лет через пять. Когда у отца уже жил. Приехал на лето и нашёл. И тоже перепрятал.

Алексей заглянул в рюкзак и вытащил большой серый конверт со следами сургучной печати, прилипшими к отвороту.

– В клуне за стропилом лежал до сих пор, – сказал он. – И мыши не погрызли, слава Богу.

Я взял конверт. В верхнем углу стоял блёклый чернильный штампик:

Совершенно секретно

Ниже были написаны какие-то цифры. А под ними – каллиграфическая рука штабного писаря вывела:

«Майору Багнету П.М.

Майору Куриат-Косаревскому И.А.»

– Кто такой Багнет¹⁴⁰? – спросил я, передавая конверт Павлу Митрофановичу.

– Багнет?... – в раздумье переспросил старик. – Багнет – это я. – И спросил у парня: – Почему ты решил принести?

– Вчера, когда с дедом вернулись, достал конверт и прочитал фамилию... Вас тут все знают...

Генерал вынул из конверта лист бумаги, сложенный впятеро, и развернул его. Это оказалась карта. Он составил на траву все приборы и тарелку с остатками оладий и положил её на их место. Это была карта части Польши и Восточной Германии. Достал из конверта ещё одну – серый прозрачный пергамент, тоже сложенный впятеро. Развернул и наложил на карту.

Две большие чёрные стрелы перерезали Польшу от Радома и Люблина в сторону Сед-

лица через Зелену Гуру и упирались в Лейпциг и Берлин. Начинались они от Берза и Равы-Русской.

— Это что означает, товарищ генерал? — спросил Алексей.

— Это часть директивы номер два, — ответил Павел Митрофанович. — В этом направлении танковая дивизия механизированного корпуса должна была совершить свой blitzkrieg¹⁴¹. Мой танковый полк в авангарде. А я, как командир полка... впереди на боевом коне... Т-34...

— А вы поняли, почему моего деда выгнали как поганую собаку в сорок пятом из-под Ростова? — вдруг спросил Алексей. И, поймав наши вопросительные взгляды, добавил: — Шестого августа сорок пятого года взорвали атомную бомбу в Хиросиме... И мировая война закончилась...

Алексей подхватил костыли с земли и поднялся из-за стола.

— Странно, — неожиданно сказал генерал. — Я рядом с этим взрывом был... И не подумал. — И добавил: — У вас когда поезд, Юра?

— В пять часов вечера.

— Ещё успеете, — Павел Митрофанович глянул на часы. — Сейчас только половина десятого. Автобус у просеки в половине второго. Помогите парню, а я вас провожу...

Мы ушли.

Багнет уселся за стол, сложил карты и вложил их в конверт. Достал чашку, налил в неё коньяк и молча выпил...

* * *

— С чего начнём? — спросил я у Алексея.

— Отгешем квадрат, сделаем гнёзда. Пару гвоздей... и поставим.

Он взялся за малый чурбак, я — за большой.

— Куда же вас везли из аэропорта? — спросил я, вспомнив слова парня о его войне.

— Не знаю. Я очнулся на больничной койке. Открыл глаза... Огромная палатка... Вокруг люди в серых халатах. Кто с рукой на перевязи, кто с перебинтованной грудью... Только в глазах какой-то звериный интерес ко мне... Точно ждали, когда я очнусь...

«Есть хочешь?» — спрашивает один.

«Хочу». — Действительно, голод подсасывал нутро.

«Ну, тогда вставай. А то на постели есть неудобно».

Откуда и сила взялась. Я отбросил простыню и попробовал встать... Упал лицом на пол.

А вся братия стоит надо мной и радостно хохочет. Базарное гиканье счастливых людей. Они-то знали, что я без ноги. И ждали...

Алексей обернулся и умолк.

За нашими спинами стоял Багнет.

— Это с тобой было, сынок? — спросил он.

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант...

— Значит, эту войну мы уже проиграли, — сказал Павел Митрофанович. — Заканчивайте и подходите...

Мы установили крест с противоположной стороны могилы, как раз напротив пирамидки. Утрамбовали песок вокруг.

Собрали инструмент.

— Мне пора, — сказал Алексей, поднимаясь на костылях с земли.

— Пойдём к генералу. Звал...

На столе стояли бутылка коньяка и три рюмки.

— Давай, солдат, за тебя выпьем, — сказал старик и обнял Алексея.

Мы с генералом выпили. Алексей долго держал рюмку и, перед тем как выпить, сказал, глядя в пространство перед собой отрешённым взглядом:

— Когда они нас перестанут убивать? Зачем мы живём здесь?..

Забросил за спину рюкзак и добавил:

— Конверт ваш, товарищ генерал... И вот ещё... — Он вынул из кармана большие часы в белом корпусе. Протянул Багнету. — Они не ходят. Я их в детстве сломал.

Он скрылся в просеке.

Павел Митрофанович повертел часы и положил на стол.

— Это чьи? — спросил я.

— Косаревского...

* * *

Снова заголосили сойки. Из глубины леса долетел надсадный гул мотора. На поляну въехала зелёная «буханка». Из водительской двери выпрыгнул высокий мужчина лет сорока с большой лысиной, которая начиналась на огромном плоском лбу.

— Привет, батя! — закричал он. — Принимай народ! — И ушёл открывать задние двери фургона.

Боковая дверь салона отворилась, и на траву бодро выпрыгнула невысокая стройная женщина лет шестидесяти. Круглое лицо, большие черные глаза и венчик седых волос с крупными локонами.

— Пашенька, как твоё сердце? — взволнованно спросила она. — Ты таблетки принимал?.. — И, увидев три пустые коньячные бутылки, которые валялись у стола, всплеснула руками. — Я так и знала! Ни на шаг отпустить нельзя...

— Аля, — выказывая детскую неловкость, позвал Павел Митрофанович женщину. Было видно, что неожиданный приезд гостей застал генерала врасплох. — Иди... я тебя... познакомлю. — И, повернувшись ко мне, он сказал: — Это... моя... жена.

— Мать! — долетел возглас от машины. — Давай быстрее разгружаться! А то у меня мало времени.

— Выкладывай всё на землю, Дима... — ответила женщина. И, уже обращаясь к мужу, спросила: — Вынеси Пепла, а то он боится... Вы тут не голодные?

— Ульяна Емельяновна! — Услышал я знакомый голос изнутри автомобиля. — Котлеты! С ними что делать?

«Докторская диссертация приехала, — сообразил я. — Обещал. Не обманул...»

На поляну выскочил огромный пушистый пепельно-серый кот, а следом с большой кастрюлей в руках вылез грузный человек без талии и с толстыми линзами на длинном носу.

— Старик! — крикнул он, увидев меня. — Ты ещё тут? Очень хорошо! Вечером пулечку¹⁴²...

— Я сегодня уезжаю, старик, — ответил я. — У меня поезд... Как твоя диссертация?..

— Докторская колбаса с водкой гораздо лучше, старик... Сказали на учёном совете, что «этого не может быть, потому что не может быть никогда»¹⁴³...

— Вы с ним теперь за один стол не садитесь, — сказал Дима, выкладывая вещи на поляну. — Величина... Отец столбовых клеток... Я правильно говорю, товарищ доктор?

— Столбовые бывают только дворяне, деревня! — ответил мой приятель. — А у меня ствольные клетки.

— Столб — это ствол без коры, — сказал Дима.

— Дима, — спросил Павел Митрофанович, — подвезёшь человека на станцию?

— Конечно...

— Ты действительно, старик, уезжаешь? — спросил обиженно ствольной доктор.

— Увы!

— Ну, тогда пойдём выпьем!

* * *

«Буханка» медленно выбиралась с рытвины на ухаб просеки. Мотор гудел. Дима непрерывно дёргал рычаг переключения передач.

— Дмитрий Павлович, — спросил я, когда выехали на асфальт, — часто сюда навдываетесь?

— Я не Павлович, а Амвросиевич, — ответил шофёр. — К сожалению, четыре раза в году. Привожу, перевожу и отвожу... На озеро и на Днепр.

— А сами рыбачите?

— За работой не хватает времени. Одни командировки... Если на Ахтубу еду... Вот там иногда ловлю.

— А на Ахтубе что?

— Капустин Яр¹⁴⁴.

— А вы кто?

— Борюсь за мир во всём мире в качестве главного конструктора. Делаю чего-то, но не «перекрываю Енисей»¹⁴⁵.

— А ваш отец?.. Что с ним?

— Не знаю, — после долгой паузы ответил Дмитрий Амвросиевич. — Я ведь до недавнего времени носил фамилию матери, потому что незаконнорожденный. А потом написал в военкомат запрос. У мамы полевая почта на открытке была. Седьмым мая из Берлина датирована... Прислали ответ: «Погиб 9 мая 1945 г.». В какой-то деревне возле Праги. Там и похоронили. Он же был танкистом... Думаю — брешут... В Праге никаких боёв уже не было девятого мая... Могли расстрелять смершники за что-то... Мама, пока была жива, всё пыталась узнать... Добивалась... Как в глухую стену... Вы ему — никто.

— А бабушка?

— Бабушка Анисья? Анисья Аврамовна... Я её не помню. Только по рассказам. В сорок втором, мама говорила, партизанский отряд организовала... Немцы дядю Толю схватили... И ей предложили сдать, в обмен на его жизнь... Она сдалась... Их обоих повесили... Её до сих пор все в селе помнят. Даже улицу называют Анисьиной.

— А почему не по фамилии?

— Так это у народа. А у власти — улица Колхозная. Кому нужна какая-то партизанка, если она за своё воевала без руководящей роли...

— А Борис?

Дмитрий внимательно посмотрел на меня. Долго молчал и спросил:

– Откуда знаете про Бориса?

– Павел Митрофанович рассказывал.

– Ушёл он, – после долгого молчания сказал Дмитрий. – Его послали в Германию кого-то убить. В пятьдесят шестом... Не захотел убивать... Теперь в Мельбурне живёт... Получили от него весточку два года назад... Кто-то сюда приезжал из его австралийских друзей. В Москве бросил письмо в почтовый ящик ...

– У него была семья?

– Нет.

– А ещё Павел Митрофанович рассказывал о каком-то Евсее?

– Про него и сейчас вспоминают... Голова был, – многозначительно сказал Дмитрий Амвросиевич и зло добавил, ухмыльнувшись: – Пришли наши... и повесили!

– За что?

– За то, что народ в селе его старостой избрал... Он партизанам помогал крепко... У немцев крутился... Моя мать была у него связной... Но всё это не считается. Коллаборационист...

Мы въехали на привокзальную площадь.

Дмитрий Амвросиевич пожал мне руку, и я выскочил из машины.

«Буханка» уехала.

* * *

В Москве на вокзале я сдал вещи в камеру хранения и помчался в редакцию газеты. Влетел в кабинет завотделом и с порога крикнул:

– Я снимаю статью!

– Ты с ума сошёл! Мы её в номер собираемся сдавать! На подписи у главного...

– Мне без разницы. Я только могу поблагодарить редакцию, что не поставили мой материал...

– С чего вдруг?

– Цензура не пропускает.

– Какая цензура? С ней всё улажено давно.

– Моя. Собственная.

Через неделю я съездил в Петрищево... Лучше бы сидел дома. Вернулся с ощущением обманутого мальчика...

* * *

Коротая зимой длинные, тёмные вечера, я готовился к будущему сезону. Накупил снастей нужных и ненужных. У комиссионного магазина на Хорошёвке какой-то барыга всучил мне заграничную штучку – маленький диктофон.

За тридцать дней взял билет на поезд... На 28 апреля...

Но 26-го взорвался Чернобыль...

Я позвонил приятелю в газету с желанием обсудить трагедию, как со специалистом. Он приехал ко мне и показал карту радиоактивного загрязнения.

Моё озеро оказалось в тридцатикилометровой зоне отчуждения...

Ехать было бессмысленно...

Примечания

77 КВ – тяжёлый танк «Клим Ворошилов».

78 Ровер – велосипед (польск.).

79 Военпред – представитель армейского заказчика вооружений на промышленном предприятии.

80 Деникин А. И. – командующий Белой армией.

81 «Какое звание? Какой батальон? Из какой дивизии? Кто командир? Какое задание получил твой батальон на ближайшие сутки?» (нем.).

82 «Гер майор, если бы ты знал, как тяжело воевать, когда вокруг тебя не с немцем воюют, а только ловят врагов советской власти...» (нем.).

83 «Так точно, гер батальонный комиссар!.. Хлеб и сало – самая лучшая политинформация» (нем.).

84 «Немецкие солдаты и офицеры...» – начало популярной песни времён Первой мировой войны.

85 «А ты молодец, гер майор!» (нем.).

86 Аттестат – форма денежного довольствия во время войны.

87 Александровский рavelин – часть Петропавловской крепости, где содержались декабристы, приговорённые к повешению.

88 Система паролей в кавалерии РККА, оставшаяся со времен царской армии неизменной. В вопросе должен содержаться предмет конской амуниции, а в ответе название города.

89 Кирпонос М.П. – в 1941 г. командующий Киевским особым военным округом.

90 Козья ножка – бумага, свёрнутая по форме курительной трубки (жарг.).

91 Звезды на рукавах и в петлицах – отличительный атрибут формы комиссаров и политруков РККА.

92 «Мозер» – часы известной европейской фирмы.

93 Коробочка – героиня поэмы Н.В.Гоголя «Мертвые души».

94 «Литературка» – «Литературная газета».

95 Мыслик – полка для посуды (южн.-русс.).

96 Лафетник – рюмка в форме многогранной пирамиды на невысокой ножке.

- 97 Мухортый – масть лошади.
 98 Знаменитая фраза И. Сталина.
 99 Цитата из Н. А. Салтыкова-Щедрина.
 100 Цитата из А. А. Ахматовой.
 101 Знаков отличия в РККА не имели рядовые бойцы пехоты и кавалерии.
 102 Тридцатник – купюра «три червонца».
 103 Крамныця – магазин (укр.).
 104 Чугунка – железная дорога (белорус.).
 105 Солоник – картошка (белорус.).
 106 Чоботы – сапоги (укр.).
 107 «Сегодня хорошо. Капитан будет доволен» (нем.).
 108 Раис – председатель, начальник (там.).
 109 Яман – мироед (там.).
 110 Капшук – маленькая сумочка, наподобие большого кيسета (укр.).
 111 Федоренко Я. Н. – генерал-полковник, в 1941 г. начальник Главного бронетанкового управления РККА.
 112 Акча – деньги (там.).
 113 Интендант третьего ранга – командирское звание по должности в тыловых частях РККА.
 114 Райс Т. – красноармеец, который первым в РККА закрыл грудью амбразуру немецкого дзота в 1942 г.
 115 Тимошенко С. И. – Маршал Советского Союза. В 1941 г. – нарком обороны. В июне-июле 1942 г. – командующий Юго-Западным фронтом.
 116 Гордов В. Н. – генерал-лейтенант, в 1942 г. командующий 21-й армией и командующий Сталинградским фронтом. Расстрелян в 1949 г. по обвинению в антисоветской деятельности.
 117 ЧОН – части особого назначения, карательные формирования, главная задача которых – отбирание хлеба у сельского населения и подавление голодных бунтов.
 118 «Ванюша» – немецкий шестиствольный миномёт, получивший прозвище по аналогии с «катюшей».
 119 Крыжень – порода самых больших диких уток.
 120 Шухер – крик, предупреждение (идиш).
 121 Переменник – на языке сотрудников особых отделов боец штрафного батальона.
 122 Подкалиберный снаряд – снаряд с бронебойным сердечником.
 123 «Юнкерс» – здесь фронтальной бомбардировщик «Люфтваффе».
 124 Еременко А. И. – генерал-полковник, в 1942 г. командующий Сталинградским и Юго-Восточным фронтами.
 125 Светильник, изготовленный из гильзы зенитного снаряда.
 126 «Юнкер» – здесь бомбардировщик фирмы «Юнкерс» (жарг.).
 127 Вепш-пепш – свинья-перец (польск.). Солдатское прозвище автомата ППШ (жарг.).
 128 «Буханка» – автомобиль-фургон Ульяновского завода (жарг.).
 129 Почтовый ящик – предприятие оборонно-промышленного комплекса (жарг.).
 130 «Памир» – сорт дешёвых сигарет.
 131 Хортисты – соратники М. Хорти, диктатора Венгрии, воевавшей на стороне гитлеровской Германии.
 132 Надь И. – руководитель правительства восставшей Венгрии.
 133 Хрущёв Н. С. – первый секретарь ЦК ВКП(б) 1953–1963 гг.
 134 Лютежский плацдарм – место форсирования Днепра частями 1-го Украинского фронта в сентябре 1943 г. у села Лютеж, севернее Киева.
 135 Отец народов – Сталин И. В.
 136 Цитата из М. Горького.
 137 «Шурави, таслим! – советские, руки вверх!» (советские, сдавайтесь!) (дарм).
 138 СМЕРШ – контрразведка Красной армии с 19 апреля 1943 г.
 139 «Пусть будет. Есть не просит» (укр.).
 140 Багнет – штык (укр.).
 141 Blitzkrieg – от (blitz – молния и krieg – война) – теория молниеносной войны (нем.).
 142 Пулечка – партия в преферанс (жарг.).
 143 Цитата из А. П. Чехова.
 144 Капустин Яр – крупнейший полигон для испытаний военной техники в калмыцкой степи.
 145 Вольная цитата из Ю. Визбора.

Виктор Петрович СЛАВЯНИН

родился в 1943 г. в Киеве.

Окончил Высшие литературные курсы

Литературного института им. А. М. Горького.

Прозаик, переводчик.

Публикуется с 1967 г.

Автор книг: «Танкисты», «Посещение мира»,

«Враги», «Перед чертой» и других.

В журнале «Север» публикуется впервые.

